

ВЫБОР НОВОГО КУРСА

В.Г.Долгов, В.Я.Ельмеев, М.В.Попов

Москва «Мысль» 1991

Соратникам по трудной борьбе за единство нашей многонациональной страны

Анализ развития советского общества за годы перестройки свидетельствует о серьезных противоречиях между первоначально провозглашенными целями и реальностями сегодняшнего дня. Известно, что в качестве первоочередных были выдвинуты задачи обеспечения благосостояния советских людей, ускорения социально-экономического развития страны путем преодоления отчуждения трудящихся от власти, от собственности, от культуры. Что и говорить — цели благородные.

Однако на многотрудном пути движения к ним обнаружилось исключительно острые и сложные проблемы, достигшие сегодня своей кульминации. Например, предполагалось, что процессы демократизации, с каждым днем набиравшие силу, будут способствовать превращению Советов в органы подлинного народовластия. Но сложилось по-другому: среди народных депутатов СССР рабочие и рядовые колхозники составляют менее четверти, а в составе народных депутатов РСФСР всего 5,9%. Не лучше ситуация и в местных Советах. Особенно парадоксальна она в Москве и Ленинграде — крупнейших индустриальных центрах страны: в Моссовете и Ленсовете депутатов-рабочих буквально единицы.

Как видно, вместо прежнего, зачастую формального участия трудящихся в управлении обществом — почти полное их отстранение. Такое получилось «народовластие». Ясно без лишних слов: избирательная система, по которой формировались нынешние Советы, требует радикального изменения.

Столь же парадоксальная ситуация складывается и с решением такой проблемы: как сделать советского человека, трудящегося, хозяином, преодолеть его отчуждение от средств производства, от собственности. Вопрос этот не риторический. В обществе обозначился резкий рост частнособственнических тенденций, теневой экономики, коррупции, стяжательства.

Деструктивным силам удалось в значительной мере скомпрометировать ленинскую идею кооперации, направив кооперативы в спекулятивно-паразитическое русло. Следствием такой политики явились усиление процессов социального расслоения, общее удорожание жизни, рост социальной напряженности: с одной стороны, наблюдалось заметное и все усиливающееся ухудшение материального положения «низов» — широких масс трудящихся, с другой — формировалась и крепла каста советских миллионеров, появился слой рантье. В результате трудящиеся оказались еще более отчужденными от собственности, а проведение приватизации может лишь всерьез и надолго закрепить это отчуждение. Естественно, что бумеранг недовольства в течение последнего времени все сильнее бьет по высшему руководству страны.

Как же на практике решается проблема отчуждения трудящихся от достижений культуры? И здесь не обошлось без парадоксов. Взрыв негативных разрушительных явлений: массивное распространение и насаждение культа индивидуализма, эгоизма, стяжательства, насилия, порнографии, а в конечном счете — разрушение личности, ее духовное опустошение во имя «чистогана». В обществе широко распространились настроения равнодушия, пессимизма, апатии, а лозунги свободы и демократии стали трактоваться как вседозволенность. До крайности обострилась извечная человеческая дилемма: индивидуализм или коллективизм? Причем заметную роль в политике «деидеологизации» играют средства массовой информации, во многом оказавшиеся под влиянием антисоциалистических, антикоммунистических сил.

Конечно, такая ситуация прежде всего на руку реставраторам капиталистических начал и их теоретическим апологетам. Простые труженики — за возрождение советского строя, против размывания, разрушения социалистического общества, трансформирования его в капитализм. Высказываясь за многообразие и развитие всех форм социалистической общественной собственности, советские люди твердо стоят за то, чтобы народное хозяйство страны, весь ее духовный потенциал действовали в интересах трудящихся, для улучшения их благосостояния, роста культуры и нравственности.

Они справедливо требуют, чтобы осуществляемые политические и социально-экономические преобразования не лишали их существующих социальных завоеваний, не вели к ухудшению их жизни, к утверждению и разгулу частной собственности и неизбежно порождаемой ею эксплуатации человека человеком, росту социального неравенства и социальной напряженности. Проводимые реформы должны быть направлены на сохранение и укрепление таких социалистических, общечеловеческих ценностей, как социальная справедливость и социальная защищенность, коллективизм, патриотизм и интернационализм.

Советских людей особенно беспокоит и с каждым днем усиливает их недовольство противоречивость и непоследовательность политики и многих практических шагов, осуществлявшихся руководством страны после XXVII съезда КПСС, и особенно в последнее время. В день открытия XIX Всесоюзной партийной конференции «Правда» опубликовала подборку писем под общей рубрикой: «Что бы я сказал с трибуны конференции?» В их числе был опубликован фрагмент моего письма под названием: «Нужны оппоненты». В нем шла речь о том, что курс на перестройку был взят без глубоко осмысленной научной концепции, без четкой и ясной программы, без создания необходимых идеологических, политических и экономических предпосылок. Все это не могло не породить (и очень скоро породило) «пробуксовку» движения, а затем и кризис, сказавшись на политической ориентации перестройки. Идеи и лозунги перестройки «повисли в воздухе», а сам термин стал ширмой, прикрываясь которой действуют многоликие хорошо организованные антисоциалистические силы.

Первоначально их лидеры не без учета тогдашней ситуации объявили себя активными сторонниками перестройки, но, едва утвердившись в этой роли, многие из них выступили совершенно с иных позиций — как многоликие антисоветчики и антикоммунисты. Прикрываясь «перестройкой», словно фиговым листком, они повели дело к ликвидации социалистического строя, Советской власти, завоеваний Великой Октябрьской революции. Однако инициаторы курса на перестройку долго и упорно продолжали твердить, что ей «нет альтернативы», оставались глухими к голосу оппонентов. Больше того, оппоненты разом зачислялись в разряд противников перестройки, а те,

кто вел дело к перемене строя, объявлялись ее «прорабами» и «запевалами». Именно в таком обличье долгое время ходили афанасьевы, поповы, шмелевы, буничи, коротичи, яковлевы, лацисы, шаталины, арбатовы... Выходит, даже наша многострадальная история ничему не научила многих из руководства КПСС и страны. Они продолжали исключать и альтернативы, и оппонентов.

Что же в итоге? Объявленные цели не только не достигнуты, но и во всех областях общественного развития создалась острокризисная, критическая ситуация: страна оказалась у края пропасти.

Между тем все эти «перестроечные» годы голос оппонентов то здесь, то там все-таки пробивался наружу, хотя действительно конструктивные предложения не были «услышаны». И именно в этом плане следует рассматривать предлагаемую читателю книгу. Ее авторы не претендуют на истину в последней инстанции. Но это честный взгляд на создающуюся в стране в высшей степени драматичную ситуацию и ее исторические предпосылки. Авторы постарались провести взвешенный, непредвзятый анализ развития общества и партии в «перестроечные» годы, сформулировать причины провала курса на перестройку, высказать собственное видение выхода из тупика. В книге предлагается эффективная программа нормализации жизни общества, возрождения советского социалистического строя. Новый политический курс, о котором будет идти речь в книге, авторы не придумывают ради новизны самой по себе; он является следствием необходимости вывода политики, экономики, духовной сферы общества на магистральный путь исторического развития после тех зигзагов и отступлений, которые имели и имеют место.

Обосновывая курс на свободное развитие всех членов общества, авторы показывают, что движение в этом направлении требует единения рабочих, крестьян, интеллигенции, военных в Советах всех уровней — от трудовых коллективов до Верховного Совета. Возглавить борьбу трудового народа может только класс, партия которого ведет внутри себя постоянное сражение с оппортунизмом, укрепляя ленинские основы, развивая созидательную инициативу коммунистов. Этот вывод не раз подтвержден самой историей.

Очевидно, что книга побудит читателей задуматься над происходящим и, пока есть шанс, сделать выбор, дать свой ответ на отнюдь не риторический

вопрос: что делать? У всех, кто возьмет в руки книгу, должно родиться желание внести свой вклад в многотрудное дело спасения нашей страны во имя и в интересах трудового народа.

В соответствии с решениями XXVIII съезда КПСС в партии разворачивается теоретическая работа над проектом четвертой Программы КПСС. Складывается ряд творческих коллективов, отрабатываются новые подходы, назрела потребность в дискуссии по концептуальным проблемам новой Программы. В этом плане данная книга весьма актуальна.

Спектр затрагиваемых в ней проблем охватывает экономику, политику и идеологию. Она содержит не претендующие на окончательность выводов и оценок результаты исследования таких ключевых проблем, как истоки и причины кризиса, противоречия, в которых оказалась страна, пути и средства, формы и методы преодоления негативных и усиления позитивных тенденций. Особое внимание уделяется роли Коммунистической партии, Советов, органов самоуправления в стабилизации жизни общества и развитии социализма.

Предлагаемые альтернативные решения еще не получили широкого хождения, хотя ряд идей — о преодолении наемного характера труда, о вступлении в силу закона потребительной стоимости, о проведении в целях оздоровления экономики денежной реформы, о хозрасчетном стимулировании снижения цен, об укреплении Советской власти через развитие самоуправления в трудовых коллективах, о социалистических формах и методах осуществления научно-технического прогресса — уже имеют признание, а также заслуживают дальнейшего конструктивного обсуждения.

Авторы — известные ученые-обществоведы, профессора Ленинградского университета, активно участвующие в общественно-политической жизни: В.Г. Долгов — доктор экономических наук, заведующий кафедрой социального управления и планирования, член Центрального Комитета Коммунистической партии РСФСР, В.Я. Ельмеев — доктор экономических наук, доктор философских наук, заведующий кафедрой прикладной и отраслевой социологии, заслуженный деятель науки РСФСР, М.В. Попов — доктор философских наук, профессор кафедры политической экономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук, член Ленинградского обкома КПСС. Они известны

нестандартной и острой постановкой вопросов, политической заостренностью формулировок, что на данном этапе может стимулировать плодотворную дискуссию в партии и обществе, способствовать тому, чтобы в споре рождалась истина, отыскивались единственно верные пути преодоления насущных проблем.

И. Осадчий,

доктор исторических наук, профессор

РАЗДЕЛ I

КАК МЫ ДОШЛИ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ?

Глава 1

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕШЛА В РАЗРУШЕНИЕ

1. НАЧИНАЛИ С ОБНОВЛЕНИЯ...

Вспомним, с чем вступала наша страна в 80-е годы. На слуху были успехи в науке и технике, литературе, балете, спорте. Советский Союз преуспевал в освоении космоса, продолжалось укрепление обороноспособности державы, развивались новые территориально-производственные комплексы, был достигнут весьма высокий уровень добычи всевозможных ресурсов, особенно нефти и газа. Многие делалось в просвещении и образовании, в обогащении духовной жизни народов великой страны.

Однако все острее чувствовалось, что в обществе накапливаются негативные проблемы и тенденции. Под прикрытием провозглашенной доктрины «развитого социализма» набирал силу процесс социального расслоения общества. Рабочие, колхозники, инженерно-технические работники, служащие, учителя, врачи, военные вкладывали свои силы, знания, нервы, здоровье, умение в производство, сельское хозяйство, образование, науку и культуру. Это проявлялось во все большем количестве добытого сырья, выплавленного металла, выработанной электроэнергии, выращенного урожая, разработанных образцов новой техники, обученных школьников и подготовленных студентов и т.д. Но собственная жизнь трудящихся к лучшему существенно не изменялась: им все больше не хватало ни времени, ни средств для удовлетворения потребностей собственной деятельности и развития своих детей. Целые регионы, дающие гигантские объемы топлива, руды, леса, чугуна, стали, цветных металлов, техники, стройматериалов, зерна, мяса, оказались в тяжелейшем экологическом состоянии, при остром дефиците всего и вся, включая предметы первой необходимости. Именно здесь все наглее выпускала когти преступность и в нищете задохнулись культура и искусство.

В то же время формировались социальные группы и целые слои, представители которых имели в избытке богатейший набор благ и

возможностей для удовлетворения своих безмерных потребностей и прихотей. Накапливались материальные и денежные богатства, полным ходом шел грабеж общественной собственности. В ее порах, высасывая кровь трудового народа, действовали ловкие предприниматели и спекулянты, организаторы подпольных производств, взяточники и очковтиратели. Особенно хорошо себя чувствовали те, кто был причастен к распределению потребительских благ и услуг по общественным каналам. Это была самая «сливочная» сфера народного хозяйства. Здесь сталкивались интересы многих общественных сил. В распределении участвовали и государство, и партия, и профсоюзы, и комсомол, и хозяйственники, и пресса, и многие деятели и организации. На этом поле битвы за потребление сложили свои политические головы как молодые, подающие надежды бойцы, так и умудренные опытом политиканы. В целом нарастала неудовлетворенность трудящихся уровнем их жизни, характером распределения общественного богатства. Причем те, кто его непосредственно создавал, жили несравнимо хуже тех, кто его распределял.

Особенно тревожное положение складывалось с эффективностью производства. Господствующий экономический стоимостной механизм стимулировал сугубо затратный способ хозяйствования. Многие показатели нацеливали общественное производство на получение «вала», который был тем больше, чем больше было затрат — и сырьевых, и трудовых. Затраты все более и более становились самоцелью. Кроме безрассудного растранижения всех видов ресурсов такая система хозяйствования обрекала страну на отставание в главном — в реализации достижений научно-технического прогресса. Он не нужен затратному хозяйственному механизму, ибо по своей сути приводит к экономии затрат, прежде всего человеческого труда. Новая техника и технологии, принося «головную боль» производственникам, снижала стоимостные объемы работы со всеми вытекающими отсюда последствиями: сокращением фонда заработной платы, премий и прочих фондов и лимитов.

Достижения науки и техники приходилось буквально с боем проталкивать, пробивать, преодолевая всяческие противодействия. В целом сопротивление было столь сильным, что большинство отечественных новинок и изобретений, не признанных в стране, реализовывались за рубежом. Примеров тому бесчисленное множество: от способа непрерывной разливки

стали до организации труда по типу «бригад качества». Всеобщая погоня за затратами не только напрямую тормозила научно-технический прогресс, но и, более того, сковывала заинтересованность непосредственных производителей материальных благ в его распространении. Трудящиеся не получали в свое распоряжение его результаты. Да и применение новой техники в принципе ничего не меняло в их жизни. Какую бы высокопроизводительную и экономную технику они ни применяли, как бы ни увеличивали количество произведенной продукции, время их работы не сокращалось, отпуск не увеличивался, зарплата практически не возрастала. В итоге производство все более и более устаревало, искажалась структура экономики, она неуклонно превращалась в «самоедскую», бездушную, бесчеловечную машину, поглощающую природу и самих людей.

Опасные тенденции старения (в прямом и переносном смысле) охватили и КПСС. Партия, с одной стороны, связала себя по рукам и ногам хозяйственными делами, с другой — ее все сильнее сковывали бюрократизм, чиновничество. Многие ее структуры все последовательнее работали на самих себя, на собственное расширенное воспроизводство. В партию заметно сократился добровольный приток рабочих, крестьян, интеллигенции. Она по сути теряла свою социальную базу, что равносильно утрате самого смысла существования партии. Ее деятельная, созидательная жизнь словно замерла, внутрипартийная демократия была сведена лишь к некоторым ритуальным моментам, съездам, заседаниям, торжествам, приемам, встречам.

В КПСС как во властную структуру, как в правящую партию стремились и зачастую попадали по карьеристским, дежаческим соображениям. Эти принципы во всевозрастающей мере становились определяющими в кадровой политике. Наиболее ценными качествами считались исполнительность, почитание старших по должности, начетничество и формализм, умение угождать. Вверх, вплоть до высшего руководства партии, пробивались, как правило, самые «способные», самые «одаренные» прежде всего этими качествами, проявлявшие в корыстных битвах и интригах недюжинные талант и изворотливость.

Отмеченные качественные изменения в обществе, государстве и партии не случайны. Они накапливались постепенно (к раскрытию причин

негативных явлений и тенденций мы еще вернемся), с ними не только не велась сознательная борьба, но и, более того, они находили отражение в официальной идеологии. В теории господствовала и выдавалась за достижение марксизма-ленинизма концепция «развитого социализма» с общенародными государством и партией, затушевывавшая реальные противоречия в движении нашего общества, оправдывавшая застой и косность, глушившая любую оригинальную общественную мысль. Страна нуждалась в новых концепциях развития общества, в совершенствовании социального регулирования.

Нельзя сказать, что эти процессы оставались незамеченными. Многие научные, партийные, хозяйственные работники, писатели, рабочие, крестьяне, военнослужащие все отчетливее понимали необходимость изменения складывавшегося положения, обновления экономических отношений, кардинального совершенствования всей системы управления и планирования. Новые, современные формы требовались народному образованию, культуре, информации. Творчество нужно было партии, профсоюзам, комсомолу. Таким советское общество вступало в 80-е годы — с пониманием стоящих трудностей и с желанием их скорейшего преодоления, дальнейшего движения вперед.

С приходом в ноябре 1982 г. к руководству партией Ю.В. Андропова был взят курс на борьбу с негативными явлениями, на утверждение и развитие прогрессивных начал в жизни советского общества. В партии стал пробивать себе дорогу диалектический взгляд на развитие социализма как на движение через разрешение противоречий путем борьбы позитивных и негативных начал, нового со старым. Такой взгляд создавал предпосылки для реализма в экономике и политике, давал возможность раскрыть преимущества и перспективы социалистического пути развития. Был начат поиск форм и методов реализации общественной собственности, социалистических способов интенсификации производства, развития самоуправления. Все больше внимания стало уделяться реализации принципов социальной справедливости, борьбе с приписками, коррупцией, хищениями, взяточничеством, повышению ответственности и дисциплины, укреплению правопорядка. Вот характерная для того времени позиция политического

руководства по конкретному вопросу социального управления. «У нас немало и обоснованно говорят о необходимости более полной реализации возможностей и преимуществ социалистической системы хозяйства в современных условиях. Но бывает и так, что перспективу повышения темпов развития экономики и роста ее эффективности ставят лишь в зависимость от развития товарно-денежных отношений. Что можно *сказать* по этому поводу? Да, товарно-денежные отношения присущи социализму. Их инструменты широко применяются в социалистической экономике. И важно научиться еще лучше использовать эти инструменты, не забывая, разумеется, о том, что при социализме изменяется их природа и назначение...

Вместе с тем сведение задачи более полного использования потенциальных возможностей социалистической системы хозяйства только к этому означало бы принижение таких коренных принципов социализма, как плановый характер нашей экономики, приоритет социальных целей экономического развития, возможность ее сознательной оптимизации, качественных сдвигов в производстве в интересах общества.

Реализация именно этих коренных принципов позволила странам социалистического содружества достигнуть впечатляющих результатов в своем развитии»¹. Как видим, подход к сложнейшим проблемам серьезный и основательный.

Реалистичный взгляд на движение советского общества как его развитие через борьбу позитивных и негативных тенденций, положенный Ю.В. Андроповым в основу внутренней и внешней политики, был закреплен в 1986 г. XXVII съездом КПСС как стратегический курс на ускорение социально-экономического развития страны, что, естественно, потребовало и соответствующей смены акцентов в управлении обществом.

Новое политическое руководство во главе с М.С. Горбачевым, уловив настроения народных масс, провозгласило необходимость перемен в управлении экономикой, развития демократии и гласности, совершенствования политической структуры и обогащения духовной жизни общества. Обновление и перестройка рассматривались как средства совершенствования социализма, устранения негативных наслоений и его

разного рода искажений, как условие раскрытия огромных преимуществ и возможностей социалистического строя.

Опытных, многое видавших партийных работников приятно поражали активность и мобильность нового Генерального секретаря партии. Начиная с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС была выдвинута серия крупных, ключевых инициатив, реализация которых обещала решение многих сложных, запутанных проблем в экономике и политике, в партии и государстве. Эти инициативы были хорошо, с пониманием приняты народом и партией.

За первые полгода руководитель КПСС получил восторженную поддержку в различных аудиториях Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Киева, Тюмени, Целинограда. В народе появилась надежда, что наконец-то к управлению великой страной пришли руководители, которые будут заниматься прежде всего ее собственными нуждами и проблемами, как бы трудны они ни были, ориентироваться на интересы и потребности честных людей — тружеников.

Для этого были вполне серьезные основания. Уже выступление М.С. Горбачева с докладом «Бессмертный подвиг советского народа» на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а затем его майские встречи в Ленинграде показали, что высшее руководство партии глубоко осознает опасность нарастания негативных тенденций, искренне пытается осмыслить причины, их порождающие, и полно решимости приступить к огромной и многотрудной работе по прогрессивному преобразованию страны.

«Мы можем — и уверены в этом — правильно сформулировать основные направления нашей социально-экономической политики, — говорил М.С. Горбачев на встречах в Ленинграде. — Мы располагаем огромным политическим опытом, накопленным партией, всем нашим обществом в своем нелегком развитии по пути, открытому в 1917 году здесь, в Смольном, в Ленинграде. У нас самый образованный народ в мире, народ, который по своему патриотизму не имеет себе равных. Мы имеем мощную науку, мощный корпус научно-технической творческой интеллигенции... Мы придем на съезд с проработанной, цельной, мобилизующей политикой, политикой в

интересах народа, миролюбивой политикой, активной политикой[^] которая должна придать динамизм нашему обществу»².

Четко просматривалась неудовлетворенность социально-экономической ситуацией, подчеркивалась необходимость развития общественного производства, его переориентации на рост национального дохода и на этой основе осуществления социального развития страны. Отступить было некуда. «В последнее время мы движемся с темпами прироста национального дохода в пределах трех процентов в год... Расчеты же показывают — нам нужно минимум четыре. Если не будет четырех процентов, — а надо бы даже больше, тогда встает вопрос: что делать? Сокращать темпы роста жизненного уровня? Свертывать программу повышения материального благосостояния народа? На это мы пойти не можем»³. Все в этом заявлении точно, все выверено, предельно раскрыта угроза снижения темпов прироста национального дохода.

Одновременно ухвачено главное в экономическом развитии — борьба за рост производительности труда. «Нам без роста производительности труда, без того, чтобы его иметь ежегодно на уровне шести, семи, еще лучше — десяти процентов, а в решающих отраслях чтобы она повышалась еще быстрее, не обойтись. Мы не обеспечим выход на высший мировой уровень, если не будет такого подхода»⁴. И это заявление опирается на ленинские идеи о развитии социалистического производства. Запомним эти благие намерения, а пока обратим внимание — прирост национального дохода в размере 3% считался недостаточным и даже опасным. Пройдет не так уж много времени, и о таких темпах прироста мы будем просто мечтать. Еще хуже сложится положение с ростом производительности труда.

Правильно были выбраны и главные направления преобразований. Уже в июне 1985 г., по признанию М.С. Горбачева, «первой после апрельского Пленума программной акцией нового руководства Советского Союза»⁵ стало обсуждение на крупном совещании в ЦК КПСС проблем структурной перестройки экономики на основе научно-технического прогресса. Результатом обсуждения стала разработка новой инвестиционной и структурной политики. Во главу угла ставилось техническое перевооружение предприятий и качественная масштабная модернизация машиностроения. Для

этого создавались крупные комплексные программы как по важнейшим направлениям научно-технического прогресса, так и в территориально-отраслевом разрезе. Намеченные глобальные задачи потребовали одновременно серьезного пересмотра экономического механизма с целью повышения его восприимчивости к нововведениям, совершенствования всей системы управления народным хозяйством.

В своей практической деятельности партия решительно и определенно обратилась к трудовому народу. «Социализм — живое творчество масс» — эта ленинская формула зазвучала в выступлениях, докладах, на встречах с трудящимися. Универсальными средствами включения народа в активный политический процесс объявлялись борьба с бюрократизмом, развитие самоуправления, усиление заинтересованности трудящихся в высокоэффективном труде, осуществление принципов социальной справедливости, использование критики и самокритики, проведение политики демократизации и гласности. Было принято в принципе необходимое решение, направленное на предотвращение спаивания собственного народа и борьбу за здоровый образ жизни.

В качестве важного резерва повышения эффективности экономики и оздоровления общества назывались наведение порядка, укрепление дисциплины и законности, повышение организованности и ответственности. Подтверждалась приверженность ленинским принципам кадровой политики, в партии наметилась тенденция к очищению от разного рода перерожденцев и лиц, порочащих звание коммуниста. Намечались меры по преодолению разрыва между словом и делом, повышению уровня критики и самокритики, требовательности к себе. Объявив о преобразованиях в стране, партия приступила к ним, прежде всего начав с самой себя: обновила руководство, стала выдвигать на передовые, ключевые участки честных, компетентных коммунистов — словом, поставила перед миллионами членов партии трудные, но благородные задачи.

Эти прогрессивные шаги руководства страны были с одобрением встречены народом. У людей поднималось настроение, рождалась надежда, усиливалась их политическая активность, что не замедлило сказаться прежде всего на экономике. Уже в 1986 г. прирост промышленного производства

составил 4,9%, т.е. на 1/3 выше, чем среднегодовой прирост в предыдущей пятилетке, и наиболее высокий с 1977 г. Производительность труда в промышленности в целом увеличилась на 4,6% при плановом задании 4,1%. Произведенный национальный доход в 1986 г. вырос на 4,1% при плане 3,9%. Произошел заметный натуральный прирост продукции сельского хозяйства; на 5,2 млн м² по сравнению с 1985 г. возросли объемы жилищного строительства и увеличилось число объектов социально-бытового и культурного назначения. Короче говоря, появилась надежда на реальное улучшение жизни советских людей.

Отчего же правильные и так необходимые инициативы не принесли ожидаемого результата?

2. БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

Итак, начинаний хороших и нужных, прогрессивных идей было предложено немало, однако в 90-е годы страна вступила в состояние, близкое к разрухе, в полыхании межнациональных конфликтов, распаде исторически сложившихся экономических, политических, духовных связей, составлявших основу Союза. Чтобы понять причины (а их много — как субъективных, так и объективных) столь негативного итога благих намерений и починов, необходимо проанализировать, невзирая на лица, ход реализации выдвинутых инициатив и попытаться понять, что стояло за многочисленными крутыми поворотами, переменами, переломами в идеологии, политике и экономике. Для этого необходимо вернуться в столь насыщенный событиями 1985 г., точнее, во вторую его половину.

В этот период состоялись апрельский и июльский Пленумы ЦК КПСС, прошли первые встречи руководителей партии с трудящимися, были высказаны многочисленные конструктивные предложения и приняты серьезные решения; М.С. Горбачевым были проведены существенные кадровые изменения. Наступала, казалось бы, пора кропотливой, «незаметной» созидательной работы, когда все провозглашенные идеи по обновлению экономики, политики, социальной сферы, культуры в целом должны воплощаться в жизнь. Так поступал В.И. Ленин, осмысливая послереволюционную стратегию и тактику развития нового общества. На IX Всероссийском съезде Советов (1921 г.) он говорил, что надо «величайший пе-

реворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие».

Дела ожидались великие. Уже полным ходом шла работа над новой редакцией Программы партии, а это означало, что появилась уникальная возможность глубоко и всесторонне проработать политический курс страны на длительную перспективу, вооружить, нацелить самую сильную в мире партию на новые рубежи развития социалистического общества.

Далее. В партии и стране разворачивалась подготовка к XXVII съезду КПСС. К нему кроме стратегических документов готовились документы и материалы, в которые закладывались основные пропорции и темпы движения общественного производства на ближайшие годы на основе ускорения социально-экономического развития. Многие коммунисты надеялись, что именно в нем удастся реализовать коренные преимущества социалистической системы хозяйствования, о приверженности которым руководство партии решительно заявило в апреле 1985 г. Наметились серьезные сдвиги и во внешней политике. Наиболее существенное — создались предпосылки для прекращения нашего военного присутствия в Афганистане, начал набирать силу процесс нормализации отношений с Китайской Народной Республикой.

Однако уже тогда появились первые признаки разрыва взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, был нарушен один из главных ленинских принципов — внешняя политика является продолжением политики внутренней. Получилось так, что руководство партии фактически отвлеклось от главного в тот исторический момент — от работы над разрешением коренных, чрезвычайно трудных, запутанных, острых проблем внутри страны. На весь мир зазвучали новые, непривычные для многих понятия: «глобальные проблемы», «общечеловеческие ценности», «миротворчество», «мировой порядок» и т.д. На первый план вышел и стал нарастать поток новых, теперь уже внешнеполитических инициатив, предложений, встреч.

На международной арене усилия направлялись главным образом на достижение скорейшего международного престижа, на модные начинания и форумы. Однако стремление к быстрым успехам, желание «прибавить сейчас и сразу» во многих случаях означает, по мысли В.И. Ленина, «вообще работу

на других, кто держит власть, кто определяет направление деятельности данного государства, коллектива»⁷. Добавим, Европы и всего мира.

Стремление к внешним успехам есть оппортунизм*, приспособленчество, соглашательство — вот какая угроза нависла над партией. «Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете»⁸.

Вместо того чтобы сконцентрировать основные усилия коммунистов, всего советского народа на решении трудных проблем развития нашего общества, лидеры КПСС сосредоточились главным образом на международных делах. Конечно, новые шаги в разрядке напряженности были необходимы и советскому народу, и всем другим народам мира. Но нельзя было решать проблемы международные за счет (а подчас и в ущерб) интересов внутреннего развития страны. Советским людям объявлялось о небывалых успехах во внешней политике. А что же на деле?

Всего за пять лет великая держава превратилась в до унижительного положения просителя, которому другие страны, суля все новые кредиты, стали «ненавязчиво» диктовать свои условия как в международных делах, так и во внутренних. В результате мы лишились своих былых надежных союзников, разбалансировали военно-стратегический паритет. Линия военнопотивостояния вновь переместилась непосредственно к нашим границам. Распад Организации Варшавского Договора, одностороннее разоружение

* К оппортунизму как партийному, общественному явлению в последнее время внимание ослабло, а напрасно. Эту партийную болезнь надо очень внимательно исследовать, иначе ее не вылечить. «Оппортунист, — отмечал В.И. Ленин, — не предает своей партии, не изменяет ей, не отходит от нее. Он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его типичная и характерная черта — податливость настроению минуты, неспособность противостоять моде, политическая близорукость и бесхарактерность. Оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву ее минутным, преходящим, второстепенным интересам» (Ленин В.И. Поли, собр. соч. Т. 14. С. 35).

Советского Союза, дезорганизация Вооруженных Сил, изначально непродуманная конверсия военной промышленности — все эти просчеты вновь усилили угрозу сохранению мира и жизни советских людей. В общем «торговали - веселились, подсчитали - прослезились»! И тем не менее глобальная дипломатическая спираль, берущая начало с конца сентября 1985 г., и по сей день практически является чуть ли не главной в политической деятельности. В стране с самых высоких государственных трибун уже открыто говорится о том, что действия руководителей СССР поощряются за рубежом и все более осуждаются в собственной стране. Критика такой недальновидной политики звучит из уст не только откровенных антикоммунистов, но и товарищей по партии⁹.

Может быть, у тех, кто погнался за «жар-птицей» международного успеха, за прибавками к своему престижу, просто не осталось ни сил, ни внимания, ни желания всерьез заниматься именно «медленной, тяжелой, трудной» работой в собственной стране. Да и чтобы заниматься этой неброской, изматывающей работой, не приносящей скорых лавров, нужен особый, патриотический склад души и характера. Эти качества куются в трудовых коллективах, в тесной связи с жизнью простого народа, с его тяготами и лишениями, его радостями и надеждами.

Любая революция, учил В.И. Ленин, начинается с великого политического переворота, осуществляемого энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно идет основная масса народа. Однако затем, говорил он, встает другая задача: «...нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох и что его надо перестраивать»¹⁰. А далее — воистину пророческие слова: «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. ... Не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурно-экономический уровень... Не перестраивать, а наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей»¹¹.

Как учит опыт истории, дальновидный, мудрый политик должен прежде всего точно определить приоритеты во внутренней и внешней политике, уметь правильно соединить их на практике. Приоритеты деятельности руководства партии и страны были явно смещены в сторону от коренных интересов нашего государства. И не так уж важно, вольно или невольно это было сделано. Важно другое: кому такая политика выгодна, интересы каких социальных сил она призвана выражать и защищать? Если поставить данный вопрос применительно к рассматриваемой ситуации, то станет очевидно — нынешнее разоренное положение Советского Союза, превращение его в аморфный конгломерат «суверенных государств», каждое из которых, забыв о Союзе в целом, вынуждено заботиться о себе, один на один противостоять мировой стихии рынка, необычайно выгодно нашим зарубежным партнерам, использующим в своей крупной игре лесть и премии, обещания и посылки с милостыней. Здесь кроется одна из глубинных причин тех разрушительных процессов, которые продолжают разворачиваться в стране.

Главные же причины негативных процессов следует все же искать внутри страны. Вспомним 1987 г. Руководство партии довольно резко переходит к пересмотру решений XXVII съезда КПСС, объявив на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС главной целью деятельности партии и всего общества Перестройку. Правда, поначалу ее связывали с определенным обновлением общества и рассматривали как средство совершенствования социализма и условие реализации стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны. Однако постепенно политика на ускорение и развитие сошла на нет, перестройка превратилась в самоцель, полностью завладела официальной идеологией, утвердилась в решениях партии и государства. Началась «великая битва» за Перестройку! И как часто бывает, мгновенно появились титулы «архитекторов» и «прорабов» перестройки, отыскивались ее жертвы и противники. Наиболее ревностные «борцы за перестройку» всего и вся потребовали уже не ускорения социально-экономического развития, а самой перестройки, объявив ее «исторической», «эпохальной».

Так что же такое Перестройка? В чем ее смысл? Что несет она народу? В этих вопросах необходимо основательно разобраться, поскольку не успели мы

оглянуться, как под ее знаменами оказались у разбитого корыта. На первый взгляд Перестройка предстает понятием известным и даже привлекательным. Часто повторяемое в речах и выступлениях по самым разным поводам, многократно воспроизводимое в печати, по телевидению и радио слово «перестройка» настойчиво внедрялось в сознание миллионов людей. Быстрое распространение термина с претензией на статус категории социального управления, сила его воздействия на сознание широких масс людей имеют определенную теоретическую подоплеку и далеко идущие последствия.

В современных условиях для того, чтобы управлять таким сложнейшим общественным организмом, как Советский Союз, необходима серьезная и глубокая теоретическая база, научная методология и постоянно совершенствуемые прикладные методы и организационные формы. Кроме того, требуются бережное сохранение накопленного опыта, преемственность, патриотизм, самоотверженность, осторожность, т.е. все то, что называется государственной мудростью.

Универсальным научным методом социального познания является материалистическая диалектика. Попытки ее применения в первой половине 80-х годов способствовали выработке курса на ускорение социально-экономического развития, усиление борьбы с негативными тенденциями. К сожалению, начиная с 1987 г. серьезный, всесторонний научный анализ состояния советского общества был низведен до эмпирического уровня: в нем стали доминировать такие термины, как «здравый смысл», «жизненный опыт» и т.п., подкрепляемые, очевидно в рекламных целях, понятиями: «системный подход», «системно-структурный анализ», «теория сложных систем» и т.д. Главным же методом преобразования социальной действительности стал по существу пресловутый метод «проб и ошибок». Тогда впервые зазвучали призывы не бояться ошибок, более того, стало утверждаться особое право на ошибки.

Данные подходы и «теории», привлекательные и простые для восприятия не обремененного глубокими знаниями человека, не требующие серьезной профессиональной подготовки и особого напряжения ума, получили довольно широкое распространение не только среди простых людей, но и, к большому сожалению, в высших эшелонах власти. Они и составили ту

методологическую основу, на которой сформировались механистические, технократические взгляды на развитие общества и соответственно вырабатывались примитивные управленческие решения, что в конечном счете привело к целому ряду ошибочных политических и экономических выводов.

И если говорить о причинах серьезных просчетов нынешнего политического курса — перестройки, то надо признать, что одной из них является использование в социальном управлении неверной методологической базы, игнорирование основных положений материалистической диалектики. Сам по себе термин «перестройка» отражает вульгарное, механистическое понимание движения общества и происходящих в нем противоречивых социально-экономических процессов. Отсюда — соответствующая терминология «прорабов» перестройки: «демонтаж системы», «слом механизма торможения», «перелом в движении», «разблокировка отношений», «наладка и запуск механизма», «балансировка сил», «обороты маховика», «переключение скоростей», «экономические рычаги» и т.п. Попросту говоря, понятие перестройки не способно раскрыть движения как развития от простого к сложному, от низшего к высшему, осуществляющегося через единство и борьбу противоположных сил и тенденций, ибо оно намного беднее понятия «развитие», не раскрывает ни целей, ни средств, ни путей, ведущих к ним. Введение этого понятия в широкий политический и научный оборот, наделение его неким особым концептуальным смыслом знаменовало торжество по сути вульгарных, механистических взглядов на общество.

Неудивительно, что и официальная концепция движения общества оказалась не диалектической, отражающей объективные процессы и взаимодействие полярных тенденций, а упрощенной, механистической, согласно которой все в обществе делится и оценивается по принципу «больше — меньше», «лучше — хуже». В рамках этой концепции развитие социализма как общественного строя свелось к обыденным представлениям и пожеланиям типа: «больше социализма», «больше динамизма», «больше творчества», «больше организованности», «больше законности и порядка», «больше научности», «больше эффективности в управлении», «больше демократизма и гласности», «больше коллективизма в общежитии», «больше культуры», «больше человечности в производственных, общественных и личных

отношениях», «больше патриотизма» и т.д.¹² В дальнейшем предполагалось достичь «больше прав», «больше свободы», «больше дружбы». Наоборот, к нежелательным явлениям и процессам применялась своя, особая мерка: «меньше преступности», «меньше бюрократизма» и т.п.

Однако в реальной жизни все получается наоборот. Общество пожинает вовсе не те плоды, которые оно ожидало. Буйствуют преступность, национализм, коррупция, дефицит, свертывается, разрушается общественное производство, вводятся карточная и талонная системы распределения, пышным цветом расцвели индивидуализм и сепаратизм, анархия и произвол, и от социализма постепенно остается один лишь «выбор». И это не случайно, ибо действует неверная, ненаучная концепция социального управления, а если нет надежной концепции — значит, нет курса движения — некуда и рулить!

В.И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике»¹³ отмечал, что существуют (наблюдаются в истории) две основные концепции развития. В одной развитие берется как уменьшение или увеличение, как повторение. В другой развитие есть единство противоположностей, что означает раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними. «При первой концепции движения, — говорит В.И. Ленин, — остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, субъект...). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «само»-движения»¹⁴. Великий диалектик и здесь оказался прав — и в настоящее время, как видим, все концепции (теории) развития сводятся к указанным двум и соответственно реализуются в тех или иных политических курсах.

Пренебрежительное отношение к теории, к диалектике, а порой и просто невежество привело к тому, что сторонники «здравого смысла» волей-неволей оказались во власти доктрины, которая, по словам В. И. Ленина, «мертва, бледна, суха». В результате верх одержали идеи разрушения, шла ли речь о механизме торможения или об административной системе, экономическом механизме и т.п. Причем предполагалось ломать и разрушать никак не меньше, чем до корневых структур.

По аналогичной причине изначально бесплодными оказались попытки улучшить положение в стране на основе мер в рамках концепции «больше — меньше», в которой, и на это В.И. Ленин указывал особо, двигательная сила развития, его источник, мотив не видны, они остаются в тени, а поиски источника движения обычно осуществляются вовне — бог, субъект и т.д. Не потому ли не приносят ожидаемых результатов предлагаемые средства и меры, что они в главном и основном не обращены к коренным интересам народа, трудящихся, а сводятся в итоге, как это не раз бывало в истории России, к одному: к наделению все большими полномочиями субъекта. В этих целях распространяется мнение, что один человек, в частности первое лицо В партии, В государстве, способен разрешить все противоречия, снять все проблемы, устранить все трудности. Этим, очевидно, и объясняется череда странных, едва ли оправданных реорганизаций: то вводится пост президента, то он наделяется особыми полномочиями, то меняется структура органов, его обслуживающих, то меняются их функции, то вдруг все надежды обращаются к вице-президенту... и так без конца. Но не менее опасно и другое. Сейчас этот союзный «опыт» стали постепенно перенимать и республики, так что грядет парад президентов. Дело дошло до того, что на политическую арену мало-помалу стали выходить всякого рода астрологи, экстрасенсы и прочие шарлатаны. Но багаж их «знаний», как и интересы зарубежных партнеров, находясь вне противоречий общества, не способен указать источник самодвижения в развитии страны.

С научной точки зрения бесплодность таких иррациональных мер объясняется довольно просто: они не затрагивают сути причин. Опасность же их в том, что они являются главными в арсенале средств многочисленных приверженцев концепции «здравого смысла». А мы, подчеркивал В.И. Ленин, имея в виду большевиков, «должны смотреть дальше и глубже, показывать в этом прогрессе сейчас же и немедленно те стороны его, которые являются основой и залогом *регресса*, которые выражают односторонность, узость, непрочность достигнутого и вызывают необходимость *дальнейшей борьбы, в иных формах, при иных условиях*»¹⁵. Вот она — настоящая диалектика, живое, реальное отношение к делу, умение смотреть широко, видеть обе полярные тенденции в явлении и соответственно этому выбирать и формы борьбы.

Объективно правильными были бы решения, затрагивающие самую суть власти, отражающуюся в ее структуре, характерной только для советского, социалистического общества, в котором трудовые коллективы, первичные ячейки всего общественного организма являются и первичными ячейками политической сферы общества, исходным структурным элементом власти, основой Советов всех уровней, включая Верховный Совет СССР. Именно такая власть, даже с учетом присущих ей противоречий, может помочь найти объективно правильные пути выхода из кризиса, формы и средства сплочения общества, сохранения державы. Правда, это трудный путь, на нем неизбежны и серьезные преграды, отчаянное сопротивление, возможны и ошибки, может быть, даже новые просчеты, но это действительно реалистичный, так сказать, земной путь, понятный миллионам трудящихся.

Итак, уже в начале 1987 г. перестройка становится не средством, а целью, символом бесконечных и повсеместных перемен. Вообще прием на вооружение понятия «перестройка» оказался весьма удачным и в политическом, и во всяком ином смысле. Ею стали прикрывать прежде всего непоследовательность, а то и просто неумение работать, постановку все новых и новых задач. При этом оказывалось вовсе не обязательным доводить до конца «старые» дела и инициативы. Так, за многими новыми лозунгами и обещаниями, последнее из которых — «светлое рыночное будущее», как-то забыли, скажем, о так недавно разработанной Продовольственной программе. Никто не вспоминает ее отцов, не анализирует, почему она провалилась, кто сделал на ней карьеру, какова квалификация ее разработчиков. Зато уже широко рекламируются новые «пионерные» начинания — интенсивные технологии, бригадный подряд, фермерство.

Перестройкой прикрывается такой феномен, как безответственность. Дискуссии вокруг новых проблем снимают в общественном сознании вопрос об ответственности за неосуществление ранее принятых решений. Вопросы же о компетентности их авторов даже не встают. Кто, например, в ответе за срыв решений по модернизации машиностроения или, скажем, кто и как трудился над реализацией жилищной программы?

Для иных перестройка создала, что называется, тепличные условия паразитировать на завоеваниях предшествующих поколений борцов за

Родину, Отечество, социализм. Играя роль эдакого завзятого перестройщика, можно жить припеваючи, транжиря направо и налево созданное руками многих поколений предков, вплоть до систем новейшего вооружения, уникальных ресурсов и отечественной территории.

Именно под прикрытием перестройки в общественное сознание привносится целый арсенал благоизобретенных с помощью «нового мышления» догм и предрассудков, стоящих в одном ряду с концепцией «больше — меньше». Эти талмудистские догмы перестроечной поры служат инструментом размывания социалистических ценностей в индивидуальном и общественном сознании. Широкое распространение этих догм не случайно. Оно — следствие хронической недооценки партией необходимости постоянной и кропотливой теоретической работы, масштабных аналитических исследований. В результате многие коммунисты попадали под влияние разного рода зачастую просто ложных доктрин. На этих догмах выросла целая армия таких «борцов» за перестройку, которые привели в действие новые разрушительные силы, а саму перестройку превратили в еще одну сверхдогму, не подлежащую критике и широко разрекламированную многими архирадикальными «теоретиками» и публицистами. Но пока они, объявив перестройку революцией, взяли на вооружение из последней лишь разрушительную сторону.

Склонность к громким фразам — весьма характерная черта кабинетных революционеров. «С оппортунизмом, — говорил В.И. Ленин, — нельзя бороться, само собою разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе»¹⁶.

Но вот незадача: от перестройки и от ее архитекторов уже начинают отворачиваться и те, кто получил за ее пропаганду немало дивидендов. Весьма показательным в этом отношении признание Д. Волкогонова, сделанное им где-нибудь в частной беседе, а на II Съезде народных депутатов РСФСР: «Именно то, что называли перестройкой, кстати, это слово только один президент сегодня повторяет, пытались назвать революцией. И вот здесь как

раз лежит один из глубочайших корней сегодняшних неудач. Дело в том, что социальная методология предполагает разрушение чего-либо с одновременным созиданием нового. А мы по-прежнему решали: сначала все разрушить и только потом приступить к созиданию»¹⁷.

Курс на абстрактную, по сути бессодержательную перестройку, осуществляемый вопреки курсу XXVII съезда КПСС на ускорение социально-экономического развития, научно-технического прогресса и т.д., дезориентировал партию и общество. Он позволил активным противникам социализма хорошо замаскировать свои разрушительные действия, углубил застой и вверг страну в острейший, теперь уже не локальный, а общенациональный кризис.

Идеологическим фоном для этого послужила рожденная в элитарных кругах власти, не имеющая исторического оправдания концепция, противопоставляющая объективные интересы трудящихся классов и общечеловеческие ценности. Ради ложно понятых общечеловеческих ценностей, в условиях борьбы за правовое государство и истинную демократию в стране ныне гибнут люди различных национальностей, сотни тысяч человек становятся беженцами, обрекаются на убогую жизнь миллионы представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Всеобществу навязываются интересы и ценности отдельных групп, слоев, которые стремительно перерастают в класс, эксплуатирующий народ, торгующий его достоинством. Под флагом общечеловеческих интересов в сознание людей внедряются по существу классовые, а именно буржуазные, интересы, их проводниками, как и 70 лет назад, выступают «люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то есть *на деле защищающих буржуазную демократию*»¹⁸.

В центре политики Коммунистической партии, если она хочет остаться с народом, а не превратиться в дискуссионный клуб или группу предприимчивых интеллектуалов, должны стоять не абстрактный, вненациональный, внесоциальный человек, не некий «человек вообще», а конкретные жители страны, принадлежащие к определенным классам и слоям,

нациям и народностям с их насущными нуждами и интересами, — рабочие, крестьяне, интеллигенты, пенсионеры, студенты, военнослужащие.

Сила коммунистов всегда заключалась в их единстве, складывающемся через многообразие подходов к определению цели социальных преобразований, к поиску наиболее эффективных путей и средств ее достижения. Это единство сейчас пытаются размыть, расколоть и уничтожить с помощью лишь одной суперперестроечной догмы — псевдоплюрализма, оправдывающего идейный и организационный распад и разброд, превращающего партию в дезорганизованную массу, не способную к борьбе.

Особо опасным оказывается лелеемый наиболее рьяными «перестройщиками» замысел лишить Коммунистическую партию роли политического выразителя и защитника экономических интересов трудящихся. Ее усиленно пытаются заставить отказаться от выработки социально-экономической политики, но при этом ответственность за все неудачи и промахи лихо перекладывают на рядовых коммунистов. Настойчивое закрепление такой практики атрофирует партию, делает ее неспособной влиять на перемены к лучшему в жизни людей, а поэтому просто им не нужной, вследствие чего трудящиеся отворачиваются от нее — все большее число рабочих оставляет ее ряды.

Данная практика отлучения Коммунистической партии от экономики уже начинает приносить свои «плоды». Экономическая система страны распадается. Этого следовало ожидать еще и потому, что изменения в народном хозяйстве осуществлялись без конструктивных программ его развития, без социального анализа последствий.

Это признал и Н.И. Рыжков, один из инициаторов Перестройки. В выступлении на IV Съезде народных депутатов СССР, сделав вывод, что перестройку в том виде, в котором она замышлялась, осуществить не удалось, и отмечая, что кардинально изменилось отношение к ней большинства населения — от энтузиазма и поддержки в 1985 — 1986 гг. до недоверия и скептицизма, особенно в последние два года, вследствие размытости целей и наличия иллюзий, он сказал: «Мы по сути дела не раскрыли модели будущего, не назвали социальную цену, которую придется платить». Хотелось бы сделать лишь одно существенное, на наш взгляд, дополнение: не только не

раскрыли, но и не могли раскрыть. Методология «здравого смысла», «перестроек», «проб и ошибок», взятая на вооружение сторонниками «нового мышления», изначально не предполагает никаких моделей. Да и о каких моделях, теориях, исследованиях может идти речь, когда надо просто непрерывно перестраиваться. И такое, говоря словами Б. Курашвили, «безмодельное обновление социализма стало все больше приобретать характер его отрицания».

В то же время создавались особые, льготные условия для проникновения в советскую социалистическую экономическую систему моделей хозяйствования, рассчитанных на интересы капиталистических монополий. Не случайно в советские времена президенту навязывался небезызвестный М. Фридман, автор «шоковой терапии», примененной впервые хунтой в Чили.

Характерно, что экономическая наука и практика и в высших эшелонах государственной власти, в том числе и в Верховных Советах СССР и РСФСР, были представлены односторонне — главным образом теми, кто прежде по долгу службы больше занимался западной экономикой, нежели теми, кто разбирался в проблемах социалистического производства.

Не случайно результатом указанной односторонности явилось почти безраздельное господство в средствах массовой информации догмы о рынке как якобы универсальном механизме регулирования экономических отношений в обществе, о рыночном хозяйстве как некоем новом варианте светлого будущего, хотя на самом деле уже первые шаги по пути реализации этой догмы привели к ухудшению жизни миллионов людей, всех народов Союза, к превращению нашей страны в мирового аутсайдера, к распадению ее на отдельные экономические зоны, эксплуатируемые легко внедряющимся в них иностранным капиталом. Сегодня очевидно всем: навязываемый рынок является по существу средством решения экономических проблем за счет народа, а не способом достижения социальной справедливости, благом для всех людей.

Дело дошло до того, что самоцелью вместо перестройки стал рынок. Переход же к рынку — это полная смена социальной системы, то есть рынок вместо средства, призванного, по словам его пропагандистов, оживить экономику, использовать преимущества международного разделения труда, стал

орудием развала экономики, а в случае приватизации он стал бы орудием возвращения общества на сотни лет назад, в период неразвитого капитализма. Именно рынок, а точнее, частная собственность, на которой он основан, служит главным тормозом на пути мировой тенденции к обобществлению производства. Не случайно сегодня многие буржуазные экономисты признают, что нынешний рынок уже далеко не тот, каким он был в эпоху заката первобытнообщинного строя и рабовладения (когда частная собственность на все и вся только еще входила в свои права) или, скажем, в эпоху раннего феодализма (первоначальное накопление капитала) и даже зрелого капитализма. Сфера рыночного регулирования экономики все более сужается, непрерывно расширяется зона ее государственного регулирования, хотя не следует забывать, что во главе буржуазных государств стоят представители крупного национального и международного капитала. Общая историческая тенденция постепенного вытеснения рыночных отношений, замены их новыми механизмами регуляции экономических связей в обществе должна быть осознана не только учеными, но и политиками. А народ уже давно и оправданно отвергает меры, направленные на взвинчивание цен, удорожание жизни, безработицу, социальную поляризацию общества, рост теневой экономики за счет эксплуатации трудящихся.

Альтернативу разоряющей страну нацеленности производства на стихию рынка представляет ориентация предприятий на удовлетворение потребностей народа, на потребительную стоимость. Вывод экономики из кризиса возможен только на основе научно-технического прогресса, за счет кардинальной переориентации производства на удовлетворение конкретных потребностей людей, а хозрасчета — со стоимостного вала и прибыли на снижение цен создаваемых предметов потребления, на экономию труда от использования произведенных средств производства. Проведение такой действительно радикальной экономической реформы позволит трудящимся, трудовым коллективам стать хозяевами плодов научно-технического прогресса, умножающего результаты их собственного труда.

Сокращение рабочего и увеличение свободного времени при росте общественного богатства — условие такого социального прогресса, в котором участвует не кучка избранных, а весь трудовой народ. Высокая организация

труда, творческая инициатива рабочих, профессионализм управленцев — залог экономического подъема.

Не меньший, а, пожалуй, больший «вклад» в разгул анархии и развал Союза как мировой державы внесла шумная кампания по передаче власти от партии Советам. Не секрет, что этот лозунг, разоруживший КПСС, был выдвинут теми, кто стремился устранить Коммунистическую партию с политической арены. Но в политике пустот не бывает, и жизнь жестоко мстит тем, кто забывает об этом. Те, кто провел в свою пользу выборы от общественных организаций, под лозунгом «передачи власти от партии к Советам» осуществляют сегодня окончательное отстранение трудящихся от власти; происходит захват Советов партиями — политическими выразителями интересов главным образом нетрудовых слоев общества. Эти партии, разумеется, не повели дело к улучшению жизни народа, социальной справедливости, повышению эффективности производства и т.д. Практика свидетельствует, что в тех регионах, где власть фактически находится в руках мелкобуржуазных партий, уровень жизни катастрофически снижается, царят политическая нестабильность, преступность, коррупция, национализм. Отказ от проведения политически ошибочного, опасного по своим последствиям, навязанного коммунистам лозунга передачи власти по сути другим партиям — непременное условие обретения коммунистами боевого духа передового борца за власть трудящихся.

Слова-то вначале говорились правильные: «Демократия, суть которой составляет власть человека труда, — это форма реализации его широких политических и гражданских прав, заинтересованности в преобразованиях, практическом участии в их осуществлении»¹⁹. Но дела таковы, что в результате двух выборных кампаний 1989 и 1990 гг. в состав народных депутатов СССР было избрано 23,7% рабочих и колхозников при 74% их в составе населения страны, а в состав народных депутатов РСФСР — всего 5,9%. Какого же труда власть получилась?

Вдобавок была придумана и реализована система выборов от общественных организаций, предоставляющая отдельным «нужным» лицам самую развращающую привилегию — привилегию на власть, которую оказалось возможным не завоевывать честным служением народу и

соответственно авторитетом у него, а получать просто на основании Положения о выборах. Но и многие другие депутаты, победившие на территориальных выборах, в большинстве своем не менее оторваны от народа, от своих трудовых коллективов, и поэтому они быстро превратились в «парламентариев», к тому же принимающих недействующие законы.

Более того, на прошедших выборах в Верховный Совет РСФСР и ряд местных Советов было избрано много депутатов, стоящих, как теперь выяснилось, на откровенно антисоциалистических, антинародных позициях. Они сумели выиграть выборы путем хорошо организованной политической игры под прикрытием демократических и социалистических лозунгов, опираясь на мощную финансовую поддержку тех, кому они и сейчас верно служат. К ним переметнулись и некоторые теперь уже бывшие члены КПСС, которые не смогли в партии удовлетворить полностью свои честолюбивые интересы, давно уже не были коммунистами, но скрывали свое подлинное политическое лицо.

В результате большого обмана народа в ряде республиканских и местных Советов на власть стали претендовать лица, в большинстве своем ориентирующиеся на антисоциалистические цели, на изменение существующего строя, реставрацию капитализма, а кое-где и на установление буржуазно-националистической, по существу фашистской диктатуры. Сложившаяся система выборов осуществлять такой обман позволяет.

Неудивительно, что система государственной власти оказалась не связанной с трудовым народом, перестала отвечать своему прямому назначению — служить средством выражения интересов и устремлений трудящихся применительно к движению общественного корабля. Решение этой задачи возможно на основе ленинской концепции Советской власти, реализация которой предполагает образование прежде всего в производственных коллективах — на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях — комитетов депутатов трудящихся для контроля за использованием плодов труда коллектива, участия в деятельности и формировании политики всех звеньев Советской власти. Это позволит, в частности, осуществляя отзыв не оправдавших доверия депутатов,

формировать депутатский корпус не на основе ярких предвыборных речей и красивых заверений, а путем практической проверки депутатских программ.

При отсутствии научно обоснованной концепции развития, т.е. практически без руля, при игнорировании интересов, потребностей, желаний и воли трудового народа, не имея системы власти трудящихся, образно говоря — без ветрил, улавливающих движущие силы масс, в стране под знаком перестройки постепенно нарастают по существу регрессивные процессы, которые привели к политическому, экономическому и нравственному кризису.

В результате перемен шаг за шагом улучшается положение лишь привилегированного, элитарного слоя людей, накопивших нетрудовые доходы, занявших многие ключевые посты в экономике и политике. Опора руководства страны на эти социальные слои все более отдаляет его от коренных интересов миллионов трудящихся и в конечном счете отрицательно сказывается на развитии всего общества.

Основная масса населения оказалась в еще более бедственном положении, чем была, над огромным числом людей нависла угроза лишения самого необходимого для жизни. Наряду с этим в стране полным ходом идет формирование «нового» социального класса — класса паразитов и эксплуататоров, рвущихся к власти и все более наглеющих благодаря помощи мирового капитала. Самые «яркие» его представители уже приступили к реализации своих истинных намерений, ради которых они затевали свою «перестройку». Давно ушел в тень первоначальный смысл этого слова. Все более явно проступает его настоящее содержание, которое они в него вложили: перестройка, перестройка — переход к иному строю, перемена строя, навязывание нашей стране другого строя. Какого же? Почему об этом не было в самом начале открыто сказано партии и народу? Не для того ли упор сперва делался на обыденный смысл этого слова, чтобы провести свои планы по-тихому, действуя удобно прежде всего для себя, никого не пугая, ни с кем не споря по существу, по принципиальным вопросам. Осуществить смену строя де-факто, как бы незаметно, желательно тайным голосованием.

С подобной практикой, с похожими «благородными» приемами приходилось бороться, и не раз, В.И. Ленину. Ведь по-тихому, маскируясь, действовали в партии меньшевики, проводя во главе с Л. Троцким

ликвидаторскую и отзовистскую линию. В.И. Ленин в этой связи писал: «Принципиальных защитников ликвидаторства и отзовизма *не было*: ни меньшевики, ни впередовцы *не решались* занимать подобной позиции. Тут сказалась давно уже отмеченная в нашей литературе (и не раз отмечавшаяся в международной литературе против оппортунистов) черта современных «критиков» марксизма и критиков действительно марксистской тактики: нерешительность, беспринципность, прятание «новой» линии, прикрывание последовательных представителей ликвидаторства и отзовизма»²⁰.

Итак, настоящий, поистине чудовищный смысл той перестройки, которую готовили для себя, а отнюдь не для трудового народа, прикрываясь его именем, наши нувориши, начинает раскрываться. На это указывают происходящие перемены. Например, в экономике речь сначала шла о многообразии форм социалистической собственности, потом слово «социалистической» вдруг пропало. Тогда заговорили о многообразии форм собственности (следовательно, в том числе и о частной собственности), и наконец теперь объявлено равноправие всех форм собственности. На самом деле проводится идея о приоритете частной собственности. И в «Основных направлениях», являющихся всего лишь модификацией Программы «500 дней», под видом разгосударствления общественной собственности намечается, а кое-где уже и проводится ее приватизация, т.е. права общественной собственности урезаются, а частной за счет этого расширяются.

Следует отметить, что содержание реформ в экономике, непрерывно идущих в течение последних 3 — 4 лет, свелось к целенаправленному развалу государственного сектора производства, т.е. самого обобществленного его сектора, вместо того чтобы прежде всего в его рамках найти формы усиления связи общественных и личных интересов трудящихся. При этом объекты государственной собственности просто растаскиваются, и на этой основе идет перекачивание средств и ресурсов в частные руки (без увеличения производства). Создается инфраструктура легального грабежа: псевдокооперативы, совместные предприятия, банки. Вопросы регуляции рынка, социальной защиты трудящихся лишь декларируются. Ими по существу никто не занимается всерьез.

В социальной сфере по существу происходит ликвидация социальных завоеваний трудящихся — гарантируется лишь право на жизнь, но без гарантированного права на труд, отдых, жилище, образование, здравоохранение. В идеологии берет верх мелкобуржуазное теоретизирование, торгашеская система идеалов и ценностей, которые трактуются как общечеловеческие. Классовый анализ общественных явлений и процессов не только игнорируется, но и по существу изгоняется из обществоведения, вместе с ним изгоняемым стало и само обществоведение,

В культуре идет интенсивная пропаганда западного образа жизни при явном, часто вовсе не скрываемом пренебрежении к собственным национальным культурным ценностям и традициям. В политике налицо полное забвение ведущей роли рабочего класса, обострение национальной розни, ликвидация Советской власти, замена ее по сути буржуазным парламентаризмом.

Важнейшими, если не ключевыми, моментами в процессе перемены строя (перестройки) являются меры по устранению Коммунистической партии. Ее пытаются заставить, приняв курс на приватизацию, проводить внутреннюю и внешнюю политику, противную самой ее природе, противоположную ее сущности, тем самым ввергая и партию, и страну в тяжелейший кризис.

У антисоциалистических сил ныне появилась реальная возможность совершить контрреволюционный переворот. Для этого им надо держать трудящихся в неведении относительно подлинных причин сложившейся ситуации, а также своих истинных целей, отвлекая внимание от проводимой ими волюнтаристской, пробуржуазной политики и направляя любое недовольство против коммунистов.

Коммунистическая идеология, инициатива и организованность — это сегодня единственное, что может сплотить трудящихся для отпора силам, разрушающим социалистический строй, а с ним и всю нашу страну, нашу Родину. Самое важное заключается в том, что опасность, грозящая советскому народу, все более и более осознается не только коммунистами, но и беспартийными. Разрушающий, коварный смысл планов ультраперестройщиков становится понятным миллионам людей, и главная

задача момента — подъем и объединение всех здоровых сил общества для сохранения социалистического Отечества.

3. БУЙСТВО РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В каких условиях приходится действовать тем, кто осознает, что в стране под видом перестройки происходит всеобъемлющее разрушение государства, партии, экономики, культуры — всего того, что называется великий, могучий Советский Союз, что веками создавалось нашими народами, собиралось их историческими лидерами, оберегалось полководцами, воспевалось поэтами? Какие реальные результаты имеет страна от благих намерений, многообещающих заявлений, розовых прожектов, стремительных прорывов и надежд на прибавки?

Ныне положение таково, что общество охватила стихия отрицания всего и вся. Многие кажущиеся на первый взгляд бесцельными перемены, проводимые на самом деле к выгоде внутреннего и мирового капитала, дали простор для буйства разрушительных сил и тенденций. Выход этих сил из-под покрова патетических лозунгов и фраз начала перестройки на открытую политическую арену свидетельствует о качественном изменении характера и смысла процесса, именуемого перестройкой. С момента превращения ее из средства в самоцель она все более начала приобретать характер разрушения.

Разрушается все: производственные связи и система распределения, правопорядок и дисциплина, культура и искусство, наука и образование. Рушатся самые основы жизни общества. Вот некоторые сухие цифры и факты, объективно раскрывающие глубину развала в стране. В 1990 г. произведенный национальный доход снизился (!) по сравнению с 1989 г. на 4%. Производительность труда упала на 3%. Разбалансирован потребительский рынок, подорвана система денежного обращения. Денежная эмиссия в 2 раза превысила плановый уровень и составила порядка 24 млрд руб. Рост незавершенного строительства сверх норматива оценивается примерно в 25 млрд руб. При этом снижаются темпы и объемы ввода в действие жилья и объектов социально-культурной сферы. Страна впервые за долгие годы вошла в новый хозяйственный год без плана и без бюджета. Под лозунгом перехода к рынку и предоставления простора товарно-денежным отношениям в стране введена карточная система распределения предметов первой необходимости.

По сути для трудящихся устанавливаются казарменные порядки. В отношениях между предприятиями господствует прямой натуральный продуктообмен. Возросли обязательные платежи по иностранной задолженности. В 1991 г. они составят почти 9 млрд инв. руб. На 12% упал экспорт. При этом страна вынуждена закупать 30 млн т зерна, 1,5 млн т мяса, 12 млн т молока и молочных продуктов. И все это — при небывалом урожае 1990 г.

Огромным потоком, зачастую контрабандно, за границу текут остродефицитные внутри страны сырье и материалы: металлы, особенно цветные, лес, нефтепродукты, лекарственное сырье, дары природы, предметы первой необходимости. Вслед за находящимися под высочайшим покровительством хаммерами, гарриманами, итонами, бурдами в страну хлынули тысячи западных предпринимателей, которые, соединившись с местными дельцами, продажными компрадорствующими чиновниками нового государственного аппарата, стремятся в условиях анархии, вседозволенности урвать жирный кусок с помощью приватизации. Создаются бесчисленные совместные предприятия, в основном по эксплуатации дешевого сырья, рабочей силы, земли, по ввозу в нашу страну экологически опасных технологий. Для России, богатства которой псевдодемократы пытаются сбить за бесценок, вновь чрезвычайной стала задача защиты от внешнего вмешательства. Только если раньше на нас шли с огнем и мечом, то теперь с долларом и маркой.

Самое же опасное в том, что дальнейшее разрушение хозяйственных связей, вызывающее всеобщий спад производства, продолжается. К началу 1991 г. предприятия страны заключили договора по поставкам продукции лишь на 60%. Да и в условиях нарастающей анархии и полного отсутствия элементарной дисциплины нет никаких гарантий их выполнения.

Таковы некоторые результаты волюнтаристской экономической политики, вступающей в резкое противоречие с законами общественного развития, пытающейся игнорировать прогрессивную тенденцию к обобществлению производства. Курс на разобщение, обособление, приватизацию реакционен, ибо он губителен для современного общества, поскольку порождает острейшие социальные, политические и межнациональные конфликты и ввергает страну в состояние экономической разрухи со всеми

вытекающими последствиями. И эти последствия незамедлительно сказываются во всех сферах общественной жизни.

Рушатся основополагающие социальные доминанты советского общества: гарантированное право на труд, отдых, жилище, социальное обеспечение, бесплатное образование, здравоохранение, физическую культуру, совсем недавно составлявшие главные элементы социалистического уклада жизни. Ныне ничего не стоит даже право неприкосновенности личности. В пылу межнациональных конфликтов в стране появилось около миллиона беженцев, лишенных крова, имущества, родной земли, работы.

У большинства советских людей нарастает ощущение неустроенности, неуверенности в завтрашнем дне, социальной незащищенности, над многими нависла реальная угроза потерять работу, быть выброшенным на улицу в случае отсутствия денег на выкуп собственного жилья. А скольким инвалидам и престарелым все труднее становится получить медицинскую помощь. В сфере образования и культуры разрастаются метастазы коммерции. Под ее прикрытием идет опошление национальных культур, народных обычаев и ценностей, разграбление художественных талантов и утечка мозгов за рубеж. В средствах массовой информации, в выступлениях государственных деятелей и разного рода «оракулов» царит преклонение перед всем иностранным, западным, прежде всего американским. Советскому народу усиленно навязывается комплекс неполноценности.

Деятели культуры, творческие работники особенно обостренно чувствуют губительное воздействие охвативших общество процессов разрушения. Вот некоторые характерные заявления и высказывания. Министр культуры СССР Н. Губенко: «Чувство неблагополучия в доме, неуверенность в завтрашнем дне сопровождает нас повсюду». Народный артист СССР А. Баталов: «Рынок со всей его мерзостью полностью присутствует в культуре». Литовский писатель В. Петкявичус: «В теперешнем политическом и хозяйственном хаосе самые мощные удары опять терпит культура и ее носители — творческая интеллигенция, за счет которой стали процветать прибыльный кич и разная похабщина... Вот уже шестой год идет словесная, словоблудная гражданская война, где безответственно, порой даже преступно ведется политизация политически неграмотного народа. Политика стала свое-

образной религией... Теперь мы везде говорим, — продолжает писатель, — что у нас идет демократизация общества. Я что-то в этом сомневаюсь — идет простая американизация нашего общества: и в политике, и в экономике, и в культуре... Наша демократия, товарищи, не работает, она разрушает только пока. Достаточно понаблюдать за работой любого ранга парламента, и вы приходите в ужас. Это опять же у нас только разрушительная сила»²¹.

Общество стремительно поляризуется, раскалывается на бедных и богатых. По имеющимся данным, 55 — 56% денежной массы сконцентрировано в руках 5 — 6 млн человек из 290 млн, т.е. у 2% населения. Среднедушевые доходы 117 — 118 млн человек (или 41% населения) находятся ниже черты прожиточного минимума, признанного профсоюзами. Суммарно их доход в 1989 г. равнялся доходу 4 — 5 млн человек самой богатой группы населения. Из 395 млрд руб. вкладов на сберкнижках, как показывает анализ, основная масса (320 млрд) принадлежит 3,5 — 4 млн вкладчиков²². Эти данные свидетельствуют о резком усилении социального расслоения общества — об одном из главных негативных результатов курса перестройки, порождающем многие другие негативные явления и процессы.

О разрушении социалистического государства говорит прежде всего падение законности и рост преступности, обострение криминальной обстановки в стране. Население оказывается по сути дела беззащитным перед разрастающимся криминалитетом: спекулянтами, взяточниками, лжекооператорами, приватизаторами, организованными расхитителями, вооруженным бандитизмом, национальной резней. Сводки правоохранительных органов напоминают фронтовые сообщения. Небывалый рост преступности идет по всем направлениям. Треть преступлений, как правило, остается нераскрытыми.

Разрушается Советское социалистическое государство — государство трудящихся. Особому воздействию деструктивных сил подвергаются народная армия, правоохранительные органы, профсоюзы, Коммунистическая партия. По существу распадается политическая система советского общества.

По отношению к правоохранительным органам и особенно к Вооруженным Силам развязан настоящий пропагандистский террор. Постоянно провоцируется внутриармейская рознь, друг другу

противопоставляются солдаты и офицеры, политработники и строевики, офицеры и генералы и т.п. Стимулируется уклонение от службы в армии, дезертирство. Армию стараются вывести из равновесия травлей, слухами, сплетнями, оскорблениями. Подрывается ее материальная база. Разрушение армии и правоохранительных органов губительно для общества. Лишенное защитного иммунитета, оно может стать легкой добычей любого агрессора (как внешнего, так и внутреннего), не может противостоять разного рода разлагающим процессам.

И все же главный удар сил, желающих разрушить Советский Союз, сокрушить социализм, поработить наши народы, направлен на Коммунистическую партию, на коммунистов. И в этом деструктивные силы добились многого. Партия, осажденная извне и подрываемая изнутри, находится под угрозой распада. Это следствие деятельности прежде всего внутренних элементов в партии — от оппортунистов, карьеристов до законченных ренегатов. Здесь разрушительные действия маскировались особенно изощренно и осуществлялись с наибольшим коварством.

Сейчас все больше осознается²³: миллионы коммунистов, особенно на местах, оказались в полном неведении относительно того, что замышляет центр, как бы опасаящийся, что они, поняв истинные замыслы антисоциалистических сил, воспрепятствуют осуществлению их далеко идущих целей. Но в то же время эти силы, особенно в самом начале перестройки, многое получили именно за счет авторитета партии, а когда поняли, что она рано или поздно потребует от них ответа, покинули ее ряды.

Как уже отмечалось, партийные массы доверились своим лидерам, призывавшим к обновлению и очищению, искренне поддерживали новые шаги и повороты в политике. Но при фактической бесконтрольности руководства доверчивость партийных масс в решении таких коренных вопросов, как изменение структур государственной власти, выбор варианта экономической реформы, резкие зигзаги в международной политике, дорого обошлась не только им самим, но и всем трудящимся, всему советскому народу.

Наряду с действительно ценными инициативами (которых на поверку оказалось не так уж и много) партия, точнее, ее Центральный Комитет

одобрили и целый ряд явно не работавших на ее авторитет и не шедших на пользу стране предложений. Здесь и совмещение постов руководителя партийной организации и председателя Совета народных депутатов, и система выборов от общественных организаций, и отказ от планового ведения народного хозяйства, и непродуманные, амбициозные действия и соглашения на международной арене. Неудивительно, что в результате их реализации наибольший урон наносился профессиональным кадрам партии. Они либо разгонялись в процессе бесчисленных реорганизаций и сокращений, либо шельмовались, как в ситуации с выборами народных депутатов СССР в 1989 г., причем не только противниками, но и некоторыми представителями высшего руководства партии, которые, порицая руководителей среднего и нижнего звеньев за плохую предвыборную борьбу, умалчивали о том, что сами были избраны в народные депутаты на безальтернативной основе, без всяких хлопот и забот о предвыборной кампании.

Те же партийные работники, которые прошли в Советы во время выборов 1990 г. и согласились на совмещение постов первого секретаря и председателя Совета, оказались под беспощадным огнем «радикальной» критики. Многие из них, попавшись на «демократическую» удочку, были вынуждены покинуть пост руководителя партийной организации, заняв должность председателя Совета. Но как только это произошло, сразу же были приняты очередные поправки к Конституции СССР, согласно которым должности председателей местных Советов вплоть до областного уровня не предусматривались вовсе. А это означало, что скоро лучшие кадры партии просто останутся не у дел.

Сегодня уже полным ходом набирает силу, так сказать, перестройка перестроечных процессов. Выборы и заседания, регламенты и процедуры и снова заседания и выборы, новые законы и поправки к ним. Всё в движении, все в делах. Только никакой созидательной работы — ни теоретической, ни организационной — нет. Но зато под шумок протаскиваются новые, «прогрессивные» реформы, расставляются преданные люди, укрепляются новые партии, разгоняются профессиональные партийные работники.

Невольно напрашивается житейская аналогия. Начали перестраивать отчий дом весной с крыши, и вот уже летом разобрали потолок, осенью под

дождями и ветрами успешно разрушили стены, пришла зима с лютыми морозами, а тут еще брошен лозунг ускорения перестройки. Значит, фундамент придется разбирать под снегом. Не беда, что уже сгнили многие части родного дома, что жильцы его простудились и болеют, что мороз убивает все живое. Вперед, только вперед! Идет перестройка перестроечных перестроек!

Ну а те «мудрецы», что советом и делом все разваливали, при первых же трудностях покинули партийный капитанский мостик и первым делом закрепились в президентском совете, где, по признанию одного из них, А.Н. Яковлева, можно было быстро и окончательно решать жизненно важные для страны вопросы, не утруждая себя советами ни с партией, ни с депутатами, ни тем более с народом. Другие, как Э. Шеварднадзе, вообще спешно сложили с себя полномочия.

И все же процессы подготовки, а точнее сказать, приручения партийных масс и осуществления режима безропотного подчинения их всем перестроечным решениям (они-то и привели к ощутимым потерям в партии и резкому ослаблению ее авторитета в обществе) шли нелегко и имели свои узловые моменты. Их необходимо отметить и осознать для выработки выводов на будущее.

Итак, первый крупный разрушительный вираж в кадровой политике, как уже отмечалось, был сделан в январе 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС, объявившем перестройку самоцелью, критерием всей деятельности партии и общества и по существу положившем начало ее переходу в Разрушение. Затем на июльском (1987 г.) Пленуме ЦК было принято решение о хозяйственной реформе, заложившей основы разрушения системы управления экономикой, а вместе с ней и всего государства. Одним из приближенных советников и научных консультантов вводимых реформ был Г.Х. Попов. В дальнейшем мы увидим, какие цели преследовал этот постоянный участник встреч и совещаний по экономическим вопросам, проводившихся Генеральным секретарем в порядке подготовки июльского Пленума.

Имеет смысл также обратить внимание на октябрьско-ноябрьский (1987 г.) инцидент с тогдашним кандидатом в члены Политбюро, первым секретарем Московской городской партийной организации Б. Ельциным. Этот инцидент весьма характерен для стратегии и тактики руководства КПСС периода

перестройки. Не вдаваясь в подробности разногласий и суть претензий Б. Ельцина, можно видеть, что удар по нему был нанесен всей командой быстро и неотвратно. Бунт на корабле был подавлен жестко и, главное, демонстративно. На примере с Б. Ельциным было четко показано, что будет с тем или иным руководителем, причем любого ранга, пусть и имеющим заслуги в перестройке, если он хоть в чем-то поставит под сомнение правильность и непогрешимость избранного курса. Да и объект для «воспитания» был выбран как нельзя более подходящий. В Москве, под боком вырастал опасный соперник, энергичный, деловой, набиравший авторитет среди трудящихся. Так во всяком случае расценили тогда этот инцидент многие и коммунисты, и беспартийные.

Хотя надо отдать должное и самому Б.Ельцину. Поднявшийся до самого верха политического руководства по «коммунистической лестнице», прежде твердо убежденный защитник принципов коммунизма, столкнувшись с первыми трудностями в дальнейшем движении «вперед-вверх», когда надо было действительно бороться за свои убеждения, пропустил, как говорят боксеры, прямой удар в голову, затаился на некоторое время, но потом вдруг сделал этакое сальто-мортале и совершил желанное восхождение наверх теперь уже по «антикоммунистической лестнице». Невольно возникает вопрос: а может быть, он никогда и не имел коммунистических убеждений или все эти годы скрывал свои истинные взгляды? Если так, то тогда становятся понятными провалы в коммунистическом строительстве, коль его осуществлением в крупнейших партийных организациях руководили подобные люди. Видимо, все силы уходило на то, чтобы, говоря и делая одно, скрывать свои истинные намерения. Может ли страна довериться таким руководителям?

Другим важным моментом в воспитании партийных масс в духе преданности новым вождям и их идеям было искоренение под флагом плюрализма мнений инакомыслия. Какой беспощадный, жестокий удар был нанесен по преподавателю химии из Ленинграда Нине Андреевой! Историкам еще предстоит разобраться в истоках и причинах появления в центральной печати ее письма. Но ясно одно: на ее примере было вновь продемонстрировано, на этот раз рядовым членам партии, что так будет с

любым коммунистом, если он в условиях гласности и демократии посмеет иметь и высказать публично свое мнение. Кампания травли и унижения, поднятая против простого преподавателя, да к тому же женщины, напрочь затмила идеологические кампании 30 — 50-х годов. Это был хороший повод и для приручения не столь верноподданного Ленинградского обкома партии. Долго еще будут использовать призрак Н. Андреевой для своих темных дел идеолога перестроя.

Бесконечные перестановки руководителей, реорганизации аппарата на всех уровнях и многое другое применялись для того, чтобы не дать Коммунистической партии возможности быть партией трудящихся, отстаивать их коренные интересы. Антисоциалистические, антикоммунистические силы пытаются приспособить ее для проведения в жизнь своих решений, использовать в качестве некоего приводного ремня к массам. Особенно ярко это проявилось при переводе экономики на рыночные отношения.

Коммунистической партии поручено подставить плечо рыночной экономической реформе, которая, что бы ни говорили ее толкачи, не может по своей природе не требовать капитализации экономики. Решение о рыночной реформе было проведено фактически явочным порядком. Формально оно было одобрено простым большинством голосов на XXVIII съезде. Однако в том случае, когда какой-либо отряд коммунистов сопротивлялся, призывал задуматься, искать альтернативные пути оздоровления или хотя бы не столь поспешного (скоропалительного) перехода к рынку, сразу же включалась мощная, давно испытанная пропагандистская машина наклеивания ярлыков: «консерваторы», «ретрограды», «правые», «противники цивилизованного общества». Как в старые недобропамятные времена — не смей думать, только одобрять, только исполнять. Такие призывы звучали, в частности, на II этапе Учредительного съезда Компартии РСФСР, в проекте программы действий которой лишь ставились под сомнение дикие формы рыночных отношений. Вот, например, высказывание одного из «истинных демократов», О. Лациса, который простодушно сказал, но как отрезал: «Нам не надо здесь произносить речи о том, что перестройка наша покинула путь социализма, о том, что она устанавливает путь теневидам». Он строго поучал делегатов: «Как мы собираемся обсуждать по всей партии, когда сегодня на основе графика,

согласованного прежде всего с Президентом страны и Генеральным секретарем нашей партии, уже идет обсуждение готового проекта в Верховном Совете?» Вот она, лацисовская теория винтиков, в действии!

И все же именно в Коммунистической партии нашлись здоровые силы, способные остановить замену социалистического строя в нашей стране, как бы ни пытались ее провести: медленно, по-тихому или в темпе лобовой атаки. Коммунистические, патриотические силы хотя и с большим опозданием, но все-таки осознали эти коварные замыслы. К таким силам относится движение за возрождение Коммунистической партии РСФСР. Именно его представители поставили на XXVIII съезде КПСС на голосование заявление о том, что протаскиваемый вариант «оздоровления» экономики через рынок приведет к разрушению производительных сил, к резкому падению жизненного уровня трудящихся, к всеобщей разрухе. За это заявление, с которым выступил Председатель Инициативного съезда В.А. Тюлькин, проголосовали 1259 делегатов партийного форума страны. А это огромная сила.

Появление новой политической силы, какой является Компартия РСФСР, спутало все карты деятелям перестроя. Перемена строя по-тихому уже не проходит. Но начались новые лобовые атаки на Коммунистическую партию со стороны антисоциалистических сил, которые объединяются уже по всей стране. Спешно разрабатываются политика и идеология контрреволюции, создаются программы политического переворота в стране. Одной из них является «Программа действий-90». И это не просто декларация группы лиц, как пытались представить ее перепуганные «демократы». Идеи, которые составляют ее основу, запущены в оборот такими лидерами межрегиональной депутатской группы, как Г. Попов, Б. Ельцин и др. Главное и основное, в чем все они сходятся, — это антисоветизм и беспощадная борьба за власть над страной, над ее народами. В этих целях Г. Попов выдвинул следующие программные требования: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов... Другими словами, десоветизация»²⁴. Это антиконституционный развал всего государства, при котором, по замыслу Г. Попова, «...формируется на месте СССР три, четыре, а

то и пять десятков независимых государств»²⁵. И это тоже называется перестройкой.

Итак, политический курс под названием «перестройка» оказался полностью несостоятельным. Итог один — разрушение. «Перестройка, — признался Н.И. Рыжков в своем последнем официальном выступлении, — сломала многие устоявшиеся структуры — как государственные, так и партийные. Взамен же пока ничего действенного и эффективного не создано». Верное, но горькое признание.

В свое время в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М. Горбачев в разделе «У нас нет «готовых рецептов»» писал: «Меня радует, что и в партии, и в обществе в целом формируется понимание: мы начали *беспрецедентное* дело — политического, экономического, социального, идеологического порядка. Но если мы хотим воплотить все задуманное в жизнь, то мы должны вести и *беспрецедентную* политическую, экономическую, социальную, идеологическую работу — и во внутренних, и во внешней сферах. На нас прежде всего лежит и *беспрецедентная* ответственность».

Вот и думается, что беспрецедентные дела страна уже получила. Всем ясно, что и методы их осуществления были беспрецедентными. Но не наступила ли пора и беспрецедентной ответственности? Действие разрушительных сил страшно. Убивают людей, льется кровь. Так дальше продолжаться не может. Надо искать выход. Множатся попытки спастись в одиночку, обособившись от общества. Не только отдельные люди, но и целые коллективы, регионы, народы ищут спасения от действия разрушительных сил в отделении от других. Объявляются суверенитеты. Страна втягивается в полосу опасных межнациональных и социальных конфликтов.

Совершенно очевидно, что, для того чтобы расчистить путь для осуществления своих замыслов, разрушительным силам серьезная наука не понадобилась, здесь обошлись «здравым смыслом» и «методом проб и ошибок». Как говорится, ломать не строить, можно обойтись и без знаний, опыта, навыков. Но для созидания нужна наука, необходимо знание объективных законов развития и человека, и общества, и природы, требуется умение действовать, сообразуясь с этими законами. Жизнь заставляет срочно

искать и найти выход из состояния хаоса и разрушения, из глубочайшего кризиса, в котором оказалась страна. Для этого необходимо прежде всего осознание того, что надежды спастись в одиночку тщетны, попытки «уйти в себя» лишь ускоряют процесс разрушения. Действительное спасение от национальной катастрофы — в единстве всех созидательных сил народа. Сейчас, когда он начинает подниматься на сознательную борьбу за настоящее и будущее своего Отечества, ему нужен верный политический курс.

Понятно, что, встав на почву лишь поиска виноватых, правильный курс развития страны выработать невозможно. Задача стоит другая — необходимо серьезно исследовать объективные причины нынешнего тяжелейшего положения в обществе и раскрыть прежде всего объективные основы выхода из кризиса. Хотя, конечно, нельзя игнорировать и субъективные факторы и моменты. Поэтому надо основательно разобраться в диалектических отношениях субъективного и объективного, учесть допущенные ошибки, раскрыть глубинные тенденции прогрессивного социалистического развития и тем самым заложить прочную научную основу выработки нового политического курса. Для его реализации надо также сформировать конкретные практические рекомендации и предложения.

Глава 2

ПОЧЕМУ ТАК ПРОИЗОШЛО?

ЧТО ГОВОРИТ ТЕОРИЯ

1. СУБЪЕКТИВИЗМ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ

Источником многих бед и ошибок, допущенных в период перестройки, является субъективизм в теории, постоянно переходящий в субъективизм на практике, и наоборот. В чем же проявился субъективизм в перестроечные годы?

Прежде всего в оценках причин кризиса и событий прошлого. Почти с самого начала перестройки руководители возложили вину за сложившуюся ситуацию на своих предшественников — на ошибки прежнего руководства. Так, на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось: «Главная причина — и об этом Политбюро считает необходимым с полной ответственностью сказать на Пленуме — состояла в том, что ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе»¹. Причиной «несвоевременных оценок», «непоследовательных проведений», «опозданий», «игнорирований» были объявлены действия отдельных руководителей, например «субъективистские методы в деятельности руководства, возглавляемого Н.С. Хрущевым»², а ответственность за период застоя была возложена на Л.И. Брежнева.

Чаще всего источник кризиса усматривают в авторитарной, командно-бюрократической системе, которая «деформировала социалистическую идею», привела к «отчуждению человека от собственности и власти», т.е. причина переносится с базиса (экономики) на надстройку, связывается лишь с субъективным фактором (ошибками руководства и т.п.). Обычно утверждается, что застой не имел отношения к законам ни собственно социалистического, ни товарного производства; он якобы возник только как следствие неверных решений, слабости политической воли, неглубокого понимания потребностей и перспектив развития общества, а в конечном счете как результат неумения (или нежелания) полнее раскрыть и использовать

возможности социалистического прогресса. Склонность видеть главные причины современных проблем в экономической и социальной сферах только в ошибках людей (главным образом руководителей), в их неумении правильно оценить те или иные явления и вовремя принять решение — это чистейший субъективизм. Субъективист, признав нечто желательным или нежелательным, все внимание обращает на условия осуществления желательного или устранения нежелательного. Им не допускается даже мысль об объективном характере процесса развития общества, и потому ему не остается ничего другого, как говорить только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять то, что требуется, не умели найти условия осуществления разумных порядков. «Ясное дело, — писал В.И. Ленин, — что основная идея К. Маркса о естественно-историческом процессе развития общества в корне подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии»³.

Субъективизм на практике, в оценках истинных причин кризиса во многом обусловлен сложившейся ситуацией в советском обществоведении. В работах многих теоретиков эпохи застоя и перестроечной поры объективным процессам и законам развития общества была противопоставлена субъективная, сознательная деятельность, и тем самым свойственное марксизму-ленинизму материалистическое понимание истории как естественноисторического процесса было искажено деятельностью, субъективным подходом. При этом социальный мир был искусственно разделен на мир объективный, состоящий из «немых», безличностных производительных сил и производственных отношений, и мир субъективный — область человеческой сознательной деятельности и ее носителей — людей.

Жизнь общества, сказано в одной из недавно вышедших работ, складывается из двух взаимодополняющих начал: объективного и субъективного, естественноисторического процесса (ход обстоятельств) и деятельности⁴. Получается, что деятельность якобы субъективный момент практики, а естественноисторический процесс — ее объективный момент. Вся многогранная жизнь общества изображается как некий объектно-субъектный мир, в котором активная сторона представлена человеческой деятельностью,

живыми людьми, которые только то и делают что постоянно вмешиваются в объективный ход исторических событий.

Такого рода представления в духе неокантианства в свое время подверг критике В.И. Ленин. Их носителем в России был, в частности, Н.К. Михайловский, предложивший субъективный метод в обществознании. В.И. Ленин выступил прежде всего против тезиса о том, что люди, их деятельность образуют особую область общественных явлений, противостоящую области явлений естественноисторических, и поэтому якобы для исследования первой области требуется особый, субъективный метод. Этот метод исходит из того, что объективное движение исторических событий происходит вне деятельности живых личностей.

В.И. Ленин как материалист исходил из того, что общественные отношения и исторические условия, ход вещей и событий как раз и слагаются из деятельности людей, а не есть особый поток, движущийся помимо их действий и отношений. «История вся и состоит, — писал он, — из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия», — так что указание на «право вмешательства в ход событий» «...сводится к пустой тавтологии»⁵.

Не было оставлено без внимания и положение Н.К. Михайловского относительно возрастания роли деятельности личностей и силы их воздействия (с помощью чувств и разума) на ход вещей в современную ему эпоху по сравнению с периодом возникновения капитализма. «Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно?»⁶ Напротив, и тогда люди в здравом уме и твердой памяти создавали чрезвычайно искусные способы, при помощи которых загоняли непокорного крестьянина в ярмо капиталистической эксплуатации, проводили политические и финансовые мероприятия, посредством которых осуществлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экс-

проприация, не ожидая соответствующих результатов от действия экономических законов.

Научный подход к истории предполагает признание того, что объективные законы, управляющие действиями и отношениями людей, являются «законами их собственных общественных действий»⁷, что речь идет не о независимом существовании этих неизвестно откуда появившихся законов от людей и их деятельности, а о независимости этих законов лишь от общественного сознания, воли и чувств людей.

Принципиально неверно противопоставлять, разводить по разным полюсам объективную общественную закономерность и сознательную деятельность людей, полагая, что законы — это мир объективный, а практика, деятельность — мир субъективных явлений. Объективные законы общества не есть что-то внешнее для людей, они суть законы именно и только деятельности и отношений людей, обладающих сознанием. Причем в своей практической деятельности люди подчинены общественным законам вместе со своим сознанием, как сознательные существа. Поэтому неверно считать, что практическая деятельность людей сводится к воздействию людей на объективные законы. Люди, их деятельность составляют необходимое составляющее объективной закономерной цепи событий. В этой связи лучше всего характеризовать место человека в механизме действий закона словами К. Маркса: надо «изображать людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»⁸. Человек выступает исполнителем законов своих общественных действий.

Это хорошо видно при анализе законов конкуренции капиталов. Конкуренция есть не что иное, как осуществление имманентных законов капитала, т.е. капиталистического производства, когда каждый капитал и соответственно капиталист выступают по отношению друг к другу как судебные исполнители этих законов. По отношению к отдельным капиталистам имманентные законы капиталистического производства действуют как внешний принудительный закон.

Применительно к социалистическому обществу данную мысль можно выразить так: планирование выступает осуществлением имманентных законов социалистического производства. И здесь каждое предприятие, каждый тру-

довой коллектив относятся к другим коллективам как исполнители законов социалистического производства, законов его планомерного функционирования и развития. С этой точки зрения будет правильным такое суждение: если социалистическое общество не будет планировать свою деятельность, то не будут реализовываться и его законы, вместо них вступят в силу другие законы.

Субъективизм довольно глубоко проник в экономическую теорию. Этому во многом способствовало некритическое воспроизведение идей 20-х годов, в частности концепции Н.И. Бухарина и других теоретиков относительно исчезновения объективных экономических законов в ходе социалистического строительства. Объективные законы считались несовместимыми с сознательно организуемой деятельностью, постановкой целей, программированием деятельности. Соответственно политическая экономия, изучающая объективные законы, должна была уступить свое место различного рода организационным наукам, социальной технологии и т.п. Н.И. Бухарин, например, утверждал, что существование политической экономии как науки оправданно только для изучения товарного производства, капиталистического общества. Конец же этого общества будет концом и для политической экономии.

Можно сказать, что тогда возрастание роли субъективного фактора представлялось как возможность создания или уничтожения людьми объективных законов развития общества. Теперь говорят в более мягкой форме: люди вроде бы могут игнорировать эти законы, использовать или не использовать их, отклоняться или не отклоняться от них в своей деятельности. Целые периоды истории страны нередко объявляются ошибочными, общество вроде бы только и делало, что отклонялось от объективных законов собственной деятельности и, игнорируя их, вставало на ложный путь, свободный от подчинения какому-либо закону. В то же время игнорируются противоречия самих объективных законов, проявляющихся в борьбе противоположных тенденций.

Встречаются, особенно в работах «теоретиков» перестраивания жизни, и суждения по поводу возможности «создания» новых объективных экономических законов. Иногда значение субъективного начала, в частности

сознательной деятельности, преувеличивается настолько, что последняя объявляется генератором объективных законов. «Экономические законы, — считает, например, Л.И. Абалкин, — действуют и обнаруживают себя только через деятельность людей, они сами являются продуктом (!) хозяйственной деятельности»⁹.

Если люди в своей хозяйственной, практической деятельности не руководствуются знанием экономических законов, то последние остаются по ту сторону этой деятельности, и тогда создается возможность для проявления волюнтаризма, субъективизма и т.п.

Люди имеют дело с законами не только в мышлении, но и на практике. Экономические законы — это законы деятельности людей и по созданию новых форм хозяйствования, и по совершенствованию хозяйственного механизма и т.д. Проблема, таким образом, состоит не в том, что люди воздействуют (или не воздействуют) на объективные законы, а в том, что последние суть законы самой деятельности людей, их взаимодействий.

«Экономический» субъективизм проявляется и в трактовке хозяйственного механизма, механизма управления как субъективно сотворенных образований, находящихся вне действия объективных законов, материальных производственных отношений, парящих где-то над ними. С этой целью сфера экономики, как и всего социального мира, расчленяется на объективные безличные производственные отношения, т.е. отношения собственности, и субъективные механизмы хозяйствования, в которых все делается людьми сознательно, по их свободной воле и выбору. На самом деле хозяйственный механизм, включая систему управления, есть реальное, наличное бытие производственных отношений, и его нельзя переделывать и изменять сколько и как угодно, не затрагивая объективных отношений собственности. Тем не менее исходя из указанных воззрений следовал вывод о «великой» роли руководителей, которые могут или загубить общество и историю, или, наоборот, вывести их из кризиса. Вся надежда опять-таки возлагается на субъективный фактор. Но ведь ясно, что при таком извращенном подходе с неизбежностью вновь наступит время, когда деятельность современного руководства будет оцениваться с тех же позиций, с каких оценивались «заслуги» предшественников, и тогда вновь

восторжествует субъективизм. Итоги развития вновь предстанут только как результат принимаемых руководством решений.

На основе субъективных представлений в теории неизбежно формировался соответствующий вывод относительно судеб всего социализма: он рассматривался не как этап естественноисторического процесса развития общества, не как результат этого процесса, а с позиции идеалов, первоначального теоретического проекта социализма, найденных людьми условий его осуществления, поскольку они сами совершили выбор. Если это так, то не ошиблись ли они при выборе? И зачем, спрашивают, «законы истории надо любить больше, чем мать родную»?

Возникновению такого рода суждений во многом способствовала практика внедрения в общественное бытие тех или иных искусственно конструируемых программ, планов и других подобных мероприятий. Дело, конечно, не в том, что не надо планировать, разрабатывать программы, а в том, что их надо создавать на научной, объективной основе. Плохо, когда программное творчество отрывается от естественных процессов развития экономики, социальной сферы. Поэтому и программы оказывались во многих случаях искусственными схемами, налагавшимися на живую действительность без ее глубокого анализа, без раскрытия ее прогрессивных и регрессивных тенденций, без учета их в этих программах.

Главная же беда многих программ — это отрыв планируемой хозяйственной деятельности от ее собственных объективных законов, непонимание их противоречивого характера, нежелание считаться с ними при разработке программ. Высоко- и низко-сидящие управленцы в большинстве случаев действовали методом проб и ошибок, т.е. субъективным методом, основанным на чистом эмпиризме. Многие законы развития нашего общества остаются еще не познанными. В этих условиях, по мнению Ю.В. Андропова, нужно очень бережно относиться к истинам, открытым марксизмом, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь. Он резко осуждал тех теоретиков от марксизма, которые оказались неспособными подняться до истинных масштабов теоретического мышления К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

Признание объективного характера законов развития общества, в том числе и нашего, несовместимо со всякого рода попытками управлять им, особенно экономикой, чуждыми природе этих законов методами, «демократическим» декретированием. Приходится только жалеть, что в наше время, когда особенно важно всерьез опереться на знание законов, на науку, руководящие круги пошли по существу против общественных наук, добытых ими истин. Приказами, «перестроечным» декретированием отменяются целые науки, такие, как теория научного социализма и коммунизма, марксистская политическая экономия и др. Вместо этих и других, так сказать, старых наук вводятся различные произвольно сформулированные теории. Например, в вузах на смену политической экономии как специальности приходят такие дисциплины, как «теория экономического роста», «теория экономических отношений» и т.п. Вроде бы сбывается мечта Н.И. Бухарина отменить политическую экономию как науку, что в свое время И. Скворцов-Степанов назвал «невыразимой нелепостью»; нельзя сделать социалистический выбор без теории научного социализма. Да и сам этот «выбор» с самого начала исходит из субъективного метода: из желательности или нежелательности социализма. В действительности же человечество закономерно движется к социализму, и вопрос о желательности просто неправомерен, даже если для кого-то это нежелательно.

Социализм с его достижениями и недостатками является результатом действия прежде всего противоборствующих объективных причин, лежащих в сфере экономики. К современному кризисному состоянию привела наше общество неправильная политика в разрешении объективных противоречий его развития. Подчинение людей законам своей деятельности и своих отношений вовсе не умаляет значения живого творчества народных масс, не означает отрицания общеизвестного факта, что историю делают люди. Вопрос лишь в том, как понимать это «делание» людьми истории. Они ее делают не тем, что создают новые законы или изменяют их, игнорируя существующие, а тем, что придают средствам и продуктам своей деятельности ту или иную конкретную социально-экономическую форму, изменяют общественные отношения. Общее, говорил Г. Гегель, «не что-то готовое уже до своего проявления, не какое-то за горой явлений укрывающееся существо, но такое,

которое обладает подлинной действительностью только вследствие определенных форм своего необходимого самообнаружения»¹⁰.

Люди не могут игнорировать объективные законы прежде всего потому, что последние являются законами их собственных действий и отношений. Это, конечно, не значит, что действия отдельного человека не могут противоречить закону, поскольку и сам-то закон противоречив. Если человек, например, покупает данный товар по цене, намного превосходящей его стоимость, то этим он вовсе не игнорирует закон стоимости. Наоборот, сам закон стоимости неизбежно предполагает известные отклонения такого рода. Это, если можно так сказать, нормальный способ действия закона, когда его собственные проявления ему противоречат. Отдельные проявления закона от этого не перестают ему подчиняться. Не бывает так, чтобы деятельность массы людей, если даже она нежелательна с точки зрения тех или иных социальных групп, не подчинялась собственному закону. Не бывает периодов, или «участков», истории, свободных от действия объективных законов.

Речь может идти лишь о том, что люди, изменяя цели и характер своей деятельности, свои общественные отношения, подчиняются законам этой своей новой деятельности и измененных отношений. Если, например, люди свою экономическую деятельность будут направлять на потребительную стоимость, на удовлетворение потребностей, экономию затрат, увеличение свободного времени, снижение цен, улучшение условий труда, сохранение природы, обеспечение условий благосостояния и развития всех членов общества, то эта деятельность будет подчиняться закону потребительной стоимости, закону возвышения потребностей, закону планомерности и другим социалистическим законам. Если же сохранится погоня за валом, прибылью, стоимостью, то законами этой деятельности и этих отношений будут законы товарного производства и обмена со всеми мерзостями рынка. Можно в этом случае не удивляться вымыванию дешевых товаров, незавершенному строительству и т.п. При этом ни Госплан, ни Совмин не могут это запретить. Все недостатки тогда возмещаются за счет народа — прежде всего путем повышения цен.

Можно ли дело представить таким образом, что люди используют объективные социальные законы на практике так же, как обращаются со

средствами производства, используют орудия или предметы труда? Такая аналогия была бы неправомерной. Не закон, подобно орудию, используется на практике, а знание о нем. Иначе говоря, в качестве средства практической деятельности используются научные знания, а не сами объективные законы. Люди в своих действиях всегда подчиняются тем или иным законам. И в этом смысле их практическая деятельность совпадает не с использованием, а с действием социальных законов.

Управляющая деятельность членов общества и соответствующих институтов образует звено того же механизма действия законов общественного развития. Модернизируют ли люди свои производительные силы или реорганизуют свои управленческие органы, они одинаково подпадают под действие объективных законов своей деятельности. В этом смысле не может быть особого механизма использования законов, отличающегося от их действия тем, что первый относится к объективным образованиям, а второй — к субъективным.

Явления, или формы проявления, внутренних законов, например конкуренция или планирующая деятельность, не менее объективны, чем сами имманентные законы общественного развития. В противном случае понятия «использование закона», «механизм использования закона» неизбежно приобретают смысл некоего «воздействия» людей на объективные законы, т.е. из механизма использования можно создать особую сферу, где не человек подчиняется законам своего действия, а законы подчиняются ему и он волен их игнорировать, отклоняться от них и даже устранять их по своей прихоти.

Мы уделили довольно много внимания теоретическому разбору субъективизма потому, что он наносит серьезный ущерб современной общественной практике. Все мы свидетели субъективистского «шабаша»: принимаемые нашими парламентами законы о собственности, земле, предприятии, переходе к рынку, имеющие целью изменение общественных, в том числе экономических, отношений, на практике не действуют. Так, и союзный закон, и особенно закон РСФСР о собственности предусматривают «сделать» исходной собственностью отдельного гражданина. Но собственность в этом качестве не может быть ничем иным, как частной собственностью человека на свои способности к труду, на свою рабочую силу.

Законодатели-парламентарии пытаются таким образом утвердить частную собственность на средства производства, дать ей широкую дорогу. Ясно, однако, что при современном уровне обобществления невозможно на основе только собственности на рабочую силу без обладания капиталами стать частным собственником на средства производства, предполагающие их коллективное использование. Отсюда понятен чисто субъективистский характер проектов Г.Х. Попова раздать общественную (государственную) собственность отдельным гражданам, т.е. реализовать лозунг всякого рода люмпенов: «Отнять и разделить!»

Но это противоречит даже объективному закону товарного производства и рыночного хозяйства, которым клянется Г.Х. Попов, — закону стоимости. Согласно ему (а не юридическому праву), собственность на рабочую силу позволяет ее владельцу иметь долю, равную стоимости его рабочей силы. Эту долю получает каждый для воспроизводства собственной рабочей силы. Он не может претендовать на другую долю, и, следовательно, предлагаемый раздел собственности будет противоестественным актом, противоречащим действительным условиям товарного производства и положению трудящихся масс. Поделить, а вернее, захватить общую собственность могут лишь новая буржуазия и теневой капитал.

Принятые законы не действуют и потому, что предусматриваемые ими изменения общественных отношений не исходят от трудящихся, а навязываются им. Поэтому рыночные отношения нельзя ни «ввести», ни «закрепить» декретами или законами. Они в свое время складывались как совокупность объективных общественных отношений между частными собственниками на определенном уровне общественного разделения труда. Сейчас, когда во всем мире обособленность преодолевается процессами обобществления производства, усилением взаимосвязанности его ранее обособленных звеньев в рамках крупных производственных комплексов и объединений, в масштабах крупных регионов, рыночные связи неизбежно заменяются прямой производственной кооперацией. Обратный процесс ведет к разрушению производительных сил, безработице, ухудшению положения трудящихся по всем линиям. Вот почему трудящиеся навязываемый им

«переход к рынку», уже приведший к карточной системе и дикому скачку цен, отвергают.

Вместо того чтобы сначала заняться действительными изменениями действительных отношений и форм деятельности в интересах народа, а потом достигнутые результаты оформить в юридических законах, наши парламентарии начали с того, что диктуют правовыми законами неприемлемые для трудящихся правила хода вещей и экономических событий. Одна из причин этого — субъективизм и субъективистский метод мышления и действия.

Субъективисту кажется, что все вершится по воле руководителей, руководящих органов, парламентов и т.д. На самом деле при всей важности субъективных факторов процесс жизни, ход развития определяются глубинными причинами, объективными факторами.

2. ПЕРВОПРИЧИНА КРИЗИСА

Наличие кризиса в нашей экономике ныне признают все. Беда, однако, в том, что остаются невыясненными его сущность и конкретные причины возникновения и углубления, а без этого трудно рассчитывать на возможность его преодоления. Из теории и практики известно, что экономические кризисы являются продуктом и свойством развитых форм товарного производства, товарного обмена и рыночных отношений, что их основой выступает обостряющееся противоречие между процессами обобществления производства и частными формами присвоения его условий и результатов, проявляющееся в диспропорциях между производством и потреблением, между подразделениями и отраслями производства, в приостановке развития и разрушении производительных сил, ухудшении жизненного положения трудящихся и т.д.

Раньше полагали, что с установлением общественной собственности на средства производства будет навсегда устранена частная форма присвоения как антипод процессам обобществления производства и труда и тем самым снимется главная причина экономических кризисов. Многие из теоретиков и практиков до сих пор исходят из того, что сохранившееся товарное производство и рыночные отношения в условиях общественной собственности

и государства, ее защищающего, лишены свойства порождать кризисы. Поэтому если и пытаются искать причины кризиса в экономике, то обходят стороной товарное производство и обмен.

Чаще видят эти причины в самой общественной собственности, в планировании, но ни в коем случае не в товарном производстве и обращении, направленных на извлечение прибыли. Более того, максимальное расширение рыночных отношений считается чуть ли не решающим средством преодоления кризиса (?!).

На практике столь превратная трактовка причин кризиса может привести (и приводит) не к его устранению, а к углублению. Сейчас абсолютно не принимаются всерьез принципиальные суждения основателей теории научного социализма (хотя строить социализм собирались на основе этой теории) о невозможности создать социалистическое общество на базе товарного производства, их неоднократные предупреждения об иллюзорности представлений тех социалистических школ, сторонники которых воображали, будто можно сокрушить капиталистический режим, применив к нему вечные законы товарного производства. Классики были убеждены в том, что «не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»¹¹, что нэп — это еще не социализм, что из России нэповской будет Россия социалистическая¹².

Причиной кризисных явлений в экономике чаще всего объявляют действия государственных, административных органов, приведшие к непомерному расширению отношений общественной собственности, ее максимальному обобществлению, огосударствлению и отчуждению от народа, а средством их преодоления — ту же волю государства и его руководящих органов, действующих в обратном направлении. Государство, право-административные, но не экономические методы (передача собственности народу и др.) выставляются главным орудием вывода страны из кризиса.

Почему же и каким образом расширяющиеся товарно-денежные механизмы вызвали кризис и препятствуют социально-экономическому развитию страны, почему принимаемые волевые решения в течение последних лет никак не выводят страну из кризиса?

Самая глубокая сущность и основной источник кризиса нашего общества заключаются в том, что, хотя в ходе строительства социализма мы далеко продвинулись в обобществлении средств производства и земли, в то же время сохранился и углубился наемный характер рабочей силы и труда. Между тем отношения найма с неизбежностью предполагают, что непосредственные производители материальных благ являются непосредственными собственниками лишь своей рабочей силы, но не средств производства. Им как гражданам законом предоставляется право распоряжаться только своими способностями к труду на основе трудового договора (найма). В таком случае их отношение к собственной рабочей силе как к своей собственности есть по существу отношение частной собственности. Они включаются в экономический процесс производства на основе продажи рабочей силы как своей собственности и купли ее товарного эквивалента, т.е. на базе товарного обмена.

Потребление рабочей силы в процессе материального производства как собственности ее частного владельца — рабочего, частное присвоение рабочим заработной платы как результата продажи своей рабочей силы вступают в явное противоречие с общественным характером производства и общественной собственностью на его материальные условия: непосредственные производители отчуждаются от общественной собственности на средства производства.

Рабочие и крестьяне, вместо того чтобы быть хозяевами общественной собственности и тем самым выйти за рамки наемного труда, оказываются в подчинении у реальных хозяев — распорядителей общественной собственности, выступающих нанимателями рабочей силы (собственники и их уполномоченные). Право этих распорядителей на продукт труда рабочих и крестьян базируется на их фактической собственности на реальные условия труда, на их праве как нанимателей.

Их право быть нанимателями рабочей силы проистекает из функций распоряжаться собственностью на средства производства, которая формально объявляется общей собственностью государства или коллектива, хотя на деле непосредственные производители от нее отчуждаются. Законом закрепляется собственность наемных работников на их рабочую силу и результаты,

полученные от ее продажи. Очевидно, что на этой экономической (товарной) основе они не могут реализовать себя в качестве непосредственных собственников средств производства и, следовательно, плодов своего труда.

В итоге противоречие между развивающимся обобществлением производственного процесса и частно-наемным характером рабочей силы, производством и распределением жизненных благ привело к сильным деформациям всего общества. При общественной собственности на материальные условия труда рабочие продолжали относиться к собственной рабочей силе как к частной, личной собственности. По мере углубления товарного характера рабочей силы и соответствующего расширения товарно-денежных отношений, особенно в годы перестройки, это противоречие стало обостряться, что необходимо поставило под вопрос существование самой общественной собственности. Усилились торможение научно-технического прогресса, падение квалификации труда, относительное обнищание рабочего класса, потеря его интереса к труду, заметно снизились эффективность производства и производительность труда.

Современный кризис в экономике берет свое начало с 60-х годов. До этого хозяйственный механизм был ориентирован в общем и целом на ограничение сферы отношений стоимости: на снижение себестоимости и стоимости продукции, на рост производительности труда за счет его экономии, что на некоторое время после реформы 1965 г. еще поддерживало более или менее здоровое развитие экономики. В дальнейшем заложенный в реформу затратный механизм, работающий на получение большей стоимости и прибыли, повел экономику к кризису. Произведенные поправки в этом механизме смогли лишь на время задержать этот процесс (застойный период), но не смогли его остановить.

После нового шага к товарно-денежным и рыночным рычагам хозяйствования в рамках «радикальной» экономической реформы кризис стал заметно углубляться: возобладала ориентация на стоимостные результаты (денежный вал и прибыль); масса потребительных стоимостей начала уменьшаться, и ее перестало хватать для удовлетворения первейших нужд трудящихся масс, прибыль же быстро росла. После изъятия из системы отчетности показателей снижения себестоимости и роста производительности

труда, положительно влиявших ранее на экономию труда, затратные методы получили полную свободу. Хозяйственный расчет из метода экономии и учета затрат превратился чуть ли не в цель социалистического хозяйствования. Его модели одна за другой оказывались неэффективными, сопровождалась расстройством финансовой системы, потребительского рынка, о котором стали попросту забывать. На сцену вышел обычный коммерческий расчет. Но никому еще не удавалось обойти объективные законы. И в данном случае нужно ясно сознавать, что хотим мы того или нет, но общество, допускающее товарное производство и обмен, неминуемо делает рабочую силу товаром, а труд рабочего — наемным.

В настоящее время превращение рабочей силы в товар не осуждается. Напротив, некоторые экономисты этим даже восторгаются. «Мне, — пишет, например, С. Шаталин, — честно говоря, кажутся демагогией рассуждения, что нужно отменить эксплуатацию человека человеком, что наемный труд не должен существовать и т.д. ... Более того, я бы перестал употреблять эту, надо прямо сказать, лжемарксистскую затасканную формулу — отчуждение работника от средств производства. Надо, — поучает академик, — видеть, что капиталист, частный собственник отнюдь не вампир, выпивающий последнюю кровь у родного рабочего класса»¹³.

Действительную причину кризиса (наемный труд), которую не желает признать академик социал-демократ, поняли и признают люди, близкие к производству, и непосредственные производители. Председатель дагестанского колхоза им. Орджоникидзе М.А. Чартаев в своем выступлении на Пленуме ЦК КПСС заявил, что мы действительно не понимаем той основной причины, из-за которой оказались в кризисной ситуации. Причина эта, по его мнению, в том, что, «когда в 1917 году собственность обобществили, всех людей оставили наемными работниками. Собственность общественная, а распределение капиталистическое»¹⁴.

Правдивую картину превращения крестьянина в наемного работника-поденщика представил народный писатель Иван Васильев. Мы полностью согласны с ним в том, что не коллективизация сделала крестьянина наемником. Его вклад в создание основных фондов колхоза не стал учитываться, что явилось началом его отторжения от общей собственности

сельскохозяйственной артели: сначала от неделимого фонда, а затем и от собственного, произведенного им же самим продукта. Артель перестала распоряжаться им по своему усмотрению. С превращением колхозов в совхозы крестьянин стал получать зарплату только за продажу своей рабочей силы, т.е. зависимость оплаты его труда от состояния имеющихся средств производства, от создаваемого им продукта исчезла¹⁵.

Колхозники или рабочие совхозов, став наемной рабочей силой, уже не могли рассчитывать на получение в полном объеме продукта своего труда. Наемный работник понимал, что он нанят только «вкалывать» без всякого участия в управлении, а потому полностью переложил заботу об общем хозяйстве на нанимателей-руководителей.

Аналогичные метаморфозы происходили и с рабочим классом. Начальной, исходной формой реализации общественной собственности в рамках социалистического уклада стала ее реализация как непосредственной собственности каждого рабочего, т.е. как той индивидуальной собственности, которая возникает на базе кооперативного труда и общего владения землей и средствами производства. Общий продукт, произведенный, например, коммунальной, был непосредственной собственностью каждого. Этому соответствовала и прямая, самими трудящимися осуществляемая организация производства и распределения (обмена) продукта.

В дальнейшем эта форма реализации общественной собственности (как непосредственно общей собственности) подверглась отрицанию со стороны другой, противоположной ей формы — опосредованной общественной собственности. Ее опосредованность развивалась в двояком отношении. С одной стороны, государственная собственность на крупные средства производства и землю все более приобретала статус особого отношения и тем самым отдельный человек или производственный коллектив в своих отношениях к крупным средствам производства и земле опосредовались государством как высшим собственником. В этих условиях отдельный человек или коллектив сами по себе перестали быть действительными собственниками средств производства, трансформировавшись в формальных владельцев, выступая собственниками опосредованно, лишь как члены общества и государства.

С другой стороны, и это, пожалуй, самое главное, общественная собственность стала все более реализовываться посредством товарно-денежных механизмов, которые используются государством и опосредуют отношение отдельного человека к общей собственности. Государство по отношению к своим подданным выступает торговцем, главным образом обеспечивает граждан предметами личного потребления, регулирует отношения классов и социальных групп в области обмена и распределения.

Первоначальное допущение мелкотоварного производства как способа реализации условий существования крестьян и состояние средств развития сельского хозяйства неизбежно требовали «одеть» в соответствующую товарную форму и продукцию рабочего класса и, следовательно, внедрить хозяйственный (коммерческий) расчет на государственных промышленных предприятиях. В дальнейшем, после ликвидации частнокапиталистических предприятий и проведения коллективизации, товарные механизмы сохранились, но стали выполнять другую функцию — реализации отношения между государством как высшим собственником и членами общества, трудящимися как собственниками своей рабочей силы.

Расширяющиеся стоимостные формы хозяйствования вступали во все более обостряющиеся противоречия с развивающимся общественным характером производства и его выразителем — общественной собственностью. Нарушились непосредственно общественные связи. Единый народнохозяйственный организм начал разделяться на все более экономически обособленные производственные предприятия, экономические районы, республиканские хозяйства, стал набирать силу групповой и региональный эгоизм. Плановость все более ограничивалась, уступая место стихийности. Дело дошло до произвольной остановки предприятий, выпускавших продукты первой необходимости (хлеб и др.).

Наемный характер рабочей силы все более разрушает общественную собственность на средства производства. В настоящее время общественная собственность, вместо того чтобы все шире реализовываться в качестве непосредственной собственности производителей, т.е. как их достояние в качестве хозяев, все больше переходит в собственность административно-территориальных единиц, общественных организаций и, попадая в распоря-

жение того или иного управленческого аппарата, неподконтрольного трудящимся, неизбежно деформируется, теряет общенародный характер.

Но по своей природе стоимостные формы рабочей силы (в отличие от подлинно социалистических потребительностоймостных форм) в условиях современного крупного производства требуют хозяина и собственника отнюдь не в лице непосредственных производителей; им объективно необходим другой хозяин — административный аппарат, управляющие (кооперативным или арендным предприятием), наниматели, арендодатели, противостоящие массе наемных работников.

Общественная собственность не может долго базироваться на отношениях меновой стоимости, в этом случае она неизбежно начинает разрушаться, перестает гарантировать труд от эксплуатации. Широкое внедрение стоимостных механизмов закономерно тянет за собой ограничения отношений общественной собственности, ее общенародного характера, ведет к передаче предприятий в руки частных. Вместе с этими ограничениями все больше ущемляется индивидуальная форма реализации общей собственности: все меньшая часть общественного продукта переходит в личную собственность непосредственных производителей.

Сегодня многие ученые, публицисты, государственные и общественные деятели, рядовые управленцы и т.д. задаются вполне оправданным вопросом: почему человек у нас не стал хозяином своего труда и его результата? Но причину этого отчуждения видят в общественной собственности, которая на поверхности выглядит «ничейной». Именно исходя из такого понимания причин отчуждения работника от средств производства и результатов его труда они усматривают единственный путь становления человека в качестве подлинного хозяина, т.е. в возврате к частной собственности, акционерному капиталу.

Однако ясно, что если человек как конкретный производитель является наемным работником, если его собственность ограничивается лишь собственностью на его рабочую силу, то как раз по этой причине он отчуждается от общественной собственности на средства производства. Как видно, «виновата» здесь вовсе не общественная собственность, а ограничение собственности рабочего собственностью на его рабочую силу, т.е.

ограничение ее товарным характером. Но правомерно ли в таком случае ответственность за кризис возлагать на общественную собственность? Полагаем, что нет. Нынешний кризис не связан с сущностью общественной, коллективной собственности. Конечно, ее формальный, не до конца обобществленный характер, ее опосредованность товарными механизмами ослабляли и ограничивали ее возможности как в собственном развитии, так и в преодолении наемного труда. Но общественная собственность не смогла еще в своем развитии подняться выше товарного производства, не смогла пока вытеснить частную собственность на рабочую силу. Последняя в свою очередь имела оправдание, хотя и противоречила процессам обобществления труда. Эти явления, не совместимые друг с другом, оказывают разрушающее влияние друг на друга.

Ныне об отчуждении трудящихся масс от общественной собственности как об одной из главных причин деформации социализма говорят и пишут много. Но почти ничего не сказано о причинах самого этого отчуждения. Если соглашаться с тем, что социализм в том виде, в каком он сформировался у нас, не выдержал проверки практикой, то это произошло потому, что он не мог быть построен и не может быть построен на базе расширяющихся товарно-денежных отношений, неизбежно отторгающих наемных работников от собственности на средства производства и, следовательно, на продукты своего труда.

За товарно-денежными отношениями стоит и развивается другая, противоположная общественной собственности сила — сила возникающей буржуазии: представителей теневой экономики, арендодателей, части кооператоров-перекупщиков и кооператоров, эксплуатирующих нанимаемых ими по «договорам» работников, и т.д. Ориентация хозяйственного механизма на рынок неизбежно становится ориентацией на интересы этой группы людей, что не может не приводить к кризису экономики, базирующейся на общественной собственности.

Итак, неразрешенное противоречие между способом производства, основанным на обобществлении собственности, и способом распределения, базирующимся на наемном труде, с расширением товарно-денежных отношений в сфере распределения жизненных благ обострялось и в конечном счете

привело нашу страну к кризису. В этом противоречии и коренятся сущность и главная причина современного кризиса. Наемный характер труда, функционирование непосредственного производителя в качестве наемного работника, поденщика, сопровождались деформацией общественной собственности и всего социализма, привели к потере интереса рабочих и крестьян к труду и его результатам, падению производительности труда, снижению жизненного уровня рабочего класса. Одновременно они привели к возрождению класса буржуазии, деятельность которой разрушает существующую экономику.

Общественная собственность на средства производства и государственная власть при товарном производстве и обращении не могут задержать процесс, ведущий к наемному труду и функционированию рабочей силы в качестве товара, к образованию теневого рынка капиталов, безработице и другим неизбежным спутникам товарно-рыночных отношений.

Действительность опровергла прежние представления о невозможности кризиса при господстве государственной собственности. Подобно тому как перевод предприятий на хозяйственный расчет и прибыль в первые годы нэпа привел к взвинчиванию цен и экономическому кризису, так и расширение товарно-денежных отношений, переход к производству прибыли в 60-е годы (особенно после экономической реформы 1965 г.) вновь повели экономику к кризису. «Радикальная» реформа 1987 г., преимущественно ориентированная на стоимостные показатели (денежный вал и прибыль), приблизила кризис, а намечаемый переход к рынку может привести к экономическому краху и социальному взрыву. Этот переход не может быть ничем иным, как переходом к рынку капитала и рабочей силы.

Наивно также думать, будто рынок капиталов еще предстоит создать, например, с принятием пакета правовых актов. Он давно уже вошел в нашу экономику (первыми накопили капиталы еще нэпманы), но вошел с черного хода — как «черный» рынок теневой экономики. Законодательные акты, которые его лишь легализуют, на самом деле открывают шлюзы для беспрепятственного движения накапливаемого капитала.

Основное противоречие между общественным характером производства (общественной собственностью на средства производства и землю) и личной

(частной) собственностью на рабочую силу вызвало и обострение других обусловленных им конкретных противоречий.

В области производства рост производительных сил и научно-технический прогресс, несмотря на их ограниченный характер, ведут к относительному и абсолютному сокращению затрачиваемого в материальном производстве живого труда, к неизбежному уменьшению величины вновь создаваемой стоимости. Повышение производительности труда без уменьшения стоимости продукта — это, по словам В.И. Ленина, абсурд, если речь идет об общем соотношении производительности труда и стоимости¹⁶. Каждый раз ставится задача не их уменьшения, а увеличения, что противоречит объективной, порожденной НТП тенденции вновь созданной стоимости к понижению. Вместо того чтобы учитывать эту объективную тенденцию, планировать снижение вновь создаваемой стоимости и снижать цены, делается обратное — повышаются цены и нормы прибыли, увеличиваются затраты труда, тормозятся экономия живого труда и научно-технический прогресс, ведущий к этому.

Затратный хозяйственный механизм, рассчитанный на увеличение стоимости любыми способами, создал многочисленные преграды на пути научно-технического прогресса. Промышленные предприятия по существу потеряли всякую восприимчивость к техническим новшествам и новым технологиям. Произвол в стимулировании роста обращающейся денежной массы прикрывает реальное падение темпов роста товаров народного потребления, что отрицательно сказывается на жизненном уровне трудящихся масс.

Наиболее остро это противоречие проявляется в росте нормы прибавочного продукта, не достающегося самим производителям, и соответствующем ухудшении экономического положения рабочего класса. Уменьшение вновь созданной стоимости в абсолютном масштабе возмещается небывалым ростом доли этого прибавочного продукта в общем продукте. По данным экономистов, наш рабочий в среднем получает лишь 35 — 40, а иногда и 20% от созданного им продукта. Экономия труда, достигаемая в результате научно-технического прогресса, не превращается в достояние рабочих и крестьян: рабочий день не сокращается; цены на предметы

потребления увеличиваются, а заработная плата замораживается; возникают условия для массовой безработицы. Формальное подчинение труда производству прибавочного продукта превращается в его действительное подчинение.

Этот феномен становится характерным для нашей современной экономики. Он сопровождается разрушением главной производительной силы общества — человека. Из-за высокой нормы прибавочного продукта и соответственно низкой оплаты труда квалифицированные рабочие в массовом порядке переходят в кооперативы мануфактурного типа, лихо использующие конъюнктуру рынка. Увеличивается численность безработных. В Азербайджане доля незанятых в общей численности трудоспособного населения в 1986 г. составляла 27,6%, в Таджикистане — 25,7, в Узбекистане — 22,8, в Туркмении — 18,8, в Армении — 18,0, в Киргизии — 16,3%¹⁷.

Положение усугубляется растущим высвобождением рабочей силы из сферы материального производства. За три года нынешней пятилетки высвобождено более 3 млн человек. По прогнозам специалистов, к началу XXI в. в таком положении могут оказаться 15 — 26 млн человек. Авторы Программы «500 дней» в своих расчетах допускали образование армии безработных даже до 35 млн человек.

Это еще раз подтверждает, что стоимость, товарная форма рабочей силы, особенно прибавочная стоимость и ее формы (прибыль, чистый доход и т.п.), выставленные в качестве цели и результатов производства, всегда и всюду (за исключением простого товарного производства, где присвоение своего продукта осуществляется на *основе* собственного труда) ведут к ухудшению положения рабочих, стимулируют отношения эксплуатации труда, причем при любой форме собственности.

Стоимость прибавочного продукта выступает результатом, доходом лишь для тех, кто живет за счет этого продукта, — предпринимателей, нанимателей, управленцев и т.п. Для рабочего он стоит затрат его труда, и не меньшего, а большего количества пота, чем создание необходимого продукта, им получаемого. Если ему и удастся раздвинуть рамки прибавочного продукта, то достается это ему не по праву собственности, а на основе его же производительного труда, т.е. через увеличение рамок необходимого труда.

В сфере распределения противоречия сосредоточиваются вокруг все углубляющейся дифференциации доходов и их несправедливого распределения. С одной стороны, получение трудящимися необходимого продукта в обмен на труд по стоимостному (эквивалентному) принципу не позволяет им иметь за свой труд больше, чем стоимость продукта, необходимого для воспроизводства своей рабочей силы. Обмен эквивалентов не дает им возможности «приращения» своего благосостояния и развития. Он ограничивается пределами стоимости необходимого продукта: сколько израсходовал, столько и получай на свое восстановление. Доля рабочих в общественном фонде потребления, в том числе полученное образование и последующее пенсионное обеспечение, их участие в прибылях возмещаются в период их трудовой деятельности (по расчетам демографов, из средней продолжительности времени труда в 40 лет рабочий за 9 лет окупает все полученные им фонды).

Наряду с этим лица, живущие за счет произведенного в материальном производстве прибавочного продукта, не ограничены эквивалентным обменом при получении своих доходов. Они своим трудом не создают фонда своего материального существования, присваивают потребляемую ими часть прибавочного продукта не по своему вкладу в него, не по труду в зависимости от качества и количества, а по занимаемому месту в иерархии служебных должностей.

За счет растущего прибавочного продукта, создаваемого рабочими и крестьянами, увеличивается численность богатейшей части общества, растут их денежные накопления, материальное богатство, воплощенное в предметах роскоши и недвижимом имуществе. Скажем, в руках дельцов теневой экономики сосредоточено капитала от 300 — 350 млрд руб., по одним расчетам, до 500 — 550 млрд — по другим, в то время как 40 млн человек находятся за чертой бедности, к которым в недалеком будущем может присоединиться еще 60 млн человек.

Стоимостные формы эквивалентного и неэквивалентного распределения, ведущие к дальнейшей имущественной поляризации, все более сталкиваются с потребительстоимостным принципом распределения. Этот принцип исходит из необходимости получения трудящимися жизненных

средств не по меркам все падающей цены их рабочей силы, которая может опускаться намного ниже прожиточного минимума, а по нормам, обеспечивающим их развитие.

Противоречие этих двух подходов к распределению и производству жизненных благ ныне испытывают на себе и производитель, и потребитель. Достаточно вспомнить о наших дефицитах. Чтобы получить больше прибыли и перевыполнить задания по стоимости, производителям достаточно было поднять цены. Однако от этого не стало больше товаров и продуктов. Потребители, в том числе и работники предприятий, на свои более высокие заработки не могут купить не только большее, но и прежнее количество продуктов.

Количество и качество благ, нужных для действительного удовлетворения жизненных потребностей, определяются не стоимостью благ, а их потребительной стоимостью. Обесцениванию зарплаты рабочие противопоставляют требование нормированного обеспечения необходимыми жизненными благами. В противном случае, т.е. при распределении по затратам труда на производство стоимости, может создаться положение, когда некому будет убирать урожай. Общество в лице живущих на зарплату не будет заинтересовано в производстве дешевых, но необходимых для жизни продуктов. Наша периодика ежегодно сообщает, что большие площади несобранных овощей запахиваются. Например, дешевые помидоры, выращиваемые в Астраханской и Саратовской областях, становятся невыгодными для рыночной экономики.

Экономические противоречия в сфере производства и распределения вызывают дальнейшую социальную поляризацию в обществе, обостряют социальные противоречия: расширение товарно-денежных механизмов приводит к росту буржуазного слоя общества и выделению из него «новых богатых» — советских миллионеров. На этой социальной базе возрождается теневая экономика, растут групповая преступность, коррупция и взяточничество. Одновременно ухудшается жизненное положение все большей части трудящихся, возрастает опасность потерять работу и оказаться в числе безработных.

Неудовлетворенность растущим социальным расслоением общества в наиболее острой форме проявляется в отношении трудящихся к практически не подконтрольному им административному аппарату управления, монополизировавшему функции распоряжения собственностью и распределения общественного продукта. Сложилась ситуация, когда не рабочие и крестьяне нанимают аппарат управления, а он их нанимает. «Хозяевами» на деле оказались управленцы, что теперь в явном виде закреплено Законом о порядке разрешения коллективных трудовых споров, ставящим администрацию в господствующее над трудовым коллективом положение. Недоверие ко все более растущему аппарату управления оборачивается организацией забастовочных, а затем рабочих комитетов. У рабочих возникает страстное желание вернуть власть в свои руки. Налицо обострение классовой борьбы, вызванное движением вспять.

Социальное расслоение неизбежно порождает серьезные противоречия в идеологии. Идеологии рабочего класса, т.е. теории научного социализма, являющейся основой идейного единения трудящихся, противостоят различного рода мелкобуржуазные доктрины социал-демократического и иного толка, ревизирующие или прямо отрицающие марксистско-ленинское учение. В оценке исторических событий все более сталкиваются подход с позиций рабочего класса с мелкобуржуазной позицией, нередко принимающей форму объективизма, оперирующего лишь абстрактно трактуемыми общечеловеческими критериями; обостряется борьба между интернационализмом трудящегося народа и национализмом мелкобуржуазных слоев национальных республик, между народно-патриотическим началом и космополитическими извращениями в культуре, между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями.

Оставшиеся позади годы ломки экономики дают основания утверждать, что социалистический фундамент общества серьезно ослаблен. Принятые практические решения по переделке экономического фундамента, дестабилизировав экономику, сопровождались крайне отрицательными для массы народа последствиями. Установление договорных цен и ограничение планирования в натуральных показателях привели к резкому сокращению производства предметов потребления, нарастанию дефицита, повышению цен;

создание кооперативов, особенно в непроизводственных отраслях, вызвало превращение большой массы безналичных денег в наличные, рост цен и спекуляцию, отлив работников с крупных промышленных предприятий в кооперативы мануфактурного типа; разрешение предприятиям и кооперативам прямого выхода на международный рынок лишило внутренний рынок многих товаров народного потребления, усилило их вывоз за границу в погоне за валютой. Перечень отрицательных последствий такого рода можно продолжить, отметив и быстрое обогащение части предприимчивых, деловых людей, составляющих вершину социальной пирамиды, состоящей из 2,6% населения.

Направленность перестроечных (экономической и политической) реформ на внедрение рыночной стихии, чреватой самозарождением капитализма, и соответствующая экстраполяция возникающих результатов заранее позволяли установить возможные формы и этапы постепенного отхода от социализма. Этот процесс не мог быть начат без соответствующей предварительной идеологической подготовки: без односторонней отрицательной оценки предшествующей более чем семидесятилетней истории социалистического строительства, без использования для этого критики культа личности Сталина и других руководителей страны.

После этого должны были последовать демонтаж существующей политической власти, отстранение партии от управления экономикой, децентрализация управления и разрушение сложившихся экономических связей между предприятиями под видом ликвидации монополизма, административной системы, причем без замены новыми механизмами управления социалистического типа.

Образовавшийся вакуум для своего заполнения потребовал создания рынка обращения капитала и наемной рабочей силы. В нашей стране сложилось так: рынок сначала возник как «теневой» под видом «теневой» экономики, через него подспудно происходило первоначальное накопление капитала, чему способствовали возрастание денежной массы, эмиссия денег. Выход капитала на производство и воспроизводство обеспечивался мобильной организацией все новых кооперативов, акционерных обществ, частных предприятий и индивидуальных хозяйств. Очевидно, что для этих процессов

законы страны и Конституция СССР, закрепившие отношения общественной собственности на средства производства и землю, стали тесными. На этом основании стали предлагаться новые законы, открывавшие возможность перехода предприятий в собственность кооперативов, акционерных обществ, стала допускаться частная собственность. Одновременно стал открыто поощряться наем рабочей силы, а способности к труду объявлялись объектом собственности, которые можно продавать, т.е. сдавать внаем.

Разрешения противоречий в пользу трудящихся на этом пути не достигнуть. К восстановлению и развитию социализма ведет иной путь.

РАЗДЕЛ II

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО.

КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?

КАКОЙ ДЕРЖАТЬ КУРС?

Глава 3

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

1. ОБОБЩЕСТВЛЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

Кризис, охвативший наше общество, нельзя объяснять только субъективными причинами. Главное — это объективные причины. Но следует ли отсюда, что объективные причины кризиса были и есть, а объективных причин бескризисного развития не было и нет? Есть ли объективные основы для позитивных тенденций в экономике, политике, идеологии, для обеспечения устойчивого эффективного хозяйствования, для прогресса всего общества? Да, для действия положительных тенденций также есть причины объективные, причем не менее, а еще более глубокие, чем для действия тенденций отрицательных.

Но какие тенденции потенциально сильнее и, следовательно, какие в конечном счете рано или поздно должны взять верх? Другими словами, есть ли объективная основа выхода из кризиса, из которой можно и нужно исходить тем, кто в общественно-политической жизни выступает носителем не разрушительных, а созидательных тенденций?

В развитии современных производительных сил главной является тенденция ко все большему обобществлению. Нет в мире ни одной страны, где бы эта тенденция не действовала и где бы она не была решающей. С капиталистической мануфактуры берет начало быстрое развитие разделения труда. Новый толчок оно получает с появлением капиталистической фабрики. Процессы концентрации и централизации осуществляются объективно. И вот уже ни один рабочий не может сказать про продукт своего труда, что это его продукт. На предыдущих стадиях технологической цепочки в его изготовление внесли свой труд десятки, сотни и тысячи других рабочих. И если даже рабочий стоит в начале технологической цепи, как, скажем, при добыче сырья, то все же он пользуется средствами производства, изготовленными другими рабочими, расходует электроэнергию, также не им выработанную, тайную, носит спецодежду, сшитую из тканей, изготовленных

в других отраслях, и т.д. Таким образом, каждое предприятие работает на десятки и сотни других, на все общество и все общество — на каждое. Все общественные производительные процессы слились в один общественный производительный процесс, стали неотторжимыми частями, элементами этого процесса, и обособленная деятельность предприятий, работа на свой страх и риск стала практически невозможной. С развитием разделения труда крепнет и взаимозависимость частей и звеньев единого общественного производительного процесса, и эта тенденция в развитии производительных сил непреодолима, ей нет альтернативы.

Наличие этой объективной тенденции, не только не ослабившей, но даже усилившей свое действие при империализме, послужило объективной основой для борьбы рабочего класса за уничтожение капитализма и создание нового, социалистического строя. Как отмечал В.И. Ленин, единая капиталистическая монополия, но обращенная на пользу всего народа и потому переставшая быть капиталистической монополией, означала бы социализм¹. Борьба за социализм поэтому есть лишь последовательное развитие и выражение объективной тенденции к обобществлению, действующей в производительных силах, а не выдумка тех или иных идеологов рабочего движения, тех или иных политических партий.

«Коммунис» значит «общий», потому и тенденция ко все большему обобществлению вполне может быть названа тенденцией коммунистической, хотя действует она и в условиях капитализма. Коммунисты — те, кто строит свою деятельность и свою борьбу в соответствии с этой объективной тенденцией в развитии производительных сил и добивается соответствующих изменений в производственных отношениях и во всей политической и идеологической надстройке.

Неравномерность капиталистического развития при империализме, подкуп верхушки рабочего движения в наиболее передовых капиталистических странах за счет ограбления и разорения более слабых сделали невозможным прорыв цепи империализма одновременно во всех, не говоря уже о наиболее «прочных», ее звеньях. Прорвать эту цепь оказалось возможным в наиболее слабом звене, которым среди империалистических стран начала XX в. оказалась Россия, по сути еще только вступившая в эту

последнюю стадию капитализма. Слабость российского звена проявилась и в том, что в стране еще были сильны пережитки крепостничества, поэтому трудящиеся страдали от двойного — остаточного-крепостнического и империалистического — гнета. Здесь легче всего было, как неоднократно отмечал В.И. Ленин, установить власть трудящихся, т.е. легче всего было начать социалистическую революцию, но труднее всего было ее продолжать.

Россия накануне Октября была страной, так сказать, среднеразвитого капитализма, где в городах шел бурный процесс зарождения империалистических монополий, а деревня не прошла даже мануфактурной стадии капитализма. Таким образом, при новой власти предстояло не только выполнять собственно социалистическую работу, но и доделывать то, что не доделал капитализм. Мировая война, в которую была вовлечена Россия, поставила тем не менее вопрос ребром — либо продолжение бойни, пожирившей миллионы рабочих и крестьян, либо установление диктатуры пролетариата для осуществления шагов к социализму.

Перед новой властью встала проблема: стихийный процесс обобществления производительных сил постепенно превратить в сознательный, планомерный, направив его на удовлетворение нужд трудящихся, на обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Как сторонники обобществления, коммунисты должны были поддерживать в России любую более высокую форму производства: например, мелкотоварный уклад — в борьбе с патриархальным, частнохозяйственным капитализмом — в борьбе с мелкобуржуазной стихией, госкапитализм — в борьбе с частнохозяйственным капитализмом, социалистический уклад — в борьбе с госкапитализмом. И вовсе не в одномоментном «возрождении» капитализма заключался нэп, рассматривавшийся тогда и рассматриваемый по сей день некоторыми учеными и политиками как «коренная перемена точки зрения на социализм», а именно в «доразвитии» всех элементов экономики, доставшихся России от дореволюционного состояния. Именно в этом была суть новой экономической политики, последовательное осуществление которой привело к безраздельному господству социалистического уклада, т.е. к формированию экономической основы социализма.

Однако нельзя сбрасывать со счетов то, что по уровню развития производительных сил Россия, заложившая основу социализма, по-прежнему оставалась слабее передовых капиталистических государств. И хотя после революции она стала развиваться значительно быстрее их, все-таки требовалось время, и немалое, для того, чтобы производительные силы первой страны социализма достигли уровня передовых капиталистических стран. Этого времени история нам не отпустила. Империализм развязал войну против более слабого противника, и только серьезные противоречия в стане самого империализма помешали ему стереть с политической карты мира государство рабочих и крестьян.

Победа в Великой Отечественной войне была подготовлена развитием производительных сил, которое в СССР происходило планомерно. Нэп не был только отступлением, и, во всяком случае, не только отступлением. В 1920 г. был образован Госплан. Был составлен и затем реализован план ГОЭЛРО, в жизнь вошли и стали действенным инструментом развития обобществления пятилетние и годовые планы. Широко использовались товарно-денежные формы, но как формы прежде всего с новым, социалистическим непосредственно общественным, потребительстоимостным содержанием. Осуществлялось записанное в резолюции XII съезда РКП (б) «О промышленности» положение о том, что плановые методы в своем окончательном развитии должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его. Это положение вовсе не понималось так, что планировать надо все и вся. Напротив, весьма обширной была сфера оперативно-хозяйственной самостоятельности, и в ней наиболее действенным рычагом обобществления оказалось социалистическое соревнование, с которым в не меньшей мере, чем с планированием, связаны успехи в индустриализации страны, позволившие Советскому Союзу выйти по уровню экономического развития на первое место в Европе и второе в мире.

В то же время это развитие, как вообще любое развитие в природе и обществе, не было и не могло быть непротиворечивым. Как уже отмечалось, наемный характер труда, который не был преодолен ни сразу после революции, ни с построением экономической первоосновы социализма — общественной собственности на средства производства, породил и не мог не

порождать тенденцию, противоположную социалистическому обобществлению. Именно эта тенденция более всего тормозит его ход, а если где-то и когда-то одерживает верх, может привести экономику и общество к кризису.

Тенденция ко все более полному обобществлению, получившая с установлением общественной собственности простор для своего развития, будучи потенциально более сильной, постоянно преобладала, и дело строительства социализма при всех противоречиях и коллизиях все же продвигалось вперед. Курс на свободное развитие всех членов общества, а не на обогащение кучки избранных, несмотря на препятствия объективного и субъективного порядка, в общем-то выдерживался.

Соотношение сил, выражавших эти противоположные тенденции и боровшихся в нашей стране, резко изменилось в результате войны 1941 — 1945 годов. Урон понесли прежде всего созидательные силы. Значительная часть производительных сил была вообще уничтожена, народ надрывался не только во время войны, но и восстанавливая народное хозяйство, а затем делая все, чтобы обеспечить военно-стратегический паритет и тем самым не допустить развязывания третьей мировой войны. Создались условия, при которых верх сначала в политике, а затем и в экономике начали брать носители тенденции, противоречащей дальнейшему обобществлению. Это привело к замедлению темпов роста производительности труда. Бели до 60-х годов разрыв между СССР и развитыми капиталистическими странами по уровню производительности труда сокращался, то с 70-х годов он начал увеличиваться (см. табл. 1).

В то время как в СССР реформой 1965 г. была закреплена разрушающая экономику социализма ориентация на индивидуальную прибыль, в капиталистических странах, напротив, бурное развитие получили процессы обобществления. Во Франции, например, уже 40% национального богатства перешло в руки государства, в Японии и США государство взяло на себя основные расходы по осуществлению научно-технического прогресса. У нас же приватизация, разделяющая неразделимое, нарушила, разорвала хозяйственные связи и привела сначала к остановке, а теперь и к падению производства и кризису.

Страна	Год			
	1980	1985**	1986	1987
США	100(1)	100(1)	100(1)	100(1)
Франция	92,3(11)	88,7(II)	85(11)	85(11)
Великобритания	42,1 (VI)	53,7 (VI)	65,3 (V)	65,3(V)
ФРГ	65,9 (III)	71,4(III)	76,9(111)	80,8 (III)
СССР	55 (V)	55 (V)	55 (VI)	55 (VI)
Япония	61,2<IV)	65,2(IV)	69,2(IV)	69,2 (IV)

* В скобках указано место среди стран по уровню производительности труда.

** Рассч. по: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 586; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 657; Народное хозяйство СССР в 1987 г. М., 1988. С. 628; Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 12. С. 146.

Это обстоятельство и доказывает даже самым непонятливым, что надо идти вперед — к дальнейшему обобществлению, а не назад — к обособлению.

Какие только широкомасштабные пропагандистские кампании ни проходили в последние годы — выборы директоров, и внедрение бригадных форм организации труда, и массовый переход на арендный подряд, и введение хозрасчета (непреренно полного!)... Наконец, настала очередь кампании по переводу всей экономики страны на рыночные рельсы. И как рефрен ко всем этим нововведениям зазвучало: «Иного не дано»; «Альтернативы нет!» Между тем производство снижается, потребление падает, потребительский рынок разбалансирован, и, чем больше разговоров о переходе к рынку, о развертывании товарно-денежных отношений, тем больше набирают силу отношения по типу натурального обмена: «ты мне — цемент, я тебе — металл», а карточки повсеместно вытесняют денежные знаки.

В свое время, несколько веков назад, движение к рынку было прогрессивным, оно объединяло обособленных производителей. Но с тех пор много воды утекло. Товар по своим внутренним законам развивался и превратился в капитал, а капиталистическое производство перешло в свою монополистическую стадию. Постоянные кризисы перепроизводства, сотрясавшие капиталистическую систему, доказали даже самым непонятливым буржуа, что уповать на стихию, на саморегулирование рынка больше нельзя, и они начали искать пути ее обуздания. Мировой

капиталистический кризис 1929 — 1930 гг. сделал задачу поиска путей государственного регулирования капиталистической экономики неотложной.

В 1935 г. появляется книга «Общая теория занятости, процента и денег» известного английского экономиста Дж. М. Кейнса, который от лица буржуазной политической экономии вынужден был признать неспособность рыночного механизма спроса-предложения обеспечить бескризисное развитие производства и обосновал систему государственного регулирования экономики, известную как кейнсианская модель экономического роста. В дальнейшем работы П. Самуэльсона и других авторов развили эти идеи и все передовые капиталистические страны перешли к широкому использованию рычагов государственного регулирования экономики — от госзаказа до установления налоговых ставок и нормы процента. На Западе бурно развивается процесс обобществления и интеграции. Капиталистический мир широко воспользовался нашей теорией и нашим опытом. А что же у нас?

С 1965 г., после того, как вместо себестоимости в качестве главного показателя деятельности предприятий была поставлена прибыль, в стране начался обратный процесс. В качестве силы торможения стала действовать такая зависимость: есть прибыль — есть премия, нет прибыли — нет премии. Объясняли тогда переход к прибыли как главному показателю хозрасчета довольно просто — ведь при снижении себестоимости выпускаемой продукции прибыль предприятия возрастает. Но очень скоро выяснилось, что прибыль возрастает и без снижения себестоимости, и без повышения производительности труда, без внедрения достижений научно-технического прогресса, без укрепления дисциплины и улучшения организации производства, без этих и других факторов обобществления. Достаточно лишь поменять номенклатуру, отказавшись от менее прибыльных, хотя и необходимых людям, продуктов. Мало-помалу сила торможения превратилась в силу разрушения. То ради прибыли уютги пропадут, то швейные машины, то мясорубки. Народ забеспокоился, почувствовав недоброе.

Со временем положение в экономике не только не улучшилось, но и заметно ухудшилось, поскольку все предприятия тянули к себе, добывая свою прибыль, а интересы всего общественного производства менее всего стали волновать добытчиков новых премий, 13-х, 14-х и т.д. зарплат, других одно- и

многоразовых выплат. Развернулась борьба за право делать не то, что нужно обществу, а то, что дает большую прибыль. Уже тогда многие задумались.

В 1985 г. началась перестройка, и всех буквально захлестнуло новое увлечение «тремя само» — самофинансированием, самоокупаемостью, самоуправлением. Но под лозунгами этих «само» перестали выполняться ранее обязательные планы поставок, стали рваться производственные связи. С 1987 г. предприятия получили возможность не искать обходных путей для повышения прибыли, а прямо повышать цену на производимую продукцию. Повышай цену - и иди в кассу, получай премию. Поднимай цены еще выше — и опять иди за премией. И пошло соревнование в том, кто больше повысит цены, кто больше улучшит свое положение за счет других — покупателей их постоянно дорожавшей продукции.

И технический прогресс сам собой отошел на задний план. В самом деле, зачем тратить на разработку и внедрение новой техники и технологии, когда можно, скажем, вместо пяти кусков мыла по 20 копеек произвести один кусок мыла за рубль, а потом вместо пяти кусков мыла по рублю — один за пять рублей. Умные люди, грамотные инженеры, толковые конструкторы и честные ученые-разработчики не нужны. Настало время «предприимчивых», готовых за счет потребителя набивать свои карманы. Такие люди стали быстро выдвигаться на ключевые посты в хозяйственном аппарате. Они понимают свою задачу так: производить меньше продукции, но по все более высокой цене. Таким образом, уже четверть века подрывается и разрушается погоней за прибылью (причем каждого — за своей) единая советская экономика, четверть века приучает такая экономика думать о своем кармане, а не об обогащении всего общества, не о свободном развитии всех и каждого.

Начал формироваться, а теперь уже прочно укрепился групповой эгоизм предприятий и организаций. Потом каждая республика стала тянуть к себе, под флагом утверждения национальных суверенитетов запольхали национальные конфликты, и, наконец, встал вопрос о существовании Союза как единого государства.

Те, кто за это время сумел накопить большие суммы нетрудовых доходов, образовали мощный социальный слой, их представители заняли места в парламентах и естественно потребовали создания условий для

возрастания капиталов, ибо самовозрастание — основное, сущностное свойство капитала. Интересы и вожеления именно этого слоя людей и воплотил в себе появившийся тогда лозунг перехода к рынку, экономика была ввергнута в глубочайший кризис.

Что означает лозунг перехода к рынку? Рынок, как известно, — это сфера обмена денег на товары, а товаров — на деньги. Так что, если понимать данный лозунг буквально, предлагается всем уйти из производства в сферу обмена, как делают это всякого рода жулики и дельцы, убегающие из производства, чтобы спекулировать на рынке. И не случайно их терминология зазвучала с высоких трибун. А если обратиться к содержанию программы перехода к рынку, то из нее ясно, что под переходом к рынку на деле понимается вовсе не «обновление», «совершенствование» социализма, а разрушение его основ, переход к капитализму, позволяющий криминальным буржуа легализовать и умножать свои капиталы; намечается освободить трудящихся от низких цен, приватизировать собственность, сделать центральной фигурой экономики не труженика, а предпринимателя, предоставить широкие возможности для проникновения в нашу экономику иностранного капитала, ликвидировать все социальные гарантии.

Таким образом, программой перехода к рынку подрывается развитие первой производительной силы - рабочего, трудящегося, что наносит сильный удар по общественному производству. В свою очередь трудовой народ отвергает эту и иные программы, противостоящие его интересам и объективной тенденции к обобществлению. Альтернативы ей нет, и поиск эффективных мер по подъему производства надо вести на том направлении, которое указывает опыт мирового экономического развития.

2. НАБИРАЕТ СИЛУ ЗАКОН ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Исторический процесс развития производительных сил, усиливающееся обобществление производства обусловили значительные качественные перемены в экономике. Под воздействием научно-технического прогресса рост производства во все большей степени становится относительно независимым от величины затрат человеческого труда. Усиление этой прогрессивной тенденции имеет поистине революционное значение. Оно не просто приводит к изменению величины затрат труда на производство

продукции, а создает материальную основу развития всего общества, всех людей безотносительно к какому-либо масштабу. Это происходит потому, что благодаря прогрессу науки и техники «непосредственный труд и его количества исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания»².

Анализируя с этих позиций современное производство, которое основывается на нововведениях, носящих зачастую революционный характер, следует особо отметить, что рабочее время перестает быть мерой богатства, а потому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. Применительно к сегодняшним проблемам это означает, что время затратных критериев проходит. Очевидно, что стихийность складывающихся по закону стоимости пропорций общественного рабочего времени сдерживает обобществление производства и вступает в постоянное и безысходное противоречие как с интересами людей труда, так и с общей системой государственно-монополистического управления. Проявляется это в обострении великого спора «между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса»³.

Вследствие усиления тенденции относительной независимости затрат труда и объемов производимой продукции уже при капитализме обостряются противоречия развития производства — начинают разрушаться чисто стоимостные границы регулирования общественного производства, происходит усиление роли потребительной стоимости как общественного отношения.

Совершенствование социалистического хозяйствования должно исходить из усиления отмеченной прогрессивной тенденции, которая требует соответствующих экономических и организационных форм, ускоряющих процесс увеличения потребительно-стоимостного богатства, удовлетворяющего

потребности развития всех членов общества при снижающихся затратах общественного труда, существенной экономии рабочего времени.

При сознательном, целенаправленном ведении хозяйства первоочередное место отводится эффекту, результату, имеющему не затратное, а в первую очередь потребительное содержание. Тем самым все более расширяется новая основа общественного производства и богатства, базирующаяся в свою очередь на высвобождении рабочего времени, на экономии труда. Поэтому ведущую роль начинают играть новые законы, действие которых распространяется шире отношений затраченного труда. Появляются новые общественные формы и методы ведения хозяйства, отличные от затратных.

Современная научная политическая экономия, как известно, своим теоретическим основанием имеет принцип трудовой стоимости. Преимущества трудовой теории стоимости в познании экономической жизни бесспорны, доказаны всемирно-исторической практикой перехода от капитализма к социализму. Вместе с тем известны и познавательные пределы данной теории, границы объясняемого ею исторического периода: последней ступенью развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства является полагание общественного труда в форме противоположенности капитала и наемного труда.

Границы развития производства, структура этого развития, объясняемые в рамках теории трудовой стоимости, очевидны — это рамки товарно-денежных отношений, и вряд ли здесь можно найти принципиально новые решения. Закон стоимости действует лишь в том случае, если имеется адекватное ему содержание. К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин никогда не распространяли теорию стоимости за исторические границы товарного производства, полагая, что она неприменима к решению вопросов сферы потребительной стоимости. Закон стоимости имеет дело лишь с меновыми стоимостями товаров и не имеет ничего общего с их потреблением⁴. Таким образом, очевидно, что положения и выводы, касающиеся сущности социалистического производства, должны иметь новую теоретическую базу. Проблема ее разработки является крайне актуальной; в решении этой задачи, думается, заложены наши основные стратегические теоретические резервы, в

том числе и выявление принципиально новых методов ускорения социально-экономического развития общества, особенно для условий перехода к XXI в.

Такой теоретической базой является трудовая теория потребительной стоимости как специфической формы существования производственных отношений, имеющей дело с воспроизводством самого человека и, следовательно, отношений людей по поводу собственного воспроизводства в качестве развитых личностей.

Полезность, потребительная стоимость факторов производства (рабочей силы, средств производства, сырья и материалов), может быть сведена к высвобожденному благодаря этой полезности живому труду, а единица этого сэкономленного труда служит мерой потребительной стоимости продукта. В этом суть закона потребительной стоимости. Надо иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта. Величина потребительной стоимости продукта соответственно определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобожденного живого труда и объемом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идет о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создает общее основание для их соизмерения. Сведенные к нему различные потребительные стоимости становятся количественно сравнимыми.

Раскрывая экономическую сущность потребительной стоимости в трудовой плоскости, важно четко представлять, что полезность измеряется не затраченным трудом, а, наоборот, незатраченным, т.е. сэкономленным. В этом состоит основной принцип трудовой теории потребительной стоимости. Для его реализации требуется преодолеть стереотипы мышления.

Дело в том, что обычно определяют потребительную стоимость, полезность продукта овеществленным в нем трудом. Но как только решение проблемы переводится на эту основу, неизбежен переход в стоимостную плоскость. В этом заключена трудность вопроса, о чем приходится специально напоминать. Многовековая стоимостная форма невольно заставляет всякому взаимодействию рабочего времени и результата труда, если даже этот

результат берется как потребительная стоимость, придать стоимостной характер. Достаточно, например, общественно необходимые затраты труда приравнять к общественной полезности его продукта, как мы получим определение потребительной стоимости (полезности) рабочим временем, т.е. стоимость продукта сведем к его общественной полезности, а последнюю — к его стоимости, хотя известно, что в стоимости нет ни грана вещества.

В механизме закона потребительной стоимости предпосылкой выступает не обусловленность полезности продукта затраченным на его производство трудом, а, наоборот, определение полезностью необходимого для его производства количества труда. Пределы затрат труда в этом случае обуславливаются потребностями, а время труда и, следовательно, рабочее время, оставаясь полюсом экономического отношения, приобретает иное значение. Когда говорится об общественно необходимом рабочем времени в смысле того, сколько обществу нужно израсходовать для удовлетворения данного объема потребностей людей, т.е. рабочем времени в сопоставлении с полезным эффектом, то здесь рабочее время уже не выступает стоимостной мерой данной потребительной стоимости. «Такого рода *необходимый* труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости»⁵. Это значит, что в данном случае речь идет не о том рабочем времени, которое общественно необходимо для того, чтобы создать ту или иную стоимость, а об относительной необходимости удовлетворения тех или иных потребностей. Необходимый труд и рабочее время в этом качестве не перестают быть созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, необходимых для его производства. Они соответственно нуждаются в строгом учете и контроле: регулирование рабочего времени и распределение общественного труда по отраслям производства при социализме становятся еще более важными, чем это было раньше.

Далее. Законом выражаются не только условия производства (определение потребностью общества нужного количества затрат труда на ее удовлетворение), но и устанавливается движение потребительной стоимости в качестве полезного результата труда. Потребительную стоимость этого результата, как видно из сказанного, никак нельзя выразить количеством воплощенного в нем труда. В потребительной стоимости продукта должно

применяться другое мерило, которое соответствует ее природе, но лежит вне природы продукта как меновой стоимости. В качестве потребительной стоимости предложение не измеряется овеществленным в нем рабочим временем. Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является сэкономленный, незатраченный труд, т.е. совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Каждый раз, когда, например, К. Марксу нужно было измерить или соизмерить потребительные стоимости тех или иных факторов производства, он обращался к величине сэкономленного труда. Так, замещение машиной человеческого труда он считал ее потребительной стоимостью⁶, а потребительную стоимость рабочей силы он усматривал в «избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства»⁷.

Можно сказать, что закон потребительной стоимости в его общем виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации затрат конкретного труда в полезных свойствах продукта, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в совокупной величине замещенного, сэкономленного труда. На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия: труд выполняет свое назначение создателя продукта в качестве конкретного труда, реализующегося в его полезных свойствах, и сохраняет свое значение затрачиваемого рабочего времени на производство данного полезного эффекта продукта, которое (время) определяется объемом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает условия и предпосылки движения труда как источника потребностоимостного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остается труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Но только измерителем потребительной стоимости выступает уже

не затраченное, а высвобожденное время. В этом суть решения проблемы. При этом закон потребительной стоимости имеет не менее четкую количественную определенность, чем закон стоимости.

Итак, мы имеем дело с законом, который выступает по отношению к социалистическому производству так же, как закон стоимости по отношению к капиталистическому производству. Он в этом смысле становится законом основания — первым законом в условиях коллективного производства⁸.

На практике основной формой реализации закона потребительной стоимости выступает распределение различных видов труда и рабочего времени в пропорциях, требуемых общественными потребностями, что в социалистическом обществе осуществляется посредством планирования. Однако при «работе» производства на затраты, на стоимость функция потребительной стоимости и ее закона ограничивается созданием условий для реализации стоимости, поскольку потребительная стоимость товара является всего лишь предпосылкой его стоимости. Это означает к тому же, что общественно необходимые затраты труда на производство продукта должны быть равными затратам труда в процессе потребления (требование «меры», эквивалентности при сопоставлении затрат), т.е. экономия труда не «предусматривается», не укладывается в данную схему, выглядит даже чем-то ненормальным, нарушающим общее правило. Планирование в этом случае неизбежно наталкивается на границы, которые оно не может перейти. Оно деформируется, принимает форму пропорций, диктуемых меновыми отношениями.

Иначе обстоит дело в производстве, направленном непосредственно на создание потребительных стоимостей. Здесь, наоборот, общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в заранее определяемые планом условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя своей функции созидательной продукт субстанции, тем не менее не могут уже составлять его потребительной стоимости, а потому высвобождаемый труд должен быть больше затраченного. Нарушается, следовательно, стоимостное равенство.

Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд, затраченный в производстве, должен быть меньше труда, высвобождаемого при потреблении. Соответственно на практике мы должны вести хозяйство так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая практика подчиняется закону потребительной стоимости.

Только на этой основе можно преодолеть затратный подход в оценке результатов производства и построить трудосберегающий хозяйственный механизм, отвечающий условиям повышения эффективности социалистического производства. В рамках общих условий движения стоимости результат не может быть больше затраченного на его производство общественно необходимого труда. Закон стоимости неизменно устанавливает, что из меньшего нельзя получить большее. В этой плоскости названное выше условие эффективности выполняется лишь в том случае, если при меньших затратах необходимого труда увеличивается стоимость прибавочной части продукта, но за счет такого же уменьшения стоимости его необходимой части. Меньшими затратами необходимого труда достигается больший результат в виде увеличения прибавочного труда, воплощенного в прибавочном продукте, но в пределах того, что суммарная стоимость продукта не может быть большей, чем общественно необходимые затраты труда на ее производство, т.е. действие закона стоимости не нарушается.

По-иному выглядит эффективность в рамках закона потребительной стоимости: здесь больший результат — увеличивающаяся масса сэкономленного в материальном производстве труда — достигается за счет уменьшения затрат живого и прошлого труда, что соответствует действию закона повышающейся производительности труда и составляет важный показатель эффективности производства.

Социалистическое хозяйство все больше нуждается в опоре на закон потребительной стоимости как на общий и самый простой принцип функционирования производства, направленного на создание потребительных стоимостей и непосредственное удовлетворение человеческих потребностей. Этот прогрессивный принцип, реализуясь в системе управления, нацеливает

каждое звено народного хозяйства на достижение высшей цели — наиболее полное удовлетворение потребностей общества. Всемерное наращивание результата при уменьшающихся затратах всех видов ресурсов является непреложным законом социалистического хозяйствования, основным критерием оценки деятельности объединений и предприятий, всех производственных ячеек.

В качестве достигаемого результата здесь выступает потребительная стоимость, ибо ею, а не стоимостью удовлетворяются реальные потребности. Затраты представлены в той же плоскости, т.е. с учетом экономии труда, ибо из сэкономленного труда стоимости получить нельзя, она возникает из примененного труда. Этим, конечно, не отрицается необходимость использования хозрасчетного принципа, его дальнейшего развития и повышения действенности в экономии затрат, но роль непреложного закона, основного критерия оценки хозяйственной деятельности отводится потребительностоимостному принципу, сформулированному с учетом требований основного экономического закона социализма. Этими требованиями потребительностоимостное отношение поднимается на более высокий уровень: трудовые затраты определяются не просто как необходимые для удовлетворения данных потребностей, но и указывается на их экономию, и тем самым они подпадают под действие законов, предполагающих более развитое состояние отношений потребительной стоимости. Речь идет о достижении «приращения» в развитии личности самих производителей вместо приращения стоимости, т.е. взамен получения прибавочной ее части.

Особенно остро нуждаются в переориентации на эффект в форме потребительной стоимости управление и организация научно-технического прогресса. Ныне уже много сказано о вреде, наносимом развитию науки и техники затратным механизмом хозяйствования. Научно-технический прогресс, призванный по своей природе экономить общественный труд, при затратном подходе оказывается фактором, снижающим экономические показатели хозяйственной деятельности. Широко известны примеры, когда новая техника и технология не получали широкого внедрения из-за того, что удешевляли продукцию, снижали валовые показатели. Выходом из этих условий может служить только перевод оценок эффективности научно-

технического прогресса на критерии, не имеющие затратного содержания, т.е. на критерии экономии труда в материальном производстве. Другими словами, для того, чтобы переломить негативную тенденцию тиражирования малопродуктивной, но дорогой техники, необходимо применение экономических условий и норм, реализующих закон потребительной стоимости.

Решающая роль науки и техники в современном производстве, социальные отношения, господствующие в нашем обществе, объективно предполагают расширение потребительностоймостных основ социалистического хозяйствования, развитие его конкретных форм и методов.

Поэтому в качестве главного действует такой критерий хозяйствования, который определяет распределение не пропорционально затратам, а по эффективности труда, выраженной в его результатах, непосредственно удовлетворяющих потребности. Такой критерий основывается на экономии общественного труда, социально выступающей в форме свободного времени общества. Именно эта намеченная еще классиками марксизма-ленинизма субстанция распределения (увязывающая в себе как затраты и результаты производства, так и основной его социальный аспект) позволяет наметить перспективы сочетания интересов конкретных работников, выступающих одновременно и производителями и потребителями. При этом результаты производства адекватно оцениваются через экономию труда, которая по своей сущности, выступая критерием распределения, позволяет избежать отрыва стоимостных (затратных) величин, денежной массы от натурального обеспечения, следствием которого являются негативные явления в экономике, стихийные перераспределительные процессы, резкая поляризация доходов и усиление социальной дифференциации и напряженности в обществе.

Распределение по эффективности труда, через призму сэкономленного рабочего времени происходит путем непосредственной «привязки» величины получаемого свободного времени работниками материального производства к результатам научно-технического прогресса (росту производительности труда, его экономии) на каждом рабочем месте (бригаде, участке, цехе, предприятии).

Научно обосновываемые нормативы экономии рабочего времени и увеличения свободного времени (например, как социальный заказ достижение к 2000 г. 30 — 35-часовой рабочей недели) должны стать основными ориентирами для определения главных пропорций расширенного воспроизводства. Это можно осуществить, если перейти к планированию конкретных объемов сэкономленного труда как по народному хозяйству в целом, так и по его составляющим — отраслям, объединениям, предприятиям. Достижение запланированных объемов сэкономленного труда обеспечивается конкретной натурально-вещественной номенклатурой продукции, потребительная стоимость которой заключается в сэкономленном труде.

Получаемые конечные валовые объемы сэкономленного труда должны возрастать и справедливо перераспределяться в целях увеличения свободного времени всех трудящихся. Такого рода валовые объемы (незатратные) и надо максимизировать. В этом состоят экономические нормативы планирования.

Совершенствование системы управления народным хозяйством на основе практического овладения законом потребительной стоимости призвано способствовать реализации стоящих исторических задач, решение которых будет зависеть от того, насколько эффективно мы сумеем использовать преимущества и возможности социалистического строя, его экономическую мощь и социальный потенциал.

3. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС - В ОСНОВУ ЭКОНОМИИ ЗАТРАТ И СНИЖЕНИЯ ЦЕН

Развитие социализма не может осуществляться как некий социальный «остаток», как простое следствие научно-технического прогресса. Само по себе развитие производительных сил, техники и науки автоматически не гарантирует развития социализма, преодоления несвойственных ему элементов и структур. Социализм для своего утверждения должен создать такую материально-техническую базу, которая позволила бы сократить весь труд (а не только его необходимую часть) настолько, чтобы каждый — при полном материальном благосостоянии — имел время для свободного развития своих способностей и потребностей. На этом пути перед нашим обществом возникли серьезные препятствия. На базе затратных — товарных —

механизмов, особенно в современном их виде, продвигаться дальше вперед в техническом отношении становится все труднее.

Конечно, можно возлагать надежды на то, что при помощи товарных механизмов сначала будет достигнут соответствующий уровень производительных сил, а затем начнется подготовка предпосылок для перехода к действительному социализму, где человек будет не средством, а целью производства. Вопрос в другом — дадут ли такую возможность товарные окормы и не легче ли эти предпосылки подготовить на иной основе — потребительностоимостной? Откладывая эту акцию на неопределенный срок, позволяя применять к народу шоковую терапию, можно и опоздать, не дожидаясь желаемого уровня развития производительных сил, особенно при прогрессирующем истощении природных ресурсов.

В условиях, когда мы не можем рассчитывать на увеличение затрат живого труда и на рост стоимости общественного продукта и соответственно рано или поздно будем вынуждены отказаться от показателей прироста продукции в единицах валовой стоимости, научно-технический прогресс и интенсификация развития производства в рамках товарных форм могут реализоваться лишь в росте стоимости прибавочной части продукта за счет соответствующего уменьшения стоимости его необходимой части. Из-за того, что названное уменьшение имеет предел и уже оборачивается ухудшением условий воспроизводства главной производительной силы общества, неизбежно тормозится движение хозяйства по интенсивному пути развития и замедляется внедрение в производство результатов научно-технического прогресса. Подобное противоречие, вернее, потребность в его разрешении ныне делает переход к новой, потребительностоимостной форме реализации научно-технического прогресса настоятельной необходимостью.

Научно-технический прогресс служит обществу тем, что экономит человеческий производительный труд, замещая его работой техники и применением сберегающих труд технологий, ведет к снижению затрат на производство продукции. Экономия же труда в материальном производстве может быть использована двояко: а) для получения большей прибавочной стоимости или прибыли за счет экономии необходимого живого труда рабочего и прошлого труда, воплощенного в средствах производства; б) для

получения более высокой и большей массы потребительной стоимости посредством экономии всего труда. На какой из этих двух результатов должны рассчитывать люди, решившие развивать социализм?

С точки зрения тех, кто базируется на стоимости, экономическим эффектом научно-технического прогресса может выступать лишь увеличение прибавочной стоимости за счет такого же уменьшения стоимости необходимого продукта: здесь меньшими затратами необходимого труда создается возможность увеличить затраты на производство прибавочной стоимости. Но в общей стоимости продукта общественно необходимые затраты труда и стоимость продукта соответствуют друг другу, т.е. закон стоимости предполагает, что из меньших затрат всего общественного труда нельзя получить большего стоимостного результата. Большею может быть лишь прибавочная часть стоимости продукта по отношению к необходимой ее части, т.е. к затратам необходимого, а не всего общественного труда. Соответственно критерием этой формы экономической эффективности научно-технического прогресса служит рост нормы прибавочной стоимости и массы прибыли.

Прибавочная стоимость в качестве экономического эффекта научно-технического прогресса реализуется в социальной сфере прежде всего в форме фонда благосостояния и развития, потребляемого работниками непродуцственной сферы и незанятым населением. Если иметь в виду работников непродуцственных отраслей, то в 1985 г. их насчитывалось в стране 36 млн человек, в то время как в материальном производстве было занято 94,2 млн человек⁹. В двенадцатой пятилетке почти весь прирост трудовых ресурсов в количестве 3,2 млн человек предполагалось направить в непродуцственные отрасли, занятость в которых должна была возрасти до 39,2 млн человек, т.е. в скором времени должна приблизиться к половине занятых в отраслях материального производства и к одной трети всех участвующих в народном хозяйстве работников. В 1989 г. в материальном производстве было занято 91,1 млн человек, в непродуцственной сфере — 36,4 млн¹⁰.

Очевидно, что для обеспечения благосостояния и условий развития этой последней, все возрастающей части работников нужны все увеличивающиеся масштабы прибавочной стоимости. Значительная часть занятых в непродуцственной сфере имеет условия для более высокого благосостояния и

всестороннего развития, чем рабочие и крестьяне. Достаточно сказать, что из 36,4 млн работников непромышленной сферы более 4 млн заняты в сфере науки и научного обслуживания, более 10 млн — в сфере народного образования, около 2 млн — в области культуры и искусства, более 3 млн — в аппарате государственного и хозяйственного управления, кооперативных органах и общественных организациях, а всего в сфере экономического управления занято свыше 15 млн человек.

Для многих из этой части населения полнота благосостояния и высота развития не столь уже отдаленная задача, как иногда представляется в литературе. Они уже сегодня имеют достаточно материальных и духовных (культурных) благ, чтобы им можно было говорить о реализации цели социалистического производства. Другое дело — развитие и благосостояние непосредственных производителей. Для них эта задача все более отодвигается, а при осуществлении нынешнего курса и вообще ставится под вопрос.

Социальный эффект от реализации стоимости прибавочного продукта практически ограничен, что не может не сказываться на научно-техническом прогрессе. Нижним пределом этого эффекта являются границы рабочего времени, затрачиваемого на производство продукта, необходимого для содержания самого производителя. Верхнюю границу составляет продолжительность всего рабочего дня, которая под влиянием развития науки и техники неизбежно должна сокращаться. В целом же научно-технический прогресс ведет к уменьшению затрат общественного труда в материальном производстве и, следовательно, к сокращению вновь создаваемой стоимости, денежного «вала». Если, например, затраты общественного труда в материальном производстве в двенадцатой пятилетке не возросли, то не увеличилась и вновь создаваемая стоимость. Таким образом, вновь создаваемое стоимостное богатство не возрастает, а может даже при лучшем использовании научно-технического прогресса сократиться.

Ясно, что сокращающееся общественное рабочее время не должно приводить к такому же сокращению потребления трудящихся, хотя при стоимостных оценках мерилем потребления выступает рабочее время, а его сокращение должно было бы сопровождаться падением потребления. Проблема здесь в том, чтобы рабочее время освободить от старой функции

мерила действительного богатства. Начинает реализовываться предсказанная К. Марксом ситуация, при которой по мере развития крупной промышленности соиздание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от мощности приводимых в движение средств производства, эффективность которых уже зависит от общего уровня науки и от ее применения к производству¹¹. В то же время налицо явное противоречие. С одной стороны, научно-технический прогресс приводит к сокращению всего рабочего времени, а с другой — хозяйственный механизм, базирующийся на затратном принципе, это сокращающееся время делает мерой потребления. В этих условиях приходится сокращать рабочее время в форме необходимого и увеличивать в форме прибавочного, что одновременно сужает рамки технологического применения науки.

Научно-технический прогресс в производстве более всего сдерживает то обстоятельство, что динамика цен на новую технику, закладываемые в процедуры оценки ее эффективности серьезно отклоняются от динамики производительности техники, которая обычно не учитывается в методиках. Такого рода отклонения вполне объяснимы, ибо содействие, оказываемое техникой рабочему, зависит не от ее цены, а от ее потребительной стоимости, ее производительности как машины¹².

Принимая во внимание цель социалистического производства — свободное развитие всех членов общества, оценки экономической эффективности техники нужно базировать на критериях ее потребительной стоимости. Как стоимость техника ничего не создает. Если же к ней подходить как к потребительной стоимости, то для оценки эффекта применения техники может служить соизмерение единицы выполняемой техникой полезной работы с затратами на ее разработку и производство. В таком случае более дешевые по сравнению с величиной своей полезной работы машины и будут более эффективными. И надо стремиться к тому, чтобы величина указанной разности была оптимальной с точки зрения целей социалистического общества и достигнутых мировых уровней.

Сегодня при оценке полезности работы техники ее потребительная стоимость нередко берется в натурально-технологической форме (скорость,

сила, твердость и т.д.), т.е. остается вне поля зрения экономическая определенность ее потребительной стоимости. Это обстоятельство во многих случаях затрудняет собственно экономическую оценку научно-технических достижений, определение прогрессивности новой техники, ее вклада в экономическую эффективность материального производства.

Поскольку техника создается для экономии общественного труда, экономическим определением потребительского эффекта научно-технического прогресса является количество высвобождаемого живого труда. Его соизмерение с затратами труда на разработку и производство того или иного технического средства даст его экономическую эффективность, рассчитанную в плане потребительной стоимости. Одновременно эффект получает одинаковую с затратами основу — труд тем самым освобождается от чисто технологических характеристик. В свою очередь затраты научно-технического труда здесь рассматриваются не просто и не только как часть совокупных затрат, реализованных в продукте материального производства, а выявляют себя в росте производительной силы труда. Возникает, следовательно, особое отношение между затратами и результатами, когда под последними имеется в виду не масса произведенных потребительных стоимостей, а повышение силы производящего их труда. Это соотношение опять-таки не совсем обычное для привычных соизмерений. Вместе с тем оно может служить основанием для оценки экономической эффективности техники и построения соответствующих звеньев хозяйственного механизма, связанных с повышением этой эффективности.

Можно ли измерить и тем более соизмерить потребительную стоимость средств производства и вообще разных факторов производства? Известно, с какими трудностями встречаются экономисты, когда пытаются соизмерить потребительные стоимости различных продуктов, предназначенных для индивидуального (личного) потребления. Поиски единиц или критериев полезности в виде предельных или иных величин каждый раз заканчиваются неудачей, если они направлены на непосредственное измерение и соизмерение потребительных стоимостей с их качественной стороны, т.е. без их предварительного сведения к единому основанию, т.е. к тому, что делает их качественно однородными в данном отношении.

Что роднит, например, сверлильный станок и печь, в которой выпекают хлеб? Ясно, что на изготовление и того, и другого продукта затрачено определенное количество человеческого труда. И если их сравнивать по этим затратам, это будет сопоставление их как стоимостей. Но ведь они созданы для того, чтобы с их помощью производить соответственно сверла и выпекать хлебобулочные изделия. При их употреблении как средств производства важным становится учет того труда, который сэкономлен благодаря их применению. Если этого труда на то же количество продукции (сверл, хлебобулочных изделий) стало затрачиваться теперь меньше, чем при работе на старом станке или печи, то, следовательно, их потребительная стоимость (т.е. эффект от их употребления в процессе производства новых продуктов) выше, чем у прежних, которым они пришли на смену. Это значит, что они выполняют свою главную роль — усиливают производительную силу работника, сокращая время, которое он отводит работе, и увеличивая его свободное время. В этом предназначение техники. «Замещение ею человеческого труда, — писал К. Маркс, — и есть ее потребительная стоимость»¹³.

Замена или высвобождение человеческого труда, взятого в качестве создателя продукта (в качестве живого труда), образуют, следовательно, ту единую основу, по которой могут быть соизмерены различные технические средства со стороны их потребительной стоимости, которые делаются по той причине количественно сравнимыми. В этом случае мы остаемся в рамках отношений потребительной стоимости, не обращая к стоимости техники, поскольку через нее потребительную стоимость техники нельзя выразить. «Потребительная стоимость машины... — отмечал К. Маркс, — не определяет ее стоимости, последняя определяется трудом, необходимым для ее собственного производства»¹⁴.

Для того чтобы высвобожденный человеческий труд стал измерителем производительности машины в сравнении с другими машинами, он должен быть сопоставлен с трудом, затраченным на разработку и производство этой машины. Если прошлого труда, реализованного в машине, больше, чем она замещает живого труда, то она в качестве потребительной стоимости теряет свое назначение: живой труд по своей дееспособности будет более

эффективным, чем предназначенная для его замены техника. Следовательно, соизмерение производительности различных машин осуществляется не общим количеством высвобождаемого труда, а тем его количеством, которое остается после вычитания из него прошлого труда, затраченного на производство машины, т.е. относительным количеством высвобождаемого труда^{*}. Чем больше разница между высвобождаемым машиной живым трудом и прошлым трудом, израсходованным на ее производство, тем выше потребительная стоимость машины, ее производительность и, следовательно, эффективность.

Для оценки сравнительной эффективности новой и старой техники в плане их потребительной стоимости высвобождаемое количество труда необходимо сопоставить с трудом, затрачиваемым на создание этих технических (технологических) новшеств, т.е. необходимо получить относительные величины. Более эффективным будет то средство производства, которое высвобождает большее относительное количество живого труда, т.е. дает наибольшую разницу между высвобождаемым и затрачиваемым прошлым трудом.

Проведенные на моделях землеройной техники экономические расчеты ее эффективности на основе потребительной стоимости показали, что, к сожалению, зачастую производится и тиражируется техника, на создание которой пошло больше труда, чем она его высвобождает при своем потреблении.

Например, при эксплуатации модели экскаватора ЭТЦ-208А вроде бы перерабатывается больше грунта и растет техническая производительность, но при этом требуется и большее количество труда при машине, причем в расчете на единицу работы

^{*} В этом случае эффективность (\mathcal{E}) можно выразить следующим образом: $\mathcal{E} = T - Z$, где T — высвобождаемое новой техникой количество живого труда при производстве данного объема продукции в единицу времени; Z — затраты труда на разработку и производство данной техники.

оно даже больше, чем у предыдущей (замененной) модели ЭТЦ-205С. В результате при эксплуатации одной такой «новой» машины за год затрачивалось на 759,8 чел-часа труда больше, чем у предшествующей. За срок службы расход составил 4559,5 чел-часа. С учетом всех затрат получается, что применение одной такой машины за срок службы (6 лет) приносит убыток 171 383,5 руб. Убыток же от всего тиража выпуска данной модели в количестве 575 единиц составляет по народному хозяйству 985 465 тыс. руб. Вот каков подлинный эффект такой новой техники.

Другие из рассмотренных моделей землеройной техники на первый взгляд кажутся прогрессивными. Все они высвобождают при своей эксплуатации больше труда, чем их предшественники, т.е. удельная трудоемкость единицы продукции или работы снижается. Но если сравнить объем указанного высвобождения с величиной затрат на создание и применение техники, то становится очевидным, что многие экскаваторы экономически не только не прогрессивны, но и в целом приносят убыток. Дело здесь заключается в том, что затраты на технику с лихвой «съедают» получаемое с ее помощью высвобождение живого труда и никакой экономии не происходит, т.е. повышение производительности, экономия труда в одном месте покрываются перерасходом труда в другом¹⁵.

Количество высвобождаемого труда определяется путем сопоставления количества труда (работников), необходимого для производства заданного объема. Когда речь идет о труде, затрачиваемом без применения данной машины, то имеются в виду или его затраты при использовании старой, заменяемой машины, или затраты ручного труда (нормативы, стандарты затрат ручного труда на производство заданного объема продукции).

Чтобы сопоставить высвобождаемый машиной живой труд с трудом, затраченным на ее производство, необходимо этот прошлый труд измерять в тех же естественных единицах его меры — в единицах рабочего времени (час, неделя, год), которые одинаковы как для живого, так и для прошлого труда и тем самым создают возможность для их соизмерения. Прошлый труд, воплощенный в машине, в этом случае выступает как трудоемкость ее производства. С этой точки зрения исчисление трудоемкости средств производства является обязательным условием определения их

производительности (потребительной стоимости). И наоборот, отсутствие этого показателя учета затрат труда серьезно затрудняет функционирование хозяйственного механизма, основанного на отношениях потребительной стоимости. Поэтому приходится обращаться к «услугам» стоимости и сопоставлять стоимость техники с количеством высвобожденного ею живого труда, т.е. с потребительной стоимостью. Чем больше цена техники будет отражать действительные затраты на ее разработку и производство, тем точнее будет выражена ее экономическая эффективность.

В какой мере экономические результаты приводят к соответствующему природе социализма социальному эффекту, превращаются в растущее благосостояние и условия всестороннего развития самих трудящихся, зависит от определенности самого экономического результата.

Социализм должен подчинить научно-технический прогресс постоянному сокращению всего рабочего времени (а не только его необходимой части) и увеличению свободного времени за счет сэкономленного рабочего времени. Норма свободного времени здесь должна заменить норму прибавочного времени. Если посмотреть с этой стороны на социальные результаты научно-технического прогресса, то за годы Советской власти средняя продолжительность рабочей недели уменьшилась почти на 18 часов — с 58,5 до 40,7 часа. В этом смысле норма свободного времени существенно повысилась. Однако в последние 20 — 25 лет научно-технический прогресс в промышленности практически не привел к увеличению свободного времени непосредственных производителей. Их рабочее время в целом не сокращается, соотношение их свободного и рабочего времени не меняется в сторону увеличения первого. Если же принять во внимание недостатки торгового, бытового, транспортного, коммунального, культурного обслуживания, то вычеты из свободного времени снижают его размеры, оно не выполняет в полной мере своего предназначения как времени для развития трудящихся.

Конечно, это не значит, что за указанный период свободное время всего общества не возросло. Сохраняя продолжительность рабочего времени, общество превратило значительный объем сэкономленного благодаря научно-техническому прогрессу рабочего времени в свободное от материального

производства время. Однако оно стало временем деятельности дополнительной части работников непроизводственной сферы и не занятого в народном хозяйстве населения. Так, в 1985 г. не занятая в народном хозяйстве часть населения по сравнению с 1970 г. вместе с общим ростом населения возросла на 11,2 млн чел., а численность занятых в непроизводственной сфере увеличилась на 10,7 млн чел. Для того чтобы освободить это количество людей от участия в материальном производстве, было необходимо вовлечь дополнительно в материальное производство примерно 12 млн работников, имея в виду, что на каждого занятого в материальном производстве приходится два не занятых в нем человека¹⁶.

И все же в этом случае рост свободного времени за счет технического прогресса не сопровождается экономией рабочего времени каждого работника материального производства, хотя в целом удельный вес рабочего времени всего общества снижается. Если в 1970 г. удельный вес занятых в материальном производстве в общей численности работников народного хозяйства составлял 77,1%, то в 1985г. он снизился до 73,1%, а в 1989г. - до 72,4%. Соответственно удельный вес занятых в непроизводственных отраслях к 1985 г. увеличился с 22,9 до 26,9%. В 1985 г. в непроизводственной сфере работало 36,4 млн чел., а в материальном производстве — 91,1 млн чел. В целом же 1/3 населения страны (в 1989 г, население составило 288,6 млн чел.) занята в материальном производстве, а 2/3 — относится к его непроизводительной части¹⁷.

Создается принципиально новая ситуация - открывается возможность превращать экономию рабочего времени не только в свободное время всего общества, но и в свободное время непосредственных производителей. Предположим, писал К. Маркс, что производительность труда повысилась настолько, что если ранее в материальном производстве непосредственно было занято 2/3 населения, то теперь участвует всего 1/3. Раньше 2/3 населения доставляли жизненные средства для всего населения, а теперь это делает лишь 1/3 населения. Прежде «чистый доход» (в отличие от дохода производительного работника) составлял 1/3, а теперь 2/3. Теперь нация, если отвлекаясь от противоположности классов, должна была бы употреблять на непосредственное производство 1/3 своего времени вместо прежних 2/3. При

равномерном распределении рабочего времени все имели бы больше времени (2/3) для непроизводительного труда и досуга¹⁸.

На такого рода социальные результаты научно-технического прогресса неоднократно указывал В.И. Ленин. Крупное производство, писал он, дает тысячи возможностей сократить вчетверо время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния¹⁹. Социалистическое государство, по его мнению, позволит — благодаря росту производительности труда — сократить рабочий день до 7 — 6 часов в сутки и еще меньше²⁰. Так создается возможность перевода показателя экономического эффекта (экономия рабочего времени) в показатель социального эффекта (увеличение свободного времени). Они оказываются связанными таким образом, что сокращение одного приводит к такому же увеличению другого.

Чтобы реализовать экономию рабочего времени в социальной сфере, надо осуществить соответствующее приращение свободного времени непосредственных производителей, т.е. в соответствующих пропорциях уменьшить их рабочее время. Если, например, весь прирост трудовых ресурсов в двенадцатой пятилетке в количестве 3,2 млн человек направить в производственную сферу, то за счет увеличения численности работников можно сократить недельный фонд рабочего времени каждого работника материального производства с 40,7 до 39,4 ч. Это и было бы социальным эффектом, выраженным в категориях всестороннего развития личности, т.е. были бы созданы дополнительные условия для развития рабочего, имея в виду, что он своим затраченным трудом более высокой производительности обеспечивает полученное дополнительное свободное время соответствующей материальной базой, необходимой для развития социальной сферы.

Если же видеть рост социально-экономической эффективности научно-технического прогресса, как предлагают некоторые экономисты, в повышении нормы прибавочного продукта и соответственно в растущей массе прибыли, то вряд ли такая эффективность будет устраивать трудящихся и повышать их трудовую активность. Те, кто ратует за повышение их трудовой активности только на основе механизмов увеличения массы прибыли и ее перераспределения по собственным законам и при этом пытается реализовать принципы социальной справедливости, по-видимому, забывают, что сама по

себе работа во имя создания большей массы прибыли ведет к социальной несправедливости, поскольку прибыль в конечном счете образуется за счет сокращения доли необходимого труда и увеличения доли прибавочного труда в структуре рабочего времени, т.е. при такой целевой ориентации указанный экономический эффект достигается за счет трудящихся.

На этом приходится заострить внимание, потому что в поисках стимулирующих трудовую деятельность факторов нередко обращаются главным образом только к законам и явлениям товарного производства — хозяйственному расчету, прибыли, премиям, ценам и т.п. Вне этих механизмов некоторые авторы и не мыслят экономического стимулирования и повышения материальной заинтересованности наших людей. В действительности же дело обстоит наоборот: товарные механизмы гасят социалистическую трудовую активность и рождают равнодушие, недисциплинированность в труде и частнохозяйственную активность за пределами общественного производства.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к вытекающему из товарно-стоимостных механизмов стремлению сделать прибыль целью предприятий. Этими механизмами предприятию навязывается особая социально-экономическая позиция, отличная от интересов рабочих: предприятию чего-то стоят лишь оплачиваемые издержки производства (стоимость израсходованных материальных средств и заработная плата), но ничего не стоят прибыль и находящийся за ней прибавочный труд рабочих (они числятся в доходах предприятия, но не входят в издержки производства данной продукции). Рабочим же их прибавочный труд стоит таких же затрат труда, как и при производстве необходимого продукта. Но их заработная плата в отличие от дохода предприятия составляет лишь одну из статей издержек производства. Получается так: то, что стоит рабочему затрат прибавочного труда, предприятию ничего не стоит.

В этих условиях борьба за экономию превращается в борьбу за экономию издержек производства во имя прибыли, т.е. за увеличение стоимости прибавочной части продукта за счет уменьшения необходимой его части. Вроде бы экономится столько-то рублей, а имеется в виду получение дополнительной прибыли, которая возникает не из сэкономленного, а из

примененного труда. Для рабочих такая экономия — это экономия на их зарплате. Стимулировать рост производительности труда, экономию труда и, естественно, трудовую активность в данном случае очень трудно.

Затратные механизмы отодвигают на задний план борьбу за действительную экономию — экономию затрат всего живого труда, в том числе труда, расходуемого на производство прибавочной части продукта, поскольку труд и его затраты не имеют стоимости. Направленность затратных механизмов не на экономию всего труда и применяемых производительных сил, а лишь на экономию издержек производства, в том числе оплаты труда, не позволяет должным образом стимулировать экономию живого труда и заставляет делать акцент на экономию прошлого труда. Это снижает эффективность социалистического производства. Хозяйственный механизм, основанный на затратном подходе, весьма существенно ограничивает стимулирующие функции целей социалистического производства. Это вполне объяснимо, ибо затратные методы оценки деятельности предприятий ограничивают возможности людей направлять производство на удовлетворение и развитие их потребностей и тем самым подчинять его своему контролю, развертыванию своей свободы в этом отношении.

Освобождение научно-технического прогресса от преград, возводимых стоимостью (и особенно прибавочной стоимостью) продукта, устранил существующие противоречия в экономическом механизме взаимодействия науки и производства, снимет возникшие преграды на пути технического прогресса. В этом случае отпадет необходимость в постоянном повышении цен на новую технику во имя увеличения прибавочного и сокращения необходимого труда, преодолевается отрицательное отношение непосредственных производителей к техническому прогрессу, изобретательству и рационализаторству: техника оказывает содействие рабочему или крестьянину в их труде не своей стоимостью и ценой, а своей потребительной стоимостью, производительностью.

Применение техники перестанет определяться количеством затраченного на ее производство рабочего времени, а будет обуславливаться количеством замещаемого ею рабочего времени. Ее экономическая и социальная эффективность тоже будет измеряться не затратами (в частности,

приведенными) на ее производство и создание, а сэкономленным, высвобожденным ею трудом.

Научно-технический прогресс, экономя труд, проявляется в том, что все большая масса потребительных стоимостей производится за то же или меньшее общественное рабочее время. Растет производительность труда, и соответственно затраты его на единицу продукции имеют тенденцию к сокращению. Это закон не только социалистического производства, а общесоциологический закон, действующий во всех общественных формациях и выражающий развитие производительных сил. И если цены отражают, а не искажают движение затрат труда их динамику, то они также должны иметь тенденцию к понижению. Снижение цен — не просто требование трудящихся масс, а такое требование, которое объективно обусловлено и обосновано самим ходом и результатами научно-технического прогресса. Другое дело, что осуществить понижение цен невозможно, пока все предприятия ориентированы на рост затрат, прибыли, пока не будет изменена ориентация хозрасчета. Такие изменения и предусматривает система эффективных мер по оздоровлению экономики, рассматриваемая в последней главе.

4. УТВЕРЖДАТЬ СОБСТВЕННОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ, ПРЕОДОЛЕВАТЬ НАЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ТРУДА

Известно, что новое общество в том виде, в каком оно выходит из капитализма, не тождественно тому, которое развилось на собственной основе. Под собственной основой имеется в виду прежде всего общая собственность, определяющая движение по собственным социально-экономическим законам.

Здесь важно уяснить, что «собственная основа» вовсе не адекватно отражает реально существующую, в частности экономическую, основу нашего общества. Вряд ли можно включить в «собственную основу» унаследованные от старого строя элементы. Раньше к «родимым пятнам» капитализма было принято относиться довольно легковесно: вроде бы они потеряли свое значение, и поэтому о них не стоит и говорить. Сегодня же такое легкомыслие опасно — положение резко изменилось. За «родимыми пятнами» стоят и теневой капитал, и захватывающая власть криминальная буржуазия.

Столкнувшись напрямую с конкретными вопиющими фактами несовпадения между действительностью и ее идеальными вариантами, многие сегодня видят путь дальнейшего движения не в последовательном углублении процесса реального обобществления труда и производства, развитию разнообразных форм общественной собственности, т.е. не в движении вперед, а в отказе от уже достигнутого уровня обобществления; будто бы, постоянно пятясь назад, мы сумеем победить, не говоря уже о прямых призывах идти к капитализму. С этой точки зрения пытаются убеждать, что на собственной основе — на базе общественной собственности — социализм дальше развиваться не может, будто бы необходимы две основы, новая и старая, их устойчивое равновесие. И тогда, когда речь заходит о социалистических и несоциалистических формах, на первый план ставится единство противостоящих сторон, а не их борьба, в процессе которой происходит отрицание одной стороны другой, старого — новым.

В свидетели призывают даже В.И. Ленина: будто бы он в последние годы жизни представлял социализм вовсе не как строй победившего социалистического уклада, а как некое многоукладное образование, характерное на самом деле только для периода нэпа; будто бы контуры именно рыночного социализма вырисовывались из его последних работ, и этот социализм, составленный из «несвойственных» ему форм, якобы был его политическим завещанием.

В результате подобной фальсификации истории и идей В.И. Ленина социалистическая революция и практика строительства социализма лишаются смысла и исторического оправдания, а борьба рабочего класса и трудового крестьянства России за социализм в ходе революции и послереволюционные годы предстает борьбой не за социализм, а за установление военного коммунизма, нэпа, командно-административной системы. С этой точки зрения вторая программа партии, разработанная В.И. Лениным и принятая на VIII съезде, выглядит не программой строительства и совершенствования социализма, генеральным планом решения задач, выдвинутых трудящимися массами, а ошибочной моделью социализма.

В действительности многие экономические формы, введенные в годы нэпа, В.И. Ленин никогда не считал социалистическими. Наоборот, он

неоднократно называл их капиталистическими, допускаемыми только в условиях, когда политическая власть, включая печать, и командные высоты экономики находятся в руках рабочих и крестьян, и используемыми в конечном счете в интересах социализма. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что это вынужденное, временное отступление, возврат к определенным экономическим формам, что оно непременно кончится и Россия неповская будет переходить к России социалистической.

Сегодня можно считать своего рода обществуведческой аксиомой тот факт, что без общественной собственности, планомерности социализм не может превратиться в целостную социально-экономическую систему. Однако суть проблемы в том, что и у общественных, коллективных собственников, а не только у единоличников, фермеров отношения собственности до сих пор реализуются посредством товарно-денежных форм, противоречащих ориентации на производство и воспроизводство духовно развитого и материально обеспеченного человека. Стало быть, речь должна идти о том, чтобы человек, забота о нем, а отнюдь не прибыль и стоимость стали исходным и конечным пунктом экономической жизни и соответствующего хозяйственного механизма, чтобы адекватным образом были сориентированы и государственные институты управления. Подчинение всех остальных социально-экономических форм задаче свободного развития всех членов общества приведет систему социализма к состоянию целостности, явится главным гарантом выхода из кризиса.

Но сам процесс подчинения требует осуществления многих коренных и весьма непростых преобразований как в социально-экономической практике, так и в теории. В теоретическом плане речь идет прежде всего о понимании сущности социалистического производства, которое необходимо рассматривать не только как производство продуктов, вещей, хотя и взятых в их непосредственно общественной форме, но и как производство и воспроизводство отношений по воспроизводству самого человека. Сегодня среди большинства обществоведов утвердилось более или менее единое мнение относительно того, что целью социалистического производства, основанного на общественной собственности, является развитие человека и соответствующее удовлетворение его потребностей. Отсюда, естественно,

вытекает и необходимость признать эту же цель и результатом производства. Результат не может быть ничем иным, кроме как его реализованной целью.

Что же касается сторонников ориентации производства на рынок, то они вообще снимают вопрос о приоритете общественной собственности, настаивают на плюрализме форм собственности. На поверку, однако, оказывается, что это лишь уловка. Приоритет в итоге отдается частной собственности. Она, как полагает, например, Г.Х. Попов, не дополнение, не довесок к другим формам, а нечто первичное по отношению ко всем другим формам собственности²¹. Он прав здесь лишь в том, что ассоциированные, а также государственные формы капиталистической частной собственности нельзя объявлять социалистическими элементами. А ведь немало таких теоретиков, кто объявляет их чуть ли не основным средством осуществления социалистического курса, предпосылкой и условием очередного обновления социализма.

Надежды на лучшее будущее нельзя связывать только с развитием производительных сил, которые якобы сами по себе могут вывести из кризиса. Наоборот, их развитие изначально должно быть подчинено воспроизводству материально обеспеченного и развитого трудящегося человека.

Другая крайность заключается в том, что в производительных силах, рассматриваемых отдельно от производственных отношений, усматривается главная причина наших сегодняшних бед. Вроде бы попытка строить социализм была преждевременной, не соответствующей уровню развития производства. Поэтому надо вернуться назад, привести общество в соответствие с имеющимися производительными силами. Но это очень опасное заблуждение.

Полагаем, что задача состоит в том, чтобы посредством развития социалистических производственных отношений естественной целью каждого звена производства сделать удовлетворение разумных человеческих потребностей и соответствующее развитие самих людей. Именно это обстоятельство должно определить и продолжительность труда, и весь технический строй процесса производства.

Конечно, общественная собственность как основа социализма во многом оказалась деформированной, в том числе под воздействием товарно-денежных механизмов. Трудящимся на деле не удалось реализовать себя в качестве верховного и безраздельного собственника всего общественного богатства. Государство, присвоив эту функцию себе и мало-помалу отрываясь от трудящихся, способствовало ее бюрократизации. Ныне в принимаемых законах о собственности тоже «забывают» сказать о народе как о верховном собственнике.

Причина же заключается в том, что товарно-стоимостные механизмы неизбежно опосредуют отношения общественной собственности, препятствуют ее проявлению как непосредственно общественной собственности каждого, отрывают ее как достояние всего общества (как в государственной, так и в коллективных формах) от непосредственных производителей. Преодолеть эту опосредованность общественной собственности, превратить ее в непосредственно общественную собственность нельзя, если она одновременно не станет достоянием и каждого трудящегося. Именно это имел в виду К. Маркс, когда писал, что после ликвидации капиталистической частной собственности устанавливается «индивидуальная собственность... на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»²². В этой связи встает неординарный вопрос: имеются ли объективные предпосылки для реализации общественной собственности в форме непосредственно общественной собственности?

Общественная собственность на значительную часть предметов индивидуального (личного) потребления уже ныне выступает как объект непосредственного присвоения каждым членом общества. Имеются в виду те приобретаемые за счет общественных фондов потребления блага, которые реализуются каждым человеком как его индивидуальная собственность: среднее образование для всего населения и высшее — для его значительной части; услуги участковых врачей для всех и высококвалифицированных специалистов — для большинства и т.д.

В сфере общественной собственности первоочередным, как думается, будет совершенствование отношений, выполняющих функцию передачи и

превращения принадлежащих обществу жизненных благ в непосредственное достояние каждого работника. Это и дальнейшее обобществление потребления новых видов продуктов и услуг, производимых в общественном секторе или принадлежащих производственным коллективам (санатории и дома отдыха, ясли и детские сады, медицинское и коммунальное обслуживание и т.п.); и все большее превращение торговой сети в передаточный канал производимых продуктов в сферу потребления; и более основательный перевод планирования с методов регулирования стоимостных пропорций на пути планового установления пропорций между объемами разумных потребностей и трудовых затрат на их удовлетворение и т.д.

Исходя из требований практики, нельзя реализацию принципа «непосредственно общественного» труда, продукта, отношений видеть лишь в подчинении индивидуального общему, не замечать необходимости обратного — налаживания механизмов передачи в сферу потребления индивида, максимального приближения общего начала к интересам коллектива и работника посредством соответствующих изменений в экономическом механизме, особенно на уровне предприятий. Основной путь эволюции социализма лежит через реализацию общественной собственности как собственности каждого, т.е. чтобы человек в своей повседневной жизни, в своих индивидуальных отношениях воспринимал себя как носителя общественных сил труда, отношений общественной собственности и обобществляющегося человечества, а не отделял себя от них, не делал из них особого существа. Это требует всемерного подчинения развития производственных отношений цели создания условий для благосостояния и всестороннего развития каждого человека. Именно для того, чтобы объективные условия труда реализовывались как условия развития и благосостояния человека, они должны быть непосредственно собственностью работника. И в то же время только реализация общественной собственности как непосредственно общественной подчиняет производство воспроизводству развитой личности.

Индивидуальная собственность, о которой идет речь, — это неподеленная общественная собственность, превращенная в частную. Общее

остается, но оно существует в единичном, через индивидуальную собственность непосредственно.

Конечно, представленное в ныне существующей общественной собственности общее начало — это не просто сумма отношений каждого члена общества как собственника, оно не просто «разлито» по всем работникам, а имеет и особое существование, отличное от отношений отдельных лиц к объекту общенародной собственности. Причем это общее начало не висит в воздухе, оно не равно, например, ничейной, несуществующей собственности вообще, а представлено реальным государством, его аппаратом, людьми, составляющими этот аппарат и «присутствующими» в качестве его представителя во всех звеньях общественной жизни, в том числе в трудовом коллективе (в форме административно-хозяйственного аппарата). Оно имеет и особую экономическую основу, отличную от экономической основы жизни отдельного индивида. На предприятии, например, в качестве таковой выступает прибавочный продукт. Его стоимость не включается в издержки производства (себестоимость) продукции, в то время как для рабочего такой основой является необходимый продукт, стоимость которого входит в издержки производства и составляет одну из статей себестоимости. Поэтому отношения между обществом и личностью, между обществом и трудовым коллективом составляют особые формы производственных отношений между представителями различных социальных групп, а не просто абстрактные отношения всех между собой, или обычные отношения части и целого.

Главное в этой области — это внедрение в производственные коллективы таких форм хозяйствования, с помощью которых реализовалось бы то непосредственно общее, что представлено во всенародности социалистической собственности, т.е., говоря языком политэкономов, реализовались бы непосредственно общественные отношения как непосредственно общественная собственность. Если, например, на уровне общества заработная плата рабочего составляет часть национального дохода, то и в рамках предприятия она должна существовать как часть его дохода, за реализацию которого коллектив и общество должны отвечать не меньше, чем за производительное потребление способностей рабочих. Что касается той ча-

сти дохода рабочего, которая поступает ему из фондов коллективного потребления предприятия, то она должна использоваться по образцу общественных фондов, бесплатно.

Сегодня стало очевидным, что положение человека в обществе, возможности его развития во многом определяются его отношением к собственности на условия и результаты труда. Интересы трудящихся все более концентрируются вокруг одного главного требования — стать собственником, владельцем, распределителем создаваемой ими продукции на предприятии, в совхозе, колхозе, кооперативе и т.п. и на этой основе добиться улучшения жизни. Как реализовать это справедливое требование и какие экономические условия для этого нужны? Можно ли его реализовать на основе современного распределения по труду?

Распределение предметов индивидуального потребления по труду происходило и происходит на базе старого принципа — на основе личной (частной) собственности рабочего на свою рабочую силу, сдаваемую в наем. Рабочая сила осталась на положении товара, а труд — наемного труда. В результате собственность на рабочую силу как на товар и частнотоварный способ распределения предметов индивидуального потребления вошли в непримиримое противоречие с общественной собственностью на материальные средства производства: непосредственные производители все более отчуждались от общественной собственности, становились безразличными к ней и враждебными к ее реальным распределителям — государственному управленческому аппарату. Все это поставило под вопрос существование самой общественной собственности на средства производства.

Ограничение собственности рабочего его собственностью на свою рабочую силу и его отчуждение от средств производства происходят из того, что рабочая сила в своем функционировании оказалась подчиненной отношениям стоимости. Если рабочий претендует на продукт своего труда (с самого начала признается, что из продукта в последующем будут сделаны вычеты в пользу общественных нужд), то может ли он получить этот продукт на основе закона стоимости, т.е. претендовать на присвоение стоимости продукта на основе труда, реализованного в ней, — на основе обмена своего

труда (рабочей силы) на его продукт? Или же для этого кроме труда нужно другое условие — собственность на материальные средства производства?

Сначала рассмотрим первое условие. Известно, что в рамках отношений стоимости заработная плата рабочего определяется не тем трудом, который воплощен в его продукте, а трудом, необходимым для воспроизводства его рабочей силы, т.е. трудом, реализованным в жизненных средствах, полученных рабочим. Если же это так, если известно, что стоимость жизненных средств определяется общественно необходимыми затратами труда на их производство, то сколько же рабочему надо затратить труда, чтобы обеспечить себе достойное существование и развитие? Чем определяется количество и качество труда, необходимого для производства жизненных средств рабочего, для воспроизводства его рабочей силы?

Если утверждать, что количество затрат труда на производство жизненных средств определяется стоимостью последних, то мы оказываемся в затруднительном положении: трудом определяется их стоимость, а стоимостью — количество этого труда. Выйти из этого порочного круга можно лишь при условии, если признать, что количество труда, необходимого для производства жизненных средств, определяется вовсе не стоимостью, а их потребительной стоимостью, т.е. признать, что на основе закона стоимости ответить на этот вопрос просто невозможно. Соответственно доля рабочего в стоимости продукта не может определяться стоимостью производимого им продукта. Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для обоснования справедливого присвоения и распределения жизненных благ. Ведь нужно в конце концов установить, по какому труду осуществляется их распределение: а) по труду, который равен стоимости жизненных средств, рабочей силы или б) по труду, определяемому потребительной стоимостью жизненных средств и, следовательно, условиями их потребления, а не просто производства.

В первом случае мы имеем дело со стоимостной формой реализации принципа распределения по труду, основанной на величине абстрактного труда: рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, т.е. он получает лишь ту часть созданного им же продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы. Понятно, что из такой теоретической

трактовки и практики эквивалентного обмена «приращения» своего умственного и физического потенциала ему не получить, равно как не достичь «прибавочного» развития и благосостояния. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом и нужный для такого приращения, не включается в этот эквивалент, а присваивается другими. Это означает, что исключается сама возможность для развития и роста благосостояния рабочего. Дело в том, что рабочий кроме необходимого продукта создает еще и прибавочный, работая дополнительное (прибавочное) время. Но при господстве системы найма практически весь прибавочный продукт забирает наниматель — таков закон отношений найма, закон поведения нанимателя.

Социальная же справедливость, обещаемая рабочим теоретиками и практиками-управленцами всех времен, состоит в том, чтобы рабочие, добровольно делая вычеты для удовлетворения общих нужд, присваивали и другую часть своего продукта, называемого в условиях эксплуатации труда прибавочным. Распределение по труду на основе эквивалентного обмена труда на продукт через посредство денег лишь на поверхности выглядит присвоением на основе труда, т.е. как будто труд дает рабочему право собственности на свой продукт. На самом же деле обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществленный в продукте) предполагает разрыв между трудом и собственностью, оборачивается отсутствием собственности у рабочего, а потому и присвоением части его труда другими без эквивалента. «Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен *овеществленного труда* как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям — а потому и к создаваемой самим трудом объективности — как к чужой собственности (Entauegerung), *отчуждение труда*²³.

За пределами простого товарного производства отношение стоимости есть по существу отношение присвоения чужого труда. Оно заложено в самой социальной природе труда как создателя стоимости, поскольку в последней заключен прибавочный труд. Отношение стоимости (меновой) необходимо закрепляется в определенных формах собственности. Ими являются: а)

собственность рабочего на свою рабочую силу и б) ее обратная сторона — собственность нанимателя рабочей силы на средства производства, будь эта собственность государственной, коллективной (групповой) или частной. Нанимателю нет нужды в собственности на свою рабочую силу. Отсюда — отчуждение рабочего от собственности на средства производства, отношение к ней как к краже, ибо тот, кто нанимает рабочего, достоянием которого является только его рабочая сила, неизбежно получает право на часть продукта рабочего. Отношение стоимости при обмене труда на продукт выступает по существу отношением эксплуатации.

Государство в этих условиях милостиво разрешает рабочему быть индивидуальным (частным) собственником своей рабочей силы, но старается не доходить до цинизма — не обнажать данное обстоятельство, предоставляя от имени закона рабочему право относиться к своей голове и рукам как к своей собственности. Юристы предпочитают отдать это занятие экономистам, оставляя за собой функцию фиксировать в законе право человека быть свободным, свободно распоряжаться собой и своим трудом.

Однако наши парламентарии выступили даже против этого юридического правила. Например, в законе о собственности они записали: «...гражданину принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду» (ст. 6, п. 2). Спрашивается, почему государство должно определять отношение человека к собственным голове, рукам, ногам, которые являются его от природы? Что это значит на простом языке? Да только то, что человеку законом разрешается собственность лишь на свою рабочую силу, на способности с помощью рук, ног, головы выполнять известные трудовые функции. Причем указывается, что он может осуществить «это право самостоятельно или на основе трудового договора». Осуществляя данное право самостоятельно, он вроде бы должен сам обеспечить себя пропитанием, забыв о собственности на свои руки, стать индивидуальным товаропроизводителем, обменивающим, например, свой хлеб и колбасу на идеи или наоборот. Но за идеи как «интеллектуальную» собственность могут не дать и килограмма колбасы. Тогда собственнику своих идей ничего не остается, как искать «добровольно» (!) нанимателя и столь же «добровольно» (!) вступать с ним в отношения

«трудового договора» (найма), т.е. реализовать право добровольно продавать свою рабочую силу.

Однако без наличия нанимателя этого не сделать. Нанимателем не может быть человек, обладающий только собственностью на свою рабочую силу. Наниматель (предприниматель, арендодатель и т.п.) должен быть хозяином того, без чего нельзя трудиться и жить, — средств и продуктов производства. Невозможно, следовательно, на одну сторону медали поместить хозяина и его наемного рабочего одновременно. Собственность рабочего на свою рабочую силу неизбежно предполагает наемный труд, отчуждение рабочего от прибавочной части продукта своего труда — его эксплуатацию.

Оборотная сторона медали, т.е. хозяин над наемным работником, просматривается каждый раз, когда речь заходит об его коренных интересах: в коллективных договорах, заключаемых профсоюзами, эта сторона выступает в лице администрации, собственника или уполномоченного им органа управления (хотя все они могут состоять в том же профсоюзе); при разрешении коллективных трудовых споров, проведении забастовок хозяин присутствует в лице администрации, представителей государственного органа и т.п.

Если наемный рабочий присваивает часть продукта своего труда на основе собственности на свою рабочую силу, то на какой основе использует наемный труд и присваивает часть его продукта наниматель? Логически ответ на этот вопрос очевиден: на основе собственности на условия труда — средства производства. Если бы он это делал тоже на основе собственности только на свою рабочую силу, то был бы лишь обмен деятельностью и потребительными стоимостями.

Очевидность этого положения, однако, не обнаруживается в принятых недавно законах о собственности. В них в отличие от прежних законов, признающих только трудовую основу доходов, изначально констатируется право собственности, но не указывается его основа, особенно когда речь идет о собственности на средства производства у нанимателя. Это делается по столь же очевидным, но умалчиваемым причинам: ведь тогда пришлось бы открыто признать право на присвоение чужого труда, эксплуатацию на основе собственности на средства производства. И все же, пряча эту основу, закон

(например, закон «О собственности в РСФСР») признает, что «при осуществлении предпринимательской и иной, не запрещенной законами РСФСР деятельности собственник вправе заключить договоры с гражданами об использовании их труда. Гражданину принадлежит в соответствии с действующим законодательством право на долю дохода, полученного в результате использования его труда» (ст. 4).

Здесь по существу допускается присвоение чужого труда, но опять-таки не указывается, на основе чего другая доля дохода, произведенная трудом гражданина, достается собственнику. Во всяком случае, представитель наемного труда (гражданин, которому принадлежит право распоряжаться лишь своими способностями к труду) противопоставляется собственнику, нанимающему гражданина и платящему ему согласно стоимости его способностей к труду. Если же он не присваивает прибавочный продукт рабочего, то рабочий ему просто не нужен.

Вопрос о том, может ли рабочий стать собственником чего-нибудь другого кроме своей рабочей силы и обмениваемых на нее жизненных средств, решается совершенно иным способом, а не тем, что рабочему дается право собственности на его рабочую силу. К тому же рабочий, имея бы он такую же собственность, как и наниматель, не стал бы вступать с ним в отношения найма. Самое большее, что можно получить из присвоения по стоимости рабочей силы, т.е. в условиях товарного производства, — это придание объединенному на основе товарного производства трудовому коллективу формы коллективного капиталиста, подведение его под капиталистические формы дохода.

При таких формах работник, нанимая себя в качестве рабочего, платил бы себе заработную плату, а в качестве собственника — получал бы прибыль. Распределение вновь созданной стоимости на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты, возникшее на базе капиталистического способа производства, со временем становится настолько само собой разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где отсутствуют объективные условия существования этих форм доходов. И все же нередко под данные формы дохода подводятся все другие формы распределения путем аналогии. Такое положение наблюдается, например, на кооперативных фаб-

риках рабочих, организованных профсоюзами в капиталистических странах. В пределах таких фабрик хотя и уничтожается противоположность между трудом и капиталом, но вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации собственного труда.

То же самое происходит у нас. В тех случаях, когда коллектив предприятия ставится в положение товаропроизводителя, его доходы неизбежно попадают под капиталистический механизм распределения. Так, прибыль предприятия, выручаемая от продажи его товара, составляет доход нанимателей рабочей силы в лице администрации, но не входит в издержки производства товара. Для рабочих, чья заработная плата входит в издержки производства товара, прибыль стоит такого же труда, как и получаемая ими заработная плата. Рабочим производство товара и их доход (заработная плата) стоят действительных издержек его производства — труда, нанимателям же рабочей силы доход достается из избытка стоимости товара над издержками его производства — стоимостью израсходованных материальных средств и заработной платы, т.е. этот избыток им ничего не стоит.

Установление собственно социалистической собственности на продукт труда может быть обеспечено другим способом — распределением жизненных средств по закону потребительной стоимости. Здесь вместо стоимости рабочей силы вступает в действие ее потребительная стоимость, а основанием распределения жизненных благ становится потребительная сила труда.

Потребительную стоимость своей рабочей силы трудящийся реализует в живом труде. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости в отличие от ее стоимости состоит в том, что реализация первой предполагает доставление рабочим большего количества труда, чем затрачивается на производство его жизненных средств. Их потребление, хотя и не входит непосредственно в процесс труда, тем не менее через реализацию рабочей силы в труде, а труда — в продукте приводит к созданию дополнительной потребительной силы общества и человека. Рабочий, следовательно, может с полным основанием претендовать не только на тот объем жизненных средств, который равен (эквивалентен) стоимости его рабочей силы, но и на

дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. Тем самым отпадает главный ограничитель благосостояния и развития рабочего — способ распределения по затратам необходимого труда, эквивалентным стоимости приобретаемых им жизненных средств, т.е. по стоимости его рабочей силы.

При распределении на основе потребительной стоимости учет затрат живой рабочей силы не отбрасывается. Наоборот, устанавливаемый на базе потребительной стоимости прожиточный минимум, необходимый для содержания работника, минимальная заработная плата требуют для восстановления жизненных сил и обеспечения жизни трудящегося необходимых затрат труда. Они подлежат строгому учету.

Главное же преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости, полезности продукта, состоит в ином: рабочий получает право присвоить не только необходимый, но и прибавочный продукт (конечно, с вычетами) своего и общественного труда; его потребление уже не ограничивается затратами, стоимостью его рабочей силы, а необходимо предполагает приращение его благосостояния и возможность «прибавочного» развития. Тому, что рабочий получает часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, он обязан уже не только своему труду, но и своей собственности на средства производства, тому, что он является работающим собственником. Его отношение к объективным условиям труда как своей собственности выступает не результатом его труда, а предпосылкой. Нормой же, по которой распределяется продукт между работающими собственниками, будет отношение этого прибавочного продукта к необходимому. Он, следовательно, присваивал бы продукт тем же способом, которым раньше это делал капиталист.

Принцип распределения, основанный на потребительной стоимости, чаще всего трактуется как распределение по производительности (эффективности) труда: фонд заработной платы на предприятии и оплату труда работников предполагается формировать в соответствии с коэффициентом эффективности труда как отношением полезного результата к трудоемкости его создания. Однако этим нельзя ограничиваться. Дело в том, что производительную силу труда надо сначала выразить в его по-

требительной силе. Если полезный результат труда берется в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости и сопоставляется с трудоемкостью, то это будет классическим определением производительности труда. Она говорит нам лишь о том, что при высокой производительности доставляется больше продукта за ту же единицу времени. Из этого автоматически не следует повышения благосостояния рабочего. Если, например, раньше рабочий за смену изготавливал одну деталь, а теперь десять таких же деталей, т.е. производительность стала выше в 10 раз, то он должен был бы получить за смену, скажем, 120 руб. вместо прежних 12 руб. Но он их не получит, ибо трудоемкость детали снизилась в десять раз, а его оплачивают по трудоемкости.

Дело, однако, не только в учете трудоемкости при начислении заработной платы. Условия производства продукта и условия его реализации существенно отличаются друг от друга. Если первые замыкаются на производительность труда, то реализация продукта зависит еще от ряда обстоятельств: во-первых, от достигнутой пропорциональности отраслей народного хозяйства, от их соответствия общественным потребностям; во-вторых, от потребительной силы общественного труда, от того, сколько потребителей будет приходиться на данное количество производителей.

Для решения вопроса надо, во-первых, потребительную стоимость (полезность) продукта выразить количеством замещаемого, сэкономленного живого труда с вычетом затрат труда на достигаемый объем экономии, замещения; во-вторых, необходимо перевести таким образом измеренную производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т.е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она, с нашей точки зрения, будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое, с одной стороны, становится мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, с другой — мерой развития рабочего. Распределение, следовательно, здесь базируется на законе экономии времени, который, согласно К. Марксу, становится первым экономическим законом на основе коллективного производства. Измерение посредством сэкономленного рабочего времени существенно отличается от измерения меновых стоимостей продуктов

затраченным рабочим временем. Распределить жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счет более высокой потребительной стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда.

Рабочие начинают понимать, что они как хозяева производства должны получать не зарплату, не более или менее верный эквивалент стоимости рабочей силы, а доход, выходящий за рамки теперешнего необходимого продукта. «Получая долю дохода, — считает, например, мастер завода «Дальдизель» М. Ельцов, — рабочий действительно почувствует себя хозяином производства. Он не на словах, а на деле начнет участвовать в управлении производством, будет прямо заинтересован в росте производительности труда, снижении себестоимости продукции за счет экономии сырья, материалов, электроэнергии, топлива и т.п.». В этом случае к увеличению доходов приводит не повышение, а снижение цен. Доход в свою очередь реализуется не в форме прибыли, как сейчас, а в виде экономии издержек производства. Отнесенная к числу работников, эта экономия и будет антизатратным показателем эффективности труда и мерой получения дохода.

Механизм распределения, основанный на потребительной стоимости, т.е. действительно противозатратный механизм, для своего функционирования нуждается в приобщении рабочего к общественной собственности на средства производства как в необходимом условии своего утверждения и развития. И наоборот, затратный хозяйственный механизм, распределение по затратам труда не совмещается с собственностью рабочего на продукт своего труда, с общественной собственностью: он разрушает экономическую базу социализма, направленность производства непосредственно на лучшее удовлетворение потребностей трудящихся. Здесь главное в том, что собственность на средства производства есть условие собственности на продукт своего труда.

В самом деле, в условиях социализма личная, индивидуальная собственность на предметы потребления в их большей части — это собственность на совместно созданный общественный продукт, передаваемый индивиду в его собственность и присваиваемый им на основе его участия в коллективном общественном труде при собственности каждого на средства

производства. Чем больше этого продукта становится достоянием каждого рабочего, его непосредственной собственностью, тем глубже и шире реализуется сама общественная собственность, тем выше ее значимость для человека.

Если же общественная собственность тем или иным способом ограничивается в своей реализации (сужается ее сфера, воздвигаются опосредствующие звенья между общественной и личной собственностью типа аренды, кооперативной собственности и т.п.), то многие общие блага, предназначенные для совместного потребления, например услуги образования, медицинское обслуживание и т.д., перестают быть достоянием каждого члена общества, его непосредственной собственностью, переходят в разряд платных услуг, равное пользование которыми общество уже не обеспечивает. Рост объема платных услуг рассчитан на имущественную дифференциацию граждан, неизбежно сопровождается введением форм групповой или индивидуальной частной собственности. Поэтому всякое их расширение равнозначно ослаблению усилий по доведению ведению общей собственности до уровня непосредственной собственности каждого, замене личной, индивидуальной собственности, основанной на коллективном труде и общем владении землей и средствами производства, частной собственностью, основанной в конечном счете на присвоении результатов чужого труда, даже если они достаются по наследству.

К отрицательным (для рабочих) последствиям ведет передача отдельных предприятий (фабрик и заводов) в исключительную собственность их коллективов, что В.И. Ленин считал отказом от социализма, проявлением анархо-синдикализма. Дело не в том, чтобы коллективы предприятия не реализовывали себя как собственники, как хозяева принадлежащих обществу средств производства. Речь идет о том, чтобы не превратить их в коллективных капиталистов, эксплуатирующих себя и вступающих в жесткую конкуренцию с другими рабочими в целях получения все большей выгоды и прибыли и, следовательно, нарастающей взаимной эксплуатации. Одновременно они лишились бы выгод, получаемых от общественного труда, его общественных производительных сил, потеряли бы ту часть общественного продукта, которая возникает благодаря разделению и

комбинированию труда и производства и которая не может быть результатом единичного труда или труда отдельного коллектива.

Всякое преимущество в собственности, предоставленное отдельному коллективу, неизбежно наносит вред другим предприятиям. Достаточно было, например, освободить от нового налога на рост фонда заработной платы коллективы производителей товаров народного потребления, как создались условия для ухудшения экономического положения производителей сырья или комплектующих изделий для этих же товаров. Шахтеры не могут употреблять свой уголь в пищу, но их могут разорить производители продуктов питания, если взвинтят на них цены. В этом случае шахтерам ничего не останется, как требовать повышения цен на уголь.

Продукт, созданный в рамках и особыми средствами данного коллектива, не должен концентрироваться в виде его особой собственности, а должен передаваться в индивидуальную собственность каждого его члена точно так же, как индивидуализируется продукт общества. Иначе еще более углубится имущественное неравенство между трудовыми коллективами, еще сильнее расцветет групповой эгоизм и при свободном рынке капиталов собственность коллектива может оказаться в руках отдельных лиц или групп, скупивших большую часть его акций.

Общественная собственность реализуется и как собственность коллектива в том случае, если последний в лице органов самоуправления трудящихся непосредственно распоряжается создаваемым продуктом, а не возлагает функции его распределения на особый аппарат управленцев, с которым рабочие заключают договор о найме или об условиях, по которым аппарат разрешает или отказывает им в праве не работать на самих себя (в случае забастовок). Трудящимся, чтобы получить права на полное хозяйственное ведение дел на предприятии, нет необходимости иметь в качестве коллективной собственности особое неделимое имущество предприятия в отличие от общенародного имущества, устанавливая «заводской» социализм. Им достаточно иметь право распоряжаться созданным продуктом, быть хозяевами в делах управления предприятием. Именно это право им до сих пор не отдает управленческий аппарат, придумывая для сохранения своих функций хозяина различные формы государственной

собственности в качестве объектов своего хозяйничанья: каждой управленческой структуре (республиканской, областной, городской и т.п.) предоставляется право на особую форму собственности — республиканскую, областную, муниципальную и т.п. Без них аппарат теряет свое оправдание и вынужден будет уступить свои функции коллективам трудящихся, органам их самоуправления.

Некоторым «демократам» кажется, будто установление новой республиканской, городской, сельской собственности — благо для непосредственного производителя, труженика. На самом деле это лишь дополнительное звено, еще дальше отодвигающее его от общей собственности. Ведь оно нужно для того, чтобы содержать дополнительный аппарат управления. Без этих «новых» форм собственности аппарат не может юридически претендовать на определенную долю из бюджета или на установление муниципальных налогов (а они уже практикуются в виде надбавки к ценам на табак, водку и другие товары). Кроме того, они служат основанием для борьбы регионов за установление господства на рынке, завоевания новых рынков согласно законам рыночной конкуренции.

Чтобы общая или коллективная собственность выступала как индивидуальная собственность, т.е. как собственность каждого, непосредственно общественная собственность, нет никакой нужды раздавать средства производства, передавать их в личную или частную собственность. Для этого достаточно предоставить право самим труженикам распоряжаться тем продуктом, в который они превращают средства и предмет труда, право претендовать на долю дохода от собственности на задействованные в создании продукта средства производства. Поэтому речь идет не о переходе средств труда в частную собственность, не о покупке рабочими им же принадлежащих средств производства в общественно-индивидуальную, коллективно-индивидуальную собственность.

Носитель индивидуальной собственности как член общества одновременно управляет вместе с другими и продуктами своего труда. Этого как раз и требует научная теория социализма. Ф. Энгельс считал несовместимым с социализмом положение, когда распределение продукта

передается «на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдает рабочему его долю из его собственного продукта»²⁴.

Практика все настоятельнее требует изменения механизма распределения жизненных благ, его приведения в соответствие с принципом, согласно которому рабочие становятся собственниками продукта своего труда. Для этого недостаточно переделать принцип «каждому по его труду» в формулу «каждому по результатам его труда», ибо в том и другом варианте сохраняется наемный труд, а в собственности рабочего остается исключительно его рабочая сила. Этот факт стал осознаваться рядовыми тружениками: способ распределения по стоимости рабочей силы для производителя ничем не отличается от капиталистического, он является атрибутом наемного труда. Сошлемся еще раз на мнение председателя колхоза М.А. Чартаева: «В семнадцатом году мы обобществили собственность, а старый механизм распределения оставили... не освободили труженика от наемного труда»²⁵. К такому же решению склоняется каменщик из Полтавы В.Т. Чуйков. Он заявляет, что надо «дать производителю право на владение собственной продукцией». Он согласился с мнением одного из механизаторов о том, что рядовым рабочим собственность нужна как собственность на свою продукцию, которой они распоряжались бы при твердых, фиксированных отчислениях для государства²⁶.

Требование рабочих и крестьян реализовать общественную собственность в виде собственности (права на владение) произведенной ими же продукции находится в полном соответствии с научными принципами социализма. Необходимый труд (по условиям потребления) и его продукт, присваиваемый производителем для индивидуального потребления, должны включать в себя не только ту часть, которая идет на содержание рабочего, но и ту, которая обеспечивает развитие его индивидуальности. Что касается прибавочной части необходимого продукта, то она должна идти на образование страхового и резервного фондов, с одной стороны, и фонда для расширенного воспроизводства — с другой. Если, с одной стороны, свести, отмечал К. Маркс, заработную плату к ее общей основе, т.е. к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего, расширенного до пределов, требуемых не только воспроизводством

рабочей силы, но и развитием рабочего, и если, с другой стороны, ограничить прибавочный продукт воспроизводственным, резервным и страховым фондами и добавить к этим фондам фонды для еще или уже неработоспособных членов общества, т.е. «если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»²⁷.

Из сказанного вытекают существенные выводы для практики развития отношений собственности и распределения. Оценивая создавшуюся ситуацию в данной области, должны сказать: основная задача по изменению способа распределения жизненных благ за годы после революции не была решена; способ распределения не приведен в соответствие с обобществлением собственности на материальные средства производства. Если за это время собственность формально, т.е. в виде государственной собственности, была обобществлена применительно к средствам производства, то по отношению к субъекту производства, предметам, предназначенным для индивидуального потребления, этого не произошло. Их основная масса присваивалась непосредственными производителями на базе их частной (личной) собственности на свою рабочую силу, т.е. на деле обобществление не состоялось. В результате способ распределения жизненных благ оказался в явном противоречии со способом их производства: присвоение благ происходило на основе индивидуальной (частной) собственности на рабочую силу, наемного труда, а производство — на базе государственной собственности на средства производства, отчужденной от самих производителей.

Как же в этом случае относиться ко всеми признанному (в качестве социалистического) принципу распределения по труду и соответствующим положениям К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина? Труд, как известно, не имеет стоимости, а распределение по труду в условиях товарного обмена имеет единственный рациональный смысл — распределение по стоимости рабочей силы, которая определяется необходимым на ее воспроизводство трудом. Тогда как быть с тем обстоятельством, что на поверхности нашего общества «социалистическим» принципом выступает распределение жизненных благ по труду?

К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, не признавая возможным распределение при социализме по стоимости рабочей силы, по затратам абстрактного труда, вместе с тем не исключали труд из критериев распределения. Проводя параллель с товарным производством, К. Маркс, например, считал, что рабочее время должно служить мерой индивидуального участия не только в совокупном труде, но и в индивидуально потребляемой части совокупного продукта²⁸. Он допускал обмен трудовыми эквивалентами: то же самое количество труда, которое рабочий дал обществу в одной форме, он должен получить (после соответствующих вычетов) обратно в другой форме²⁹.

Эта аналогия может быть адекватно понята в случае, если здесь иметь в виду под трудом конкретный труд, т.е. рассматривать труд со стороны его роли созидателя не стоимости, а потребительной стоимости. К. Маркс, как потом разъяснил Ф. Энгельс, не мог принять тезис Б. Дюринга, что в будущем социалистическом обществе, сохраняющем товарное производство, «не только продукт труда, но и самый труд должен непосредственно обмениваться на продукт: час труда — на продукт другого часа труда»³⁰. В более или менее развитом товарном производстве этого не может быть, ибо в этом случае продукт труда был бы товаром (стоимостью), а стоимость рабочей силы определяется вовсе не ее продуктом, а воплощенным в ней трудом. При таком положении вещей, при котором происходит только обмен труда на труд (в форме живого труда или его продукта), предполагается отделение работника от собственности на средства производства и превращение продукта в стоимость. Обмен труда на труд, хотя и кажется условием наличия собственности у работника, на деле имеет своей предпосылкой отсутствие собственности у работника на объективные средства труда.

Если же рабочая сила (труд) обменивается на свой полный продукт (час труда на продукт другого часа труда), то обмен труда происходит уже не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. Предпосылкой такого обмена будет не просто труд, а собственность работника на материальные условия своего труда. Там, где у К. Маркса или Ф. Энгельса встречаются формулировки, похожие на принцип распределения по труду применительно к социализму, имеется в виду потребностоимостная, а не

стоимостная величина труда. К сожалению, они не всегда четко проводили это разграничение в вопросах распределения и в молодости допускали возможность потребительностоимостного выражения стоимостного обмена. Этим они дали известный повод отождествить обмен стоимостных эквивалентов — стоимости рабочей силы на стоимость жизненных средств — с обменом трудовых эквивалентов: час труда на продукт другого часа труда.

В потребительностоимостной трактовке распределения учет труда нужно рассматривать не с позиций того, сколько среднего труда затрачено по условиям производства на жизненные средства, а с той стороны, что удовлетворение определенных потребностей требует затраты определенного количества труда. Именно этот труд — труд по условиям потребления — должен учитываться в качестве меры участия общества и человека в индивидуально потребляемой части продукта. Следовательно, чтобы получить определенную долю продукта для потребления, нужно затратить определенное количество труда.

Труд учитывается не только с точки зрения производства продукта, но и с точки зрения потребления, если общество не в силах обеспечить своих членов благами по потребностям. В той мере, в какой обмен потребительными стоимостями определяет смысл простого товарного производства, правомерно проводить аналогию между ними. Только с этой точки зрения можно признать эту аналогию.

Другой, не менее важный вопрос состоит в следующем: обществу и людям недостаточно знать, что количеством затрат общественно необходимого труда определяется стоимость жизненных средств и, следовательно, уровень платежеспособного потребления; надо еще знать, чем определяется величина того живого труда, который они должны затрачивать, чтобы получить то или иное количество жизненных благ. Или, иначе, люди должны установить, сколько нужно трудиться, чтобы получить определенное благосостояние и развитие, а не — наоборот — сначала трудиться, а потом ждать, насколько повысится их благосостояние.

Этот вопрос может быть решен не на основе закона стоимости, а на базе противоположного принципа — закона потребительной стоимости. Если воспроизводство рабочей силы по ее стоимости (зарплата) определяется

общественно необходимыми затратами труда на производство потребляемых рабочими жизненных благ, то сами эти затраты (сколько нужно труда на их производство) определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ. Они потребляются не как меновые, а как потребительные стоимости. По стоимости они лишь обмениваются, продаются и покупаются. Именно потребительная стоимость жизненных средств определяет издержки производства рабочей силы, и соответственно «доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, т.е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу»³¹, потребительной стоимостью продукта.

Отсюда следует, что стоимостному принципу распределения жизненных благ с самого начала противостоит другой способ распределения - потребительностоимостной. в рамках закона потребительной стоимости исходным в распределении выступает уже не стоимость рабочей силы, а ее потребительная стоимость. Соответственно этот способ распределения исходит из необходимости непосредственного удовлетворения жизненных потребностей и воспроизводства человека как носителя труда и субъекта общественных отношений. В этой плоскости лежат критерий и мера потребительностоимостного распределения.

Для обеспечения существования человека, восстановления и воспроизводства его жизненных сил этот критерий можно установить согласно обычаям и привычным потребностям. В первоначальных обществах, не достигавших высокого уровня развития производительных сил, основой распределения как труда, так и жизненных благ служили потребительная стоимость продуктов и потребности человека. И в наше время мерой для обычного содержания человека являются расчеты прожиточного минимума, рационального потребительского бюджета, потребительской «корзины» продуктов и промтоваров. Именно ими определяется минимальная заработная плата, денежное (стоимостное) выражение жизненных средств, а не наоборот.

Таким же способом можно установить максимальные для данного периода потребительские бюджеты и соответствующие им уровни возможных доходов. Они определялись бы не стоимостным источником доходов (зарплата для наемных работников, предпринимательский доход и процент для

нанимателей рабочей силы и т.д.), не игрой цен, а потребностями развития личности и нужным для этого уровнем благосостояния. Да и само развитие производства «больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности».

Способ распределения на основе потребительной стоимости жизненных средств позволяет установить количество труда, необходимое для удовлетворения соответствующих потребностей. Однако в этом случае труд будет необходимым уже не по условиям производства стоимости, определяться не тем рабочим временем, которое реализуется во вновь созданной в течение данного года стоимости, а необходимым по условиям потребления, которое реализуется в годовом продукте как в потребительской стоимости. Соответственно доходы должны формироваться не на основе затрат труда, в частности прибавочного труда, а на базе производительности труда, экономии рабочего времени.

Можно с уверенностью сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс использовали категорию труда для обоснования принципа распределения при социализме совершенно в ином смысле, чем это делалось и делается в практике распределения «по труду» согласно закону стоимости. В полном соответствии с решением вопроса о характере производства они решали проблему распределения при социализме: они не допускали распределения, основанного на меновой стоимости рабочей силы, т.е. распределения по труду, необходимому для воспроизводства рабочей силы. Ф. Энгельс резко отрицательно относился к суждениям о «социалистической теории стоимости», к тому, что «будто Марксова теория стоимости должна служить масштабом распределения в будущем обществе»³².

Как говорилось, чтобы выйти из кризиса, необходимо разрешить противоречия, вызвавшие его, причем в первую очередь основополагающее из них — противоречие между обобществлением производства, общественной собственностью на его вещественные средства, с одной стороны, и наемным характером труда, приводящего их в действие, — с другой.

Выходом из кризиса и способом разрешения возникших противоречий одни считают дальнейшее ограничение общественной собственности, ее

широкую приватизацию и углубление наемного характера труда путем организации рынка труда и капитала (фондовой биржи и биржи труда). Другие, наоборот, предлагают преодолеть наемный труд, сделать рабочих и крестьян хозяевами не на основе их собственности на свою рабочую силу, а на базе укрепления их общественной собственности на средства производства путем все большего превращения результатов общественного производства и труда в непосредственную собственность каждого производителя.

Понятно, что эти два подхода совместить нельзя. Тем более не следует полагать, будто новые формы рыночных отношений можно направить на социальную защиту трудящихся и посредством рыночной экономики из наемных работников перевести их в положение хозяев. По этому поводу довольно резко высказывался К. Маркс: «Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развилась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо»³³.

Преодоление наемного характера труда, ликвидация положения, в котором человек производительного труда оказался в роли поденщика, — первое условие выхода из кризиса, если, конечно, придерживаться социалистического курса дальнейшего развития. Социализма не будет, если рабочая сила останется и впредь товаром, а рабочий — собственником лишь своей рабочей силы.

Между тем концепция социальной защиты трудящихся, представленная Госкомитетом СССР по труду и социальным вопросам, вовсе не предполагает освобождения рабочих и крестьян от наемного труда. Наоборот, она исходит из целесообразности и необходимости наемного труда, а защиту труда рекомендует вести в его рамках. Речь идет, как пишет В. Щербаков, лишь об определении ответственности нанимателей рабочей силы — о порядке выплат за наемных работников, об участии нанимателей в формировании страховых фондов, об их обязательствах в случае расторжения трудового договора о найме и т.п. Причем предлагаемые социальные гарантии, закрепляемые законодательно, представляют собой «минимальные обязательства собственника, дающие ему право на использование наемного труда»³⁴. Одним из таких обязательств является, например, предоставление наемному рабочему

минимальной ставки, обеспечивающей ему зарплату в размере прожиточного минимума. Не гарантируется даже средняя стоимость рабочей силы, как это вытекает из закона стоимости и из достигнутого уровня социально-экономического и культурно-технического развития трудящихся. Вместо этого в качестве гарантируемого уровня жизни предлагается стоимость жизненных средств, составляющих прожиточный минимум, сведенный к условиям физического существования рабочего.

Очевидно, что при таком подходе-к социальным гарантиям переход к рынку рабочей силы будет сопровождаться дальнейшим увеличением числа лиц, оказывающихся за чертой бедности, т.е. имеющих доходы ниже прожиточного минимума. По расчетам специалистов, к 40 млн ныне живущих за чертой бедности в ближайшее время может прибавиться еще 30 — 40 млн человек.

В условиях рынка рабочей силы, т.е. дальнейшего углубления наемного характера труда, невозможно будет гарантировать освобождение и от другого следствия наемного труда — безработицы. Вместо того чтобы гарантировать право на труд, государство в лице Госкомитета по труду и социальным вопросам лишь констатирует необходимость появления рынка труда, регулируемого спросом и предложением рабочей силы, и создания условий для «эффективной» занятости. В качестве мер, посредством которых может достигаться такого рода «эффективная» занятость, предлагается повсеместное введение вторых и третьих рабочих смен. Автором таких предложений невдомек, что безработица потому и возникает, что отпадает необходимость не только во второй или третьей смене, но даже и в первой. Рабочие места становятся лишними в любой из смен. Поэтому ничего не остается, как готовиться к возникновению резервной армии труда, создавать фонд для выплаты пособия безработным, обеспечивая их прожиточным минимумом, т.е. пособием, равным минимальной зарплате.

Правительственная программа допускает, что при более или менее постепенном переходе к рынку будет высвобождено 10 млн трудящихся. Специалисты же считают эту цифру сильно заниженной. В стране в настоящее время уже насчитывается около 6 млн безработных. Имеются возможности даже без всякого перехода к рынку высвободить 22 — 28 млн человек, в том

числе 5 — 7 млн руководящих работников и специалистов. При переходе же к рынку в первые годы общий фонд рынка рабочей силы может составить 31 — 38 млн человек, а безработица может достигнуть уровня 18,5 млн человек³⁵.

Из сказанного следует, что без преодоления самого наемного труда невозможно гарантировать право на труд. Наше государство, ранее обеспечивавшее это право, после передачи функции нанимателя рабочей силы различным предпринимателям отказывается от этих гарантий. В «Основах законодательства Союза ССР и республик о занятости населения» по существу уже нет положения о гарантированном праве на труд. Государственные гарантии этого права сводятся лишь к обеспечению равных возможностей в его реализации, к «свободе выбора рода занятий и работы», но не к обязательному предоставлению свободно выбираемой работы. Кроме того, «граждане имеют право на свободный выбор места работы» (ст. 9).

Сами же граждане делятся на: а) занятых, работающих по найму, и б) занятых, самостоятельно обеспечивающих себя работой. Ко второй группе относятся наниматели, а не наемные работники, а именно: предприниматели, арендодатели, кооператоры (руководители), фермеры и т.п. К ним примыкают лица, занимающие оплачиваемые должности. В этом делении опять-таки законодательно выделяются работники, не включенные в категорию наемных, а государство в лице своих органов относит себя к нанимателям рабочей силы. Поэтому государственная собственность сохраняет себя как форму собственности, позволяющую присваивать общественную собственность немногим. Тем самым наемный труд утверждается и охраняется государством в качестве основания своего существования.

Конечно, есть различие между работниками, нанимаемыми государством, и частниками, предпринимателями. Но государство в его нынешнем виде не собирает свой аппарат превратить в работников, нанимаемых трудящимися и поставленных в зависимость от доходов непосредственных производителей, которые могли бы часть своего дохода выделять аппарату управления по своему усмотрению. Наоборот, в каждом новом законе наемными объявляются работники производительного труда. Такой социализм можно с уверенностью отнести к строю, который проповедовал немецкий экономист, теоретик прусского социализма К.

Родбертус, согласно которому не рабочим предоставляется право в обычном демократическом порядке облагать себя налогом в пользу аппарата управления, а, наоборот, все дело передается на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдает рабочему его долю из его собственного продукта³⁶.

Суровая критика современного административно-бюрократического аппарата сегодня нужна вовсе не потому, что отпала необходимость в выполнении непроизводительных государственных административных функций, особенно функций планирования и управления. Современный бюрократический аппарат достоин ликвидации в качестве субъекта собственности, который нанимает работников, лишая их непосредственной индивидуальной собственности на общие средства производства и землю. Именно в этих условиях наемные работники теряют право на реальное участие в управлении производством и делами общества (за исключением некоторых формальных функций на второстепенных участках управления). Наличие наемного труда — не принцип социализма, а государственно-бюрократическая форма организации труда, присущая государственно-капитализму, когда наймом занимается не отдельный предприниматель, а государство как орган управления, представляющий всех нанимателей.

Можно ли надеяться, что на освобождение рабочего от наемного труда пойдут наниматели рабочей силы — начиная с государства как собственника, его управленческого аппарата и кончая предпринимателями, руководителями новых кооперативов? Понятно, что нельзя ждать защиты трудящихся от наемного труда от тех, кто по своему экономическому положению в нем заинтересован. Да они об этом и не думают и никогда не пойдут на то, чтобы сделать рабочих и крестьян хозяевами. Без отношений договоров о найме рабочей силы аппарат управления не сможет претендовать на прибавочный продукт как на условие своего исключительного существования. Аппарат управления как представитель собственника как раз и является тем субъектом, от которого трудящимся надо защищать себя. Защитить себя в этом случае они могут единственным эффективным способом, поставив управленцев на место наемных работников, а себя — рабочих, свои коллективы — сделав нанимателями. Таковыми рабочие могут стать при условии, если будут

хозяевами средств производства, если сами будут распоряжаться продуктом своего труда.

В колхозе, возглавляемом М.А. Чартаевым, такую перестановку осуществили сами работники. Они освободили себя от наемного труда, поменяли местами управленцев и рядовых тружеников, перевернув пирамиду: председатель колхоза, специалисты, служащие были поставлены в прямую зависимость от колхозников, от результатов их труда. Они стали получать свои доходы путем установления коллективом определенного процента от доходов колхозников. Аппарат управления из командной системы превратился таким образом в аппарат служащих у производителей, в нанимаемых ими работников. Зоотехник, например, перестал получать, как ранее, установленную зарплату, гарантируемую председателем и правлением колхоза. Его доход стал зависеть от доходов доярок: чем они выше, тем больше получает специалист, если он принимал непосредственное участие в повышении доходов тружеников, в сокращении производственных затрат.

Что касается самих колхозников, то их доходы не только возмещают затраты их труда, но и включают в себя определенную часть дополнительного дохода, исчисляемого в определенном процентном соотношении с их трудовыми паями. Они получают как работающие собственники: и как производительные работники, и как хозяева, собственники (аналогично хозяину-фермеру), объединенные в одном производственном коллективе.

Опыт коллектива дагестанского и других колхозов, сделавших своих членов совладельцами основных фондов, показывает, что условием преодоления наемного труда является соединение в одном и том же лице работника и собственника. Можно ли то же самое сделать в трудовых коллективах промышленных предприятий, являющихся объектом различных форм государственной собственности (союзной, республиканской, городской и т.д.)? Положительный ответ на этот вопрос будет очевидным, если мы не на словах, а на деле хотим сделать рабочих хозяевами на производстве. Достаточно опять-таки поставить управленческий аппарат предприятий в положение работников, нанимаемых рабочим коллективом, а рабочих — в положение нанимателей. Для этого, как говорилось, нет необходимости раздавать государственную (народную) собственность отдельным

коллективам и их членам, как не было нужды это делать в условиях, при которых аппарат управления выступает органом, уполномоченным собственником, нанимающим рабочую силу. В таких условиях государство будет уполномочивать на это непосредственно трудовые коллективы, самих рабочих, которые устанавливают свои доходы с учетом как результатов своего труда, так и своей доли в общей собственности на средства производства, применяемые в производстве продукта. Затем они будут добровольно делиться своими доходами с нанимаемыми ими управляющими и служащими вплоть до государственных служащих. Само государство в этом случае превратится в орган управления, нанимаемый и уполномоченный народом.

В промышленности и в других отраслях уже сейчас есть немало коллективов цехов, участков, комплексов, в которых управленческий состав получает определенный процент от средней заработной платы рабочих, причем именно последние определяют величину этого процента. Коллективы некоторых небольших предприятий переходят на учет доли каждого работника в общих фондах предприятия, распределяя продукт в зависимости и от этой доли. В печати уже освещался опыт ряда таких предприятий: завода железобетонных изделий Ульяновской области, целлюлозно-бумажного завода Калининградской области и др.

Не следует думать, что при этом неизбежно будут ущемляться теперь уже интересы управленцев. Оплата труда управленцев при таком механизме распределения, как показывает опыт, оказывается не меньшей, а при хороших делах (эффективной работе предприятий) — даже большей, чем устанавливавшаяся до этого государством. Дело в том, что при общем росте производительности труда основных работников растут и общие доходы предприятий, из которых производится выплата вознаграждения за труд управленцев.

Взаимная заинтересованность и тех и других в росте производительности труда, во внедрении всевозможных технико-технологических новшеств, в получении все большего количества и лучшего качества необходимой людям продукции ради, естественно, и собственной выгоды — более высокого поощрения за лучшие результаты труда — все это не разъединяет, не разводит нанимателей-рабочих и нанимаемых управленцев по

разным полюсам, а, напротив, сильнее скрепляет их общей ответственностью за нормальный ход производственного процесса, за повышение его эффективности и т.п. Рабочие впервые на равных подключаются к поиску различных новшеств вместе с управленцами, научно-технической интеллигенцией, к практической апробации их на своем производстве, а также к самостоятельной разработке собственных образцов новой техники и технологии. На таких предприятиях практически невозможна ситуация, когда приобретенная за громадные деньги импортная техника и оборудование годами не осваиваются, ржавеют на складах или прямо под открытым небом. Рабочие, участвующие в поисках и разработках вместе с инженерно-техническим персоналом предприятия, а также специалистами высшего эшелона управления (те, как профессионалы более высокого класса, следят за зарубежными новинками), не допустят закупок «впрок» или такого оборудования, которое они не смогут освоить.

Противоположность ролей нанимаемого и нанимателя в этом случае только кажущаяся. Все это лишь внешне напоминает систему найма, потому что рабочие практически не выступают командирами-бюрократами, напротив, они прямо заинтересованы в настоящих — грамотных и умных — помощниках. И если управленцы, ИТР оправдывают их надежды, действительно помогают им добиваться больших успехов в труде, то ни первым, ни вторым нет необходимости искать какие-то особые формы, средства взаимодействия или защиты. Не справляющийся со своими обязанностями управленец ИТР поймет свою неспособность помочь коллективу по результатам работы последнего, о которых теперь знают все работники предприятия, по оплате его труда и сам, без подсказок и накаток, догадается, что, коль скоро пользы данному трудовому коллективу не приносит, ему либо надо думать о росте квалификации, либо искать более подходящую сферу приложения своих сил и способностей. Некомпетентные специалисты в такой ситуации навсегда теряют возможность принимать и навязывать коллективу неразумные решения.

Подобное «перевертывание» ролей нанимателя и нанимаемого — шаг к подлинно демократической, социалистической системе отношений в производстве (и в материальном, и в духовном), где главным действующим

лицом наконец по праву становятся трудящиеся — непосредственные создатели всего общественного богатства.

Освобождение трудящихся от наемного труда дает им и другое преимущество — защиту от того, что является результатом вновь разворачивающихся процессов, их подчиненности законам общественных отношений и действий, в которые они включаются, а сегодня это отношения и деятельность по переходу к рыночным формам экономики, рыночным отношениям.

Объективные социально-экономические законы не могут по усмотрению того или иного органа власти приостанавливать свое действие, правительство и люди не в силах их обходить, игнорировать или, наоборот, по указу вводить в действие. Если трудящимся приходится, например, вступать в отношения найма, в рыночные отношения, то и законами их деятельности будут законы наемного труда, рынка со всеми негативными для них последствиями.

Трудящиеся, безусловно, вольны исправлять и изменять свою деятельность и отношения, но эти изменения должны не навязываться сверху, а совершаться самими субъектами отношений и деятельности. «Исправление, изменение общественных отношений, разумеется, возможно, но возможно лишь тогда, когда оно исходит от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений»³⁷. Преобразованные отношения будут иметь и новые, соответствующие им законы. Только таким образом можно освободиться от подчиненности законам, действие которых ввергает трудящихся в нищету или в другие нежелательные для них ситуации, например безработицу. Если трудящиеся не хотят увеличивать армию безработных и желают выволить страну из кризиса, им нужно действовать и создавать такие отношения, законы которых не предполагают развития через периодические кризисы и безработицу. Это не будет субъективным произволом, принятием волевых решений, так как речь пойдет об изменении реальных отношений и форм деятельности, исходящем от самих трудящихся.

Как же избавиться от наемного труда в этой ситуации? Как трудящимся защитить себя, например, от рынка рабочей силы? Коль скоро все большим числом людей — и учеными, и специалистами-практиками, и рабочими — начинает осознаваться объективная необходимость подобных перемен,

рожденных самой практикой социализма, коль скоро у них появляется все больше последователей и преданных защитников, то рано или поздно эта тенденция пробьет себе дорогу и скорее всего станет законом дальнейшего развития нашего общества.

Конечно, эти изменения, вызванные к жизни естественным ходом развития социализма и отрицающие наемный характер труда, т.е. способствующие разрешению одного из главных противоречий нового общественного строя, требуют для их реализации соответствующих условий, как объективных, так и субъективных. Что касается первых (уровень и характер общественного разделения труда, степень обобществления основных средств производства, уровень технической оснащенности и научного обеспечения производства в главных, приоритетных отраслях народного хозяйства и т.п.), то, как показывает опыт упоминавшихся предприятий, и в промышленности, и в сельском хозяйстве такие условия в той или иной мере существуют. Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что эти прогрессивные изменения проходят достаточно быстро и совершенно безболезненно. Следовательно, объективные условия не просто способствуют их успешному проведению — они сами подталкивают к ним.

Однако сейчас на их пути воздвигаются, причем искусственно, серьезнейшие препятствия — насаждаются противоречащие им рыночные отношения. Думается, что открыть простор для беспрепятственного осуществления прогрессивных преобразований, обеспечить успешное течение естественноисторического процесса развития социализма, начать его действенное совершенствование за счет его собственных, только ему свойственных сил и механизмов, освободить этот процесс от чуждых самой его природе элементов, порождающих различные формы отчуждения (человека от человека, от полной собственности трудящегося на свой труд и его результаты и т.д.), можно только при одном условии: если мы немедленно откажемся от курса на всемерное расширение рыночных, товарно-денежных отношений, действительно вернемся в лоно современной цивилизации, держащей курс на все большее сокращение сферы действия рынка, рыночной стихии. Собственно, этого требует сама наша жизнь, с завидным упорством сопротивляющаяся рынку.

И все-таки, утверждая, что объективные условия для прогрессивных процессов налицо, важно не забывать: даже самые благоприятные объективные условия не могут быть реализованы, если не сформировались субъективные предпосылки, т.е. если четкое понимание необходимости этих преобразований не стало фактом сознания громадных масс людей как «наверху», так и «внизу». Энтузиасты-одиночки лишь дают первый толчок такому осознанию, но нужно еще, чтобы тысячи, миллионы людей захотели понять необратимость истории, необходимость встать на путь прогрессивных преобразований.

Что же нужно сделать для подготовки субъективного, человеческого фактора процессов развития? Для этого прежде всего необходимо широко, всеми доступными обществу средствами пропагандировать новаторский опыт талантливых первопроходцев. Нужно убедить массы людей — управленцев и рабочих — в том, что эти изменения — единственно правильный, самой практикой найденный способ его самосовершенствования. О конкретных модификациях этого способа развития речь сейчас не идет, ибо, несомненно, жизнь подскажет множество вариантов его реализации, важно, чтобы не искажалась его суть. Наконец, требуется убедить людей в том, что все другие пути движения нашего общества вперед ему заказаны историей, поскольку ведут к реставрации того, что давно пройдено нашей страной и от чего освобождаются другие передовые страны мира.

И еще одно соображение относительно того, с чем могут быть сопряжены процессы развития в нынешней ситуации. Конечно, их можно и нужно осуществлять добровольно, с обоюдного согласия обеих сторон производственного процесса — и работников — непосредственных производителей, и управленцев. Но для этого и те и другие должны четко понимать и громадную собственную выгоду, и не меньшую общественную пользу от таких изменений. Если, скажем, управленцы не сознают великого смысла подобных перемен, а будут всеми силами сопротивляться им, то рано или поздно за них примутся трудящиеся, но тогда преобразования могут приобрести насильственный характер. Если же объективной необходимости кардинальных изменений такого рода не поймут трудящиеся, то возможна не только полная остановка движения нашего общества по пути социализма, но и

— с расширением рыночных отношений — его движение вспять, к сохранению и воспроизводству всех болезней и язв прежних эпох (подтверждений тому уже несть числа).

Сегодня проблема уяснения смысла сложившейся ситуации, как и возможных вариантов развития советского общества, стоит особенно остро. Не может не вызывать тревогу хотя бы тот факт, что обстановкой в стране владеют не трудящиеся, более других жизненно заинтересованные в преобразовании экономических, а с ними всех прочих отношений на принципах социальной справедливости, на основе равенства, братства и счастья всех людей, а слои и группы, стремящиеся не только сохранить свои незаконно (за счет народа) приобретенные нетрудовые доходы и привилегии, но и приумножить их благодаря усилению наемного характера труда работников и потому, как правило, не желающие разбираться в объективных законах развития социализма, предпочитающие анализу реалий нашей страны поиск панацеи от собственных бед в чужих странах. Те, кто понял прогрессивное значение назревших преобразований, принимают в них самое активное участие. Это гарантия того, что на предприятиях, где новая система отношений сформирована или формируется, коллизии в будущем объективно исключены.

Но сегодня в обществе пока явно преобладает тенденция ужесточения условий найма работников — непосредственных производителей материальных и духовных благ, расширения сферы использования рыночных механизмов, и — как следствие — идет быстрое нарастание негативных последствий действия законов рынка для громадных масс трудящихся. Неудивительно, что такие грозные для любого общества явления, как нищенство, безработица и массовые забастовки, яркие свидетельства усиливающейся поляризации общества, пришли в нашу жизнь уже в годы перестройки.

Избавиться от всего этого рабочие могут, если откажутся вступать в отношения купли-продажи своей рабочей силы, активно выступая против рынка рабочей силы. Они вполне обоснованно могут отказываться от участия в работе предприятий, в которых частные собственники или их товарищества явились бы хозяевами, а рабочие — их наемной рабочей силой. Рабочие

коллективы могут сами взять на себя функции коллективного собственника и превратить данное предприятие в народное собственное предприятие. Они могут не согласиться и с тем, что переход к отношениям рынка рабочей силы и к массовой безработице неизбежен, что им нет альтернативы, ведь такие суждения — результат того же субъективизма, но доведенного до абсурда, до своей противоположности — рыночного фетишизма и фанатизма.

Печально, что этого не понимают многие наши новые законодатели, идущие не от жизненных реальностей, а от «мировой кровавой практики», точнее — от практики буржуазных государств.

К сожалению, недавно принятым Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» коллективы предприятий и рабочие не признаются в качестве непосредственных субъектов общественной собственности. Закон исходит из того, что в РСФСР «могут создаваться и действовать предприятия, находящиеся в частной, государственной, муниципальной собственности и собственности общественных организаций» (ст. 5). Более того, коллективная собственность колхозов и промышленных предприятий, крестьян и рабочих, представляющая собой реализацию общей собственности, законом вообще не допускается. Зато индивидуальная и коллективная собственность предпринимателей, использующих наемный труд, ставится на первое место. Предлагается регистрировать как самое необходимое предприятие, управляемое или самим собственником, или органом, управляющим его имуществом на праве хозяйственного ведения. Что касается трудового коллектива наемных работников, он лишь претендующий на определенные социальные льготы контрагент собственника, заключающего с ним договор (коллективный). Наемный труд и предприниматель (собственник) — таковы два полюса ориентированной на рынок программы хозяйственной реформы.

Тогдашний председатель Госкомтруда СССР В. Щербаков не нашел иного способа защиты трудящихся, кроме ввода рынка рабочей силы. Что же дает переход к рынку человеку? — спрашивает он и отвечает: «Я думаю, самое главное — возрождение человеческого достоинства, веры в свои силы и социальную справедливость, в свою способность добиться лучшей жизни»³⁸. Он уверен, что переход к рынку — во благо, в интересах трудящихся, и тут же

предлагает защитные меры от него. Но зачем, спрашивается, защищаться от того, что возвращает человеку «достоинство», «свободу», «равенство» и «социальную справедливость»? Однако он не хочет сказать, кому даются все эти ценности и у кого отнимаются. Более того, оказывается, что рынок «невыгоден только тем, кто стоит сегодня у распределителей. Именно эта группа и запугивает людей рынком»³⁹. Вряд ли это суждение результат лишь наивности государственного деятеля.

Впрочем, легко обнаруживается и проявление особой «заботы» хозяина о наемном рабочем — председатель Госкомтруда обязывает хозяина обеспечить наемника минимальной зарплатой не ниже прожиточного минимума. Грузчику, например, он гарантирует не 250 руб. в месяц, а лишь 75 руб. Спрашивается: что в этих условиях остается делать рабочим? Одно — председателей всех комитетов перевести в служащие и сделать так, чтобы их зарплата определялась не комитетами, а по усмотрению хозяев-рабочих в зависимости от их собственных доходов и от усердия управленцев.

Сегодня главным средством социальной защиты трудящихся является само материальное производство, направленность его не на прибыль и более или менее нормальное воспроизводство стоимости рабочей силы труженика, а непосредственно на удовлетворение его потребностей качественными и в достаточном для этого количестве предметами потребления.

Необходимо прежде всего коренным образом переориентировать производство на пользу рабочих и крестьян. Для этого нужно перевести хозяйственный механизм на потребительстоимостную основу, предполагающую в качестве главных результатов производства не прибыль, а потребительную стоимость, т.е. предметы потребления, предназначенные для непосредственного удовлетворения общественных и личных потребностей. При этом затратами (издержками, вычетами) должны быть признаны стоимость продукта и ее составляющие, в том числе прибыль.

Не увеличение стоимостных показателей, а их уменьшение по мере возрастания массы произведенной продукции будет составлять эффективность производства, работающего на человека труда. Только поменяв местами стоимость и потребительную стоимость, подчинив первую последней, можно

создать действительно антизатратный хозяйственный механизм, служащий благу трудящегося человека.

Долгое время трудящимся неустанно говорили, что социалистическое производство осуществляется во имя наилучшего удовлетворения потребностей, во имя создания условий для всестороннего развития каждого человека. В то же время при проведении реформ, хозяйственных и других мероприятий эта цель каждый раз отодвигалась под тем предлогом, что общество не подготовлено работать во имя лучшего удовлетворения потребностей трудящихся, оно вроде бы больше подготовлено трудиться во имя прибыли. Или, например, провозглашался принцип «экономика должна быть экономной», а наши хозяйственные механизмы, построенные на товарных формах, подгонялись под требование «экономика должна быть прибыльной», хотя известно, что из сэкономленного прошлого или живого труда, т.е. из непримененного труда, никому еще не удавалось получить ни копейки прибыли.

Чтобы производство работало на трудящегося человека, необходимо выполнить требование о том, что всемерное наращивание вклада каждого коллектива в наиболее полное удовлетворение потребностей трудящихся масс должно достигаться при наименьших затратах материальных ресурсов и живого труда (без его деления на необходимый и прибавочный труд). Необходимо сделать такую практику непреложным законом хозяйственной деятельности, основным критерием ее оценки и главным содержанием любых экономических реформ. Только таким образом можно преодолеть существующую практику оценки «результатов» хозяйственной деятельности в рублях валовой стоимости или стоимости чистого продукта, за которыми стоят затраты труда. Только так можно устранить затратные формы хозяйственного расчета, планирование от достигнутого, т.е. освободиться от всего того, что ведет к повышению цен, неудержимой инфляции, к подрыву экономических основ социализма. Социализм и работа на повышение стоимости — несовместимы.

С изъятием стоимостных показателей из оценки результатов хозяйственной деятельности и переводом стоимости в средство учета вычетов (расходов) из них открывается реальная возможность развития экономики на

основе постоянного удешевления предметов потребления и услуг. Сумма снижения цен на выпускаемую продукцию (в зависимости от достижения определенного уровня производительности труда и его экономии) была бы надежным основанием для повышения реальных и номинальных доходов трудящихся, снижения нормы прибавочного продукта и рычагом действительного сокращения управленческого аппарата.

Одновременно появилась бы возможность впервые за последние десятилетия сократить рабочий день, превратив тем самым экономию труда в стимул трудовой деятельности и в средство социального развития труженика и производственного коллектива, поощрять высокопроизводительный труд сокращением рабочего дня коллектива предприятия или отдельных рабочих, превращать экономию труда в форму более продолжительного отпуска или в другие формы по усмотрению самих трудящихся.

Антизатратный хозяйственный механизм превратил бы планирование из деятельности по регулированию затрат, стихийно складывающихся стоимостных пропорций в работу по учету и прогнозированию реальных потребностей общества, поиску оптимальных решений и повышению эффективности производства, повороту его к человеку, социальным проблемам. Перенесение центра тяжести в плановой деятельности на социальную сторону экономики, прогнозирование развития общественных отношений, отношений собственности и распределения — настоятельная необходимость наших дней. Только на этом пути можно преодолеть недостатки существующего планирования, порожденные попытками соединить план не с реальными потребностями людей, а с рынком, отвергающим всякий заранее рассчитываемый потребительский спрос и отдающим решение всех вопросов механизмам стихийной регуляции. Те, кто предлагает заменить план рынком, даже не берут во внимание опыт развитых капиталистических стран, перешедших по примеру социализма с платформы стихийного рынка на методы государственного регулирования и программирования и преодолевших многие коллизии стихии рынка, сопровождающие его периодические финансовые расстройства. Преодоление деформаций сферы распределения, ее переориентация на улучшение жизненного положения трудящихся настоятельно требуют освобождения ее от

подчинения игре цен и галопирующей инфляции. Для этого необходимо, чтобы сумма жизненных средств, присваиваемая трудящимися, определялась не их стоимостью, не тем общественно необходимым трудом, который затрачивается на их производство и представляет эквивалент стоимости рабочей силы, а потребительной стоимостью жизненных средств. Распределение благ, основанное на труде, затраченном на их производство, в лучшем случае способно обеспечить всего лишь возмещение затрат рабочей силы, обычное содержание рабочего, но не его развитие и благосостояние.

Если общество ставит целью не просто воспроизводство затраченных сил рабочего, но развитие трудящегося человека, то количество времени и труда, выделяемых для этого, должно быть необходимым и достаточным (по условиям потребления и потребительной стоимости жизненных благ и средств развития). Только распределение по этому труду, т.е. определяемому условиями потребления (а не производства стоимости), является собственно социалистическим, способствует росту благосостояния трудящихся масс и их развитию. Оно предполагает, что не только необходимый, но и прибавочный продукт с самого начала должен служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для развития их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства.

Из такой потребительностоимостной переориентации распределения следует, что главный путь роста оплаты труда и повышения жизненного уровня трудящихся лежит через рост массы потребительных стоимостей, повышение потребительной, а не стоимостной эффективности производства. Чем больше экономятся труд и материальные ресурсы, тем выше будут доходы (ниже затраты — выше оплата). В предлагаемых условиях хозяйствования доходы рабочих и трудовых коллективов формируются не по объему затрат (как теперь)*, а по экономии рабочего времени в соответствии с коэффициентом эффективности труда — отношением его полезного результата к трудоемкости. Тем самым выводится из игры прибыль как основной рычаг формирования хозрасчетных доходов (первая и вторая формы хозрасчета) предприятия.

Ее место заступает форма работы на себя и на общество, предлагающая постоянное удешевление предметов народного потребления, всех материальных благ и услуг.

* Арендная форма, вводимая вместо неработающих форм хозрасчета, всего лишь прикрывает прямое изъятие ведомствами прибыли (прибавочного продукта) его косвенным отчуждением в виде арендной платы, формально допускающей «добровольное» согласие арендатора платить ведомству или другому аппарату как арендодателю в иной форме. Как видно, арендодатель опять-таки остается реальным хозяином арендатора.

Глава 4

НАДЕЖДА НА ОРГАНИЗОВАННОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ. ЧТО СДЕЛАТЬ?

1. ОЗДОРОВИТЬ ЭКОНОМИКУ: СИСТЕМА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕР

В ноябре 1989 г. в Высшей школе профдвижения им. Н.М. Шверника (ныне Академия труда и социальных отношений) состоялась Всесоюзная научная конференция на тему «Рабочий класс в экономической перестройке», на которой были выработаны основные положения экономической программы, альтернативной рыночной авантюре. С изложением этой программы в том же месяце на экономическом совещании в ЦК КПСС выступил заведующий кафедрой политической экономии ВШПД, доктор экономических наук, профессор А.А. Сергеев. Несмотря на провозглашенные гласность, плюрализм мнений и демократизацию, его выступление, завершившееся под аплодисменты, в печати опубликовано не было. Совещание никакого решения не приняло, но, судя по его итогам, высшее руководство партии и страны отказалось от первоначального намерения опереться в реализации экономической перестройки на широкие круги экономической общественности, найдя эту опору в тех, кто в свое время настойчиво «доказывал», что нет альтернативы «развитому социализму», а теперь с не меньшим упорством утверждает, что нет альтернативы рынку.

В декабре 1989 г. на Центральном телевидении состоялась встреча представителей противоположных программ выхода из экономического кризиса — А.А. Сергеева, М.В. Попова и др. с Г.Х. Поповым, В.А. Тихоновым и их сторонниками. Таким образом, программа мер, альтернативных рыночной авантюре, была обнародована. Противники этой программы фактически не смогли противопоставить ей что-либо действительно серьезное. Однако и после передачи, вышедшей в эфир по второй программе Центрального телевидения 24 декабря 1989 г., в средствах массовой информации продолжала активно развиваться бурная кампания под лозунгом «альтернативы рынку нет».

На первом этапе Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР профессором А.А. Сергеевым программа выхода из кризиса была представлена в качестве альтернативного варианта разделу III Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Она была зарегистрирована секретариатом Учредительного съезда под № 00687 от 22.06.90 и размножена для делегатов. Однако те, кто продолжал настаивать на тезисе «альтернативы рынку нет», или их тайные последователи постарались сделать так, чтобы в печати этот документ не появился.

В июне 1990 г. вышла в свет книга «Альтернатива: выбор пути (перестройка управления и горизонты рынка)». Многим познакомившимся с ней казалось, что уж после этого говорить об отсутствии альтернативной экономической программы будет просто невозможно. В самом деле, хуже всякого слепого тот, кто не хочет видеть, и хуже всякого глухого тот, кто не хочет слышать.

Альтернативная рыночной аванюре программа выхода из экономического кризиса была услышана и воспринята Инициативным съездом коммунистов России и вошла в принятую этим съездом 21 октября 1990 г. «Инициативную коммунистическую программу действий «К возрождению Советской социалистической России!»». В чем суть расхождений между сторонниками противоположных программ? И те и другие вроде бы сходятся на том, что работник должен быть заинтересован в результатах своего труда. Но далее начинаются серьезнейшие расхождения. Скажем, если С. Шаталин считает, что для этого нужен всеобщий переход к частной собственности, то А. Сергеев и его сторонники полагают, что общественная собственность может дать не меньшую, а большую заинтересованность, но, чтобы ее обеспечить, нужна действительно радикальная экономическая реформа, призванная покончить с отчуждением человека-труженика от хода и результатов научно-технического прогресса, снять с него ярмо «наемного работника».

Если проследить логику исторического развития, нельзя не заметить, что капиталистический прогресс начался не с соединения работника со средствами производства, а с отделения его от них. Сегодня ни английский, ни американский, ни японский рабочий не является собственником средств производства, и приобретение незначительной доли акций не делает его

таковым. Путь прогресса не в возвращении к патриархальному соединению работника со средствами производства на базе мелкой частной собственности, что было бы реакционной мерой даже по отношению к капитализму, а в соединении работника со средствами производства на основе общественной собственности, когда она была бы не чуждой работнику, а выступала бы для него индивидуальной собственностью. Проще говоря, надо сделать так, чтобы, больше вкладывая в общественный котел, работники больше из него и получали.

Действительная проблема состоит в том, что наш общественный котел прохудился. Сколько в него ни клади — больше не получишь. Или даже еще хуже — кладут одни, а получают больше другие. Вот и опускаются руки у рабочего и крестьянина, вот уже и не желает на «дядю» работать инженер.

Чтобы на деле поправить ситуацию, надо, во-первых, залатать прохудившийся котел, чтобы плоды труда честных тружеников не уходили из их рук, и, во-вторых, сделать так, чтобы немедленно и непременно с повышением производительности труда улучшалась жизнь каждого, кто это повышение производительности обеспечил. А тогда и экономика станет восприимчивой к научно-техническому прогрессу, на который и должна быть сделана основная ставка. Предпосылками выведения экономики из кризиса и гарантией ее устойчивого развития являются преодоление отчуждения рабочего, трудящегося от научно-технического прогресса и его результатов, восстановление и усиление заинтересованности непосредственных производителей материальных, интеллектуальных, духовных благ в постоянном росте производительности и качества труда.

Система мер, призванных восстановить и усилить истинную заинтересованность работника в результатах его труда и в осуществлении им научно-технического прогресса, составляющая действительно радикальную экономическую реформу, охватывает в органической взаимосвязи как сферу производства, так и сферу использования произведенного продукта, подчиняя весь процесс воспроизводства интересам трудящихся.

Первое, с чего следует начать, причем немедленно, — это перестать перекачивать за границу без соответствующего возмещения плоды труда народов нашей страны, заморозив те договоры с иностранными

государствами, которые являются по существу кабальными, разорительными для СССР, пресечь широкую распродажу новейших видов вооружения, стратегического сырья, предметов первой необходимости, невозполнимых природных ресурсов. До полной газификации деревни и гарантированного обеспечения сельскохозяйственного производства нефтепродуктами приостановить поставки газа и нефти по газо-и нефтепроводам, идущим за пределы страны. Вместо попыток (путем административного нажима и постоянного, целенаправленного шельмования колхозов и совхозов) провести насильственную деколлективизацию деревни, распродажу земли в частную собственность. Сейчас, как никогда раньше, необходимо заботиться об обеспечении сельских тружеников всем необходимым для их жизни, вернуть исторический долг деревне по самому справедливому счету. Принцип должен действовать такой: не указывать крестьянину, как ему жить, а сначала выполнять обязательства перед собственным крестьянством, а уже потом перед иностранным капиталистом. Сейчас пока получается наоборот.

Нужно также остановить процесс обогащения доморощенных обладателей нетрудовых доходов. Трудящиеся сталкиваются с постоянным ростом цен, а правительство тем временем увеличивает процент по вкладам в Сбербанк. Кому же выгодна такая, с позволения сказать, забота, если известно, что только каждый восьмой гражданин СССР имеет сберкнижку, причем половина суммы вкладов в Сбербанк, т.е. 197,5 млрд руб. из 395 млрд, лежит у 3% вкладчиков?¹ Пока эта сумма находилась на 3%-ных вкладах, их владельцам выплачивалось свыше 5 млрд руб., и на обеспечение этих процентов страна должна была работать примерно 3 дня в году. Теперь же — при 9%-ных — 15 млрд руб., миллионер получит уже не 30 тыс. руб. в год, а от 40 до 90 тыс., причем не облагаемых никакими налогами. Прекратить такое обогащение обогатившихся можно довольно просто — ликвидировав процент на крупные вклады в Сбербанк. Достаточно уже того, что сберкассы избавляют владельцев значительных сумм от общения с рэкетирами.

Существенную роль в перекрытии каналов нечестного обогащения мог бы сыграть и перевод анонимных вкладов на предъявителя, скажем, в Детский или в какой-то аналогичный фонд. Нужно установить действенный прогрессивный налог на наследство, освободив от всякого налога наследство в

сумме примерно до 20 тыс. руб. Но прежде всего, и это самое главное, надо помочь владельцам нетрудовых доходов вообще от них освободиться.

В ходе осуществления денежной реформы, сведенной к обмену 100- и 50-рублевых купюр, это сделано совершенно недостаточно, причем власти не смогли, не сумели или не захотели провести ее так, чтобы не затрагивать интересы честных тружеников, а изымать лишь то, что добыто нетрудовым путем. А ведь предлагалось произвести обмен денежных знаков таким образом, чтобы все старые обменивались один к одному на новые без всякого ограничения в сумме до 10 тыс. руб. и лишь сверх этой суммы — также один к одному, но по предъявлении декларации о доходах. Осуществленная реформа не сделала главного — не изъяла основной массы нетрудовых денег, в том числе сосредоточенных на вкладах в Сбербанке у крупных и средних дельцов теневого бизнеса. Вот почему нужен второй этап денежной реформы*.

На втором этапе денежной реформы предлагается для каждого вкладчика установить только одну сберкнижку и переоформить все вклады в сумме свыше, скажем, 10 тыс. руб. на основе предъявления декларации о доходах, оставив на счетах только ту сумму, трудовое происхождение которой не вызывает сомнений. В результате из денежного оборота будут дополнительно изъяты подрывающие его порядка 150 млрд руб., которые наряду с золотом, драгоценностями, недвижимостью сосредоточены в руках дельцов теневой экономики.

Поскольку речь идет о теневом капитале, он обязательно находится не только в производительной, товарной, но и в денежной форме, главным образом на счетах в Сбербанке, и вот эта третья доля должна быть изъята в ходе денежной реформы. Это нарушит оборот теневого капитала и подорвет его могущество. В противном случае ту самую сумму, которая не будет изъята у теневигов, последние с помощью повышения цен изымут у нас, трудящихся, и уже начали изымать. Так что тот, кто выступает сегодня против проведения

* Кстати, в ФРГ на территории бывшей ГДР денежная реформа была в 1990 г. проведена решительно, последовательно и системно. Обмену подлежало не более 5 тыс. марок на каждого, и только через вклад в сберкассу, одновременно вдвое была снижена стоимость оборотных фондов предприятий, все денежные знаки заменены.

в полном объеме денежной реформы, пугает ею, по сути дела выступает за то, чтобы деньги были отняты у людей труда.

Особенно возмущаются владельцы теневого капитала: как, дескать, вы докажете, что эти деньги, на которые я не могу предъявить декларацию и объяснить их происхождение, нетрудовые? Но если это будет доказано, можно ответить им, вам дадут уже не 10 тыс. руб., а десять лет. В том-то и дело, что денежная реформа — мера не юридическая и вовсе не требует проведения судов и следствий. Изымая из обращения нетрудовые доходы, она позволяет, не обвиняя кого-либо лично, подрвать могущество криминальной буржуазии, ослабить ее влияние на все общественные сферы, которое сейчас ощущается особенно явно и сильно.

Поскольку одним из важных каналов перекачивания безналичных денег в наличные служат особые условия хозяйствования кооперативов, постольку еще одной мерой является перекрытие этих каналов и постановка кооперативов и государственных предприятий в равные условия хозяйствования — по ценам на сырье и полуфабрикаты, на производимую продукцию и по доле отчислений от создаваемого дохода. Сегодня с работника государственного предприятия берут примерно 70% созданного им дохода, а с работника кооператива — от 5 до 30%. За одну и ту же работу один, следовательно, получает 300, а другой 700 руб. Таким способом подрывается сама основа государственных предприятий. С них уже ушли и продолжают уходить работники, без которых предприятия нормально функционировать не могут. «Цивилизованные» кооператоры вытягивают из госсектора соки, как грибы-паразиты. Возник и развивается антагонизм между представителями государственного и кооперативного секторов: кооператорам, играющим на дефиците, тем лучше, чем хуже работают государственные предприятия. Упорно насаждаемая «сверху» приватизация способна лишь завершить добивание государственных предприятий.

Постановка в равные условия работников государственных предприятий и кооперативов — это мера, не требующая каких бы то ни было средств, в то же время она способна сразу улучшить положение в экономике. Противятся ее осуществлению только те, кто задался целью разрушить крупное производство, кто экономически или идейно связан с кооперативным по

форме сектором, оказавшимся на поверку в преобладающей доле отнюдь не кооперативным. Ведь законом о кооперации легализованы не только частные предприятия, создаваемые под видом кооперативов, но и частнокапиталистические: официально разрешается нанимать по договору работников, не являющихся членами кооператива, и ничто не мешает их эксплуатировать. Под крики о высоком налогообложении этих хозяйств основная масса дохода перекачивается в «зарплату» членов кооперативов, так что прибыль при этом может оказаться и не очень большой. Поэтому в равные условия кооперативы и госпредприятия надо поставить по доле отчислений не от прибыли, а от дохода, который, как известно, включает в себя и заработную плату. Почему этого не делают наши демократические парламентарии? То ли плохо разбираются в азах политэкономии, то ли увлечены самим процессом законотворчества и не видят его результатов, то ли заинтересованы в таком повороте событий в стране, когда переодетый под кооперативный частнокапиталистический сектор пожирает государственный.

То обстоятельство, что частные и частнокапиталистические предприятия скрываются под названием кооперативов, сути дела не меняет. При проведении экономической реформы не столь уж и важно устанавливать каждый раз, выдает ли себя то или иное предприятие за кооперативное или это на самом деле кооператив, является ли оно социалистическим кооперативом, частным или частнокапиталистическим хозяйством с наемным трудом. Как только кооперативные и государственные предприятия будут поставлены в равные экономические условия, сразу же начнут самозакрывать и самораспускаться псевдокооперативы и останутся только те, члены которых имеют лучшие результаты за счет не спекуляции или других форм присвоения чужого труда, а лучшей организации производства и высококачественного труда своих членов. Но почему сегодня эта очевидно разумная мера не осуществляется? Не потому ли, что в органах власти преобладающее большинство у тех, кто заботится не о простых тружениках, а о лицах, паразитирующих на их труде?

Одним из самых опасных антистимулов роста производительности труда рабочих является господствующая до сих пор практика понижения расценок и повышения норм без опережающих изменений в техническом

переоснащении рабочих мест. Эта явно негодная практика отбивает у рабочих стремление к повышению выработки, делает их незаинтересованными в улучшении организации труда, во внедрении новой техники и технологии. Поэтому давно назревшей мерой является прекращение такой порочной практики. Безусловно, требуется также исключить понижение тарифных разрядов, унижающее и оскорбляющее рабочего, убивающее у него стимул к самосовершенствованию.

Еще одной мерой, осуществление которой совершило бы настоящий переворот в отношении к производству десятков миллионов трудящихся, является предоставление трудовым коллективам права нанимать администрацию с оплатой ее услуг в зависимости от заработка членов коллектива. Это позволит устранить одну из главных причин кризиса, которая, как было показано, сыграла чрезвычайно негативную роль. Как показывает практика предприятий, коллективы которых оплачивают услуги администрации в зависимости от заработка рабочих, это дает возможность не только снизить расходы на содержание органов хозяйственного управления, но и преодолеть отрыв администрации от рабочих, оставляя для всех единственную возможность улучшить свое положение – за счет осуществления научно-технического прогресса и повышения на этой основе производительности труда.

Повернуть работников лицом к научно-техническому прогрессу способно, например, поощрение за повышение производительности труда сокращением рабочего времени, вводимое самими трудовыми коллективами. По их усмотрению сэкономленное в результате снижения трудоемкости продукции время может быть использовано для увеличения продолжительности очередного отпуска, сокращения рабочего дня или для выпуска дополнительной продукции, но при оплате в сэкономленное время вдвойне, как за сверхурочную работу, чтобы можно было при необходимости получить дополнительный заработок на рабочем месте, а не «искать счастья» на стороне, в кооперативе.

Сегодня, когда потребительский рынок разбалансирован и денежное поощрение во многом перестало быть материальным стимулом (что можно купить на эти деньги?!), ввод в действие поощрений сэкономленным рабочим

временем входит в разряд ключевых. Сокращение рабочего времени, обусловленное повышением производительности труда, не затрагивает связи предприятия с получателями продукции, не ухудшает финансового положения предприятия и потому может применяться немедленно и безусловно. Попробуйте установить такое правило, чтобы коллектив, добившийся в данном году роста производительности труда на 7%, имел на будущий год рабочий день на 1 час короче с правом перераспределения по своему усмотрению дополнительно полученного времени, и вы увидите, какие резервы и как быстро будут приведены в действие, как потянется коллектив за внедрением новой техники и технологии. Пять часов в неделю — это 250 часов в год, или дополнительно 31 день к отпуску! Это действительно сильное материальное поощрение. Но оно не используется потому, что не позволяет пресловутая прибыль, заставляющая любую экономию превращать в дополнительные продукты для новых чиновников, которые будут сидеть за новыми столами. Что с предприятия убыло, то в надстройку прибыло! Прибыль вытягивает всю экономию с предприятий, подрывая тем самым стимулы ко всякой дальнейшей экономии. Сэкономленное же рабочее время, оставленное трудящимися для себя непосредственно в виде свободного времени, выкачать «наверх» невозможно.

Поощрение сэкономленным рабочим временем, увеличивая время для развития работников, способно не только дать немедленный толчок росту производительности труда, но и обеспечить постоянную, устойчивую заинтересованность в осуществлении научно-технического прогресса, поскольку позволяет стать обладателем главного из его плодов — дополнительного свободного времени. Перечисленные меры, однако, находятся в противоречии с ориентацией производства на прибыль. Чтобы разрешить это противоречие, требуется осуществить такую кардинальную меру, как изменение ориентации хозрасчета предприятий с прибыли на снижение цен и экономию труда.

Работников предприятий, выпускающих предметы потребления, предлагается материально поощрять в зависимости от суммарной величины снижения цен на произведенную продукцию, а предприятий, выпускающих средства производства, — в зависимости от экономии труда, полученной от

применения произведенной ими техники. Когда переход к этим показателям хозрасчета как целевым будет осуществлен, трудовые коллективы будут заинтересованы не в том, чтобы производить как можно меньше продукции и как можно более дорогой, а в том, чтобы производить как можно больше продукции и как можно более дешевой или дающей наибольшую экономию общественного труда. Это и будет означать перевод хозрасчета на потребительностоимостные основы.

Необходимо считаться с тем, что в нашей экономике 24 млн продуктов, и, если предприятия не сделать материально заинтересованными в понижении цен, если снижение цен не сделать главным, целевым показателем хозрасчета, от которого рассчитываются все фонды поощрения, нечего и думать о стабилизации цен, прежде всего на продукцию, идущую в село, и тем более об осуществлении их понижения. И напротив, если коллективам будут платить значительные премии не за повышение, а за понижение цен, никто и ничем не остановит общего потока снижения их уровня. Тогда можно будет подумать и о дополнительных средствах стимулирования понижения цен в зависимости от нормативно заданной динамики, их уменьшения соответственно росту производительности труда и снижения трудоемкости продукции. Сейчас же главное — во всей системе хозрасчетного стимулирования на место прибыли поставить для предприятий группы «Б» суммарное снижение цен на весь объем выпущенной продукции, а для предприятий группы «А» — суммарную экономию от применения выпущенной ими техники.

Общая заинтересованность в понижении цен и экономии труда с распределением эффекта между производителями и потребителями сделает экономику восприимчивой к научно-техническому прогрессу, а это основное для вывода ее из кризиса и обеспечения ее устойчивого развития.

Конечно, повышать цены просто, но снижать — нелегко. Для этого надо укреплять дисциплину, улучшать организацию труда, устанавливать режим экономии, применять научно-технические достижения. Чтобы вводимая как показатель хозрасчета общая сумма снижения цен была больше, необходимо расширять масштабы производства, что в свою очередь даст возможность шире использовать новые технологии, снижать себестоимость предметов потребления. Одна часть этого снижения пойдет на поощрение трудового

коллектива, а другая будет передаваться потребителям в виде снижения цен. Существенно то, что полученная экономия не будет уходить наверх, якобы в общий котел, из которого потом одни черпают ковшами, а другие — лишь чайными ложками, а то и вилками. Она будет делиться между коллективом производителей и покупателями его продукции. При такой организации цены смогут стать зеркалом снижения трудоемкости, роста производительности труда, имея тенденцию к понижению, а не к повышению, как сейчас.

Поощрение производителей техники, в том числе сельскохозяйственной, в зависимости от той реальной экономии, которую дает ее применение, позволяет выплачивать крупные суммы премий ученым, конструкторам, инженерам, рабочим, но не от расчетной обещанной, а от фактически полученной экономии. И пусть они получают много и даже очень много, но за счет действительного обогащения общества, а не за счет его разорения, как теперь, когда в погоне за прибылью увеличивается цена техники, и она становится недоступной для потребителей.

Нельзя, однако, ограничиться лишь стимулированием НТП. Требуется также планомерное перевооружение предприятий такой техникой, которая экономит больше труда, чем пошло на ее производство, с доведением цикла обновления до 7 — 10 лет. Иначе заинтересованность в научно-техническом прогрессе останется всего лишь пустой декларацией, а реальных изменений в технике и технологии производства не произойдет. Иначе говоря, нужно, чтобы из 100 предприятий постоянно лишь 80 осуществляли выпуск продукции, а 20 были закрыты на реконструкцию. И если реконструкция будет вестись 2 года (а планомерная организация это позволяет), то можно будет через каждые 10 лет полностью обновлять весь парк оборудования. У нас сейчас цикл обновления около 40 лет, парк стареет. И в этом прежде всего материальная основа кризиса, который бьет по работающим не только в переносном, но и в буквальном смысле. Ведь старая техника — источник травматизма. Достаточно сказать, что ежедневно в нашей стране на своих рабочих местах 2333 трудящихся получают производственные травмы различной степени тяжести, 66 человек становятся инвалидами труда, еще 33 получают статус инвалидов по профзаболеваниям, а 47 человек ежедневно погибают у станка². Так что вопрос о планомерном техническом

первооружении наших предприятий — это воистину вопрос жизни и смерти не только для экономики в целом, но и для первой производительной силы — рабочего, трудящегося.

Уповать на то, что предприятия, пользуясь своей самостоятельностью, полностью обновят себя сами, — значит не считаться ни с возможностями предприятий, ни с масштабами производства, ни с современными требованиями к технике и технологии, отработка которых должна быть делом не только отдельных предприятий, но и всего общества, государства, имеющих в своем распоряжении соответствующие академические и отраслевые институты, лаборатории, конструкторские бюро и способных вести перевооружение на уровне современных требований.

Вот почему, исходя из требований реконструкции, перевооружения, необходимо выделить в структуре экономики, науки, техники и образования стратегический эшелон централизованного осуществления научно-технического прогресса, построенный и управляемый по типу капиталистической монополии, использовать его для освоения высококачественной продукции, удовлетворяющей новые потребности, для повышения производительности труда в народном хозяйстве за счет внедрения новой техники и технологии. При этом надо полнее учесть опыт современных капиталистических государств. В Японии, например, 65 — 70% расходов на научные исследования финансируется государством, в США ежегодно 300 млрд долл. расходуется на централизованное осуществление научно-технического прогресса, 92% номенклатуры производимой продукции проходит через федеральную контрактную систему. У нас же всерьез верят сказкам о свободном рынке, который якобы там есть.

Для того чтобы научно-технический прогресс шел не вслепую, чтобы заранее просчитывались его результаты, чтобы каждый трудящийся знал, какое облегчение труда, какое улучшение жизни принесет совместная деятельность по внедрению новой техники и технологии, необходимо осуществлять гласную разработку и планомерную реализацию единой программы социально-экономического развития страны, поставив тем самым под контроль трудящихся определение судеб нынешнего и будущих поколений. К сожалению, сейчас гласность простирается в прошлое, немного касается

настоящего и почти совсем не затрагивает будущего. Создается впечатление, будто огромная страна движется ощупью, методом «проб и ошибок», а в последнее время, думается, скорее методом только ошибок, причем ползучий эмпиризм провозглашен чуть ли не последним словом социального управления.

При разработке программы социально-экономического развития главное — понимать то ключевое значение, которое для свободного развития всех членов общества имеет наряду с ростом материальных благ увеличение их свободного времени. Не высвобождение работников из материальной сферы, увольнения, сокращения и т.п., а высвобождение рабочего времени и превращение его в свободное — вот магистральный путь уничтожения всякого социального неравенства на базе всеобщего развития.

Сейчас это движение идет скорее в противоположном направлении. Если представить совокупность работников производительной сферы в виде ножки гриба, а совокупность работников непроизводственных отраслей и надстройки — в виде его шляпки, то ножка становится все тоньше, а шляпка — все больше, гриб начинает крениться и грозит сломаться. Почти весь рост производительности труда поглощается непроизводительной сферой. Если с 1917 по 1961 год рабочая неделя сократилась в промышленности на 18 час, то с 1961 г. по настоящее время — всего на 12 мин. Это значит, что в течение 30 лет непосредственные производители материальных благ не получают больше времени для своего свободного развития, а в этом-то и состоит застой. Понятно, что сколько бы ни прибавлялось у нас книг, газет, теле- и радиоканалов, сколько бы ни говорилось и ни писалось об обновлении, но, если у простого труженика не прибавляется времени для пользования духовными богатствами и участия в управлении, его духовное и политическое развитие останавливается и узурпируется той частью общества, которая захватила свободное время и продолжает присваивать все новые и новые его порции, донельзя обирая создателей материальных благ. Поэтому застой не только не прекращается, но неминуемо переходит в кризис, появляются безработные, которые вообще лишены возможностей для какого-либо развития.

Бесконечно так продолжаться не может. Бастуя или не повышая своей производительности, рабочие выражают таким образом свой протест против

отчуждения их от условий для их свободного развития. Но ведь еще в Программе РКП (б) было записано: «В дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделить два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству»³. Правомерен вопрос: намерено ли общество идти к реализации этого семидесятилетней давности требования, отразившего глубинные интересы людей труда? Ведь это требование остается актуальным для наших дней, и, даже более того, его актуальность возрастает.

Наконец, вместо приватизации, ликвидирующей основу экономической и политической власти трудящихся, необходимо осуществить последовательную советизацию экономики, передав управление всей хозяйственной жизнью избираемым через коллективы Советам трудящихся, и на этой основе обеспечить преодоление наемного характера труда. Сегодня это назревшая объективная потребность, и игнорировать ее было бы непростительно.

Реализация такой экономической реформы позволит обеспечить полную занятость, вселить в каждого человека уверенность в завтрашнем дне, осуществить быстрый подъем реальных доходов трудящихся путем снижения цен, роста заработной платы и общественных фондов потребления, включая жилье, медицину, образование, наконец, приведет к увеличению свободного времени как времени для свободного развития. Освобожденная от искажений и деформаций, способная к раскрытию своих преимуществ, динамично развивающаяся, социалистическая экономика составит надежную основу действительно духовного и социально-политического прогресса советского народа. Она позволит последовательно проводить курс на свободное развитие всех членов общества, а не только слоя избранных, обогатившихся в годы «застоя», захвативших ключевые посты в «парламентах» и пытающихся заставить экономику работать на свое дальнейшее обогащение за счет ограбления большинства народа.

Предлагаемая реформа является действительно радикальной, поскольку не продолжает, не усиливает и не оформляет тех негативных тенденций,

которые имели место и в доперестроечный период, а на деле поворачивает экономику к нуждам людей труда, ставя ее на прочные рельсы научно-технического прогресса, делая труженика не только участником и творцом, но и хозяином плодов, результатов научно-технического развития.

Кто же осуществит такую экономическую реформу, являющуюся альтернативой рыночной авантюре? Можно ли в этом плане надеяться на нынешние органы власти, представители которых в большинстве своем только делают вид, будто не знают альтернативы проводимому ими курсу на обогащение немногих за счет большинства? Можно ли надеяться на обещанную ими социальную защиту от того курса, который они сами же и осуществляют? Могут ли трудящиеся рассчитывать на то, что нынешние представители власти, которые творят такие новые законы, что им самим тут же приходится разрабатывать и средства защиты от них человека труда, будут всегда исходить только из интересов трудового народа? Достаточно так поставить вопросы, и становятся ясными ответы: невозможно, не могут! Защита трудящихся есть дело самих трудящихся. Чтобы вести дело в своих интересах, людям труда нужна такая власть, которая была бы подконтрольна только им и служила бы их нуждам. Вопрос об экономической реформе поэтому закономерно упирается в вопрос о возрождении провозглашенной нашей Конституцией Советской власти.

2. ВОЗРОДИТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Мы поступили бы крайне опрометчиво, если бы свели разговор о нынешнем кризисе нашего общества только к экономическим проблемам. Сегодня уже ни для одного здравомыслящего человека не секрет, что налицо и кризис политической системы, кризис власти. Но обращаться к анализу этой стороны кризисных явлений приходится с особым вниманием и осторожностью по следующим причинам. Во-первых, потому, что даже самые аккуратные и взвешенные суждения о власти всегда воспринимались и воспринимаются в штыки и представителями власти, и теми, чьи интересы они в первую очередь — не на словах, а на деле — выражают и защищают. Тому бесчисленное множество примеров в практике последних дней, особенно в работе средств массовой информации. Во-вторых, уже принято столько новых правовых актов, что на их основании практически любое слово

критики в адрес тех или иных органов власти или их конкретных представителей начинают сверять не с Советской Конституцией, а с теми актами, которые уже вступили с ней в противоречие. Сознавая всю глубину ответственности за каждое слово, тем не менее рискнем начать этот большой и трудный разговор как ученые-обществоведы, как коммунисты, заранее понимая, что с нашими идеями и рекомендациями можно спорить, не соглашаться.

На наш взгляд, политическая причина кризиса, охватившего общество, состоит в том, что в стране вот уже более полувека отсутствует подконтрольная трудящимся, избираемая через трудовые коллективы власть. Отзыв депутатов практически невозможен, и они, попав в «парламенты», отрываются от народа, забывают о его нуждах, проводят политику, чуждую его интересам.

Переход еще в середине 30-х годов к характерным для буржуазного парламентаризма выборам по территориальным округам означал «тихое» устранение Советской власти. С тех пор одни выдвигают, другие избирают, а третьи расставляют по территориальным округам тех, кого «нужно» избрать. Долгое время этим занималась КПСС, но потом она без особой борьбы стала уступать власть своим политическим оппонентам и теперь помогает им укрепиться и забрать у трудящихся всю власть. При молчаливом согласии многих руководителей КПСС законодательные органы не только по форме, но и по сути превратились в антиконституционные органы парламентского типа, приспособленные для закрепления буржуазных тенденций лучше, чем для выражения и отстаивания интересов людей труда. Современная «перестроечная» действительность характеризуется тем, что под лозунгом перехода к парламентской демократии рядовые трудящиеся все более оттесняются от политической власти, а под знаком движения к рыночной экономике и от власти экономической. Если раньше в органах власти их не было слышно, то теперь их и не видно. Вопросы по существу решаются за их спиной, договоры заключаются им в ущерб, и, хотя, например, вздутые цены называют договорными, все знают, что трудящиеся о таких ценах не договаривались. Их вообще никто не спрашивал.

Как во всех «цивилизованных» странах, наш парламент больше служит не трудящимся, а тем, кто живет за их счет. И смешны те простые труженики, которые думают победить на следующих территориальных выборах. Если и при выборах через трудовые коллективы нет абсолютных гарантий, что большинство получают представители трудящихся, то парламентские выборы устроены так, что гарантируют приход к власти богатых и имеющих свободное время, трудящиеся же и их действительные представители всегда были и будут в парламенте в незначительном меньшинстве. Конечно, отдельные отклонения от этого правила возможны в исключительных условиях (страны народной демократии в первые послевоенные годы), но они имеют временный характер, поскольку неподконтрольность парламентов трудящимся, их оторванность от трудовых коллективов рано или поздно дают о себе знать. Парламентская власть долго быть властью трудящихся не может.

И история, и теория подтверждают, что смысл парламентской демократии заключается в том, чтобы предоставить трудящимся право один раз в пять лет решать, кто из представителей обирающих их имущих классов будет заседать в парламенте и использовать государственную машину для их подавления. И если сегодня наши парламентарии сулят нам повышение цен, безработицу, лишение всех социальных завоеваний, то это вовсе не удивительно — парламент есть парламент. Наш парламент отличается от западных лишь тем, что быстрее приобретает парламентские болезни, вроде «парламентского кретинизма», чем умение квалифицированно вести дела в своем государстве. Складывается впечатление, будто наши парламентарии, естественно, не заботясь о нуждах собственного народа, и об интересах буржуазии-то своей заботятся меньше, чем о выгодах иностранных бизнесменов, ведя дело к расчленению Союза и превращению его в совокупность зон, открытых для так называемого свободного предпринимательства, а по сути для империалистического грабежа. Трудящимся же по испытанным в Чили, Польше и других странах рецептам готовят шоковую терапию, делая сначала хуже, а потом еще хуже.

Так что, если вдуматься, Советской власти у нас по сути дела уже нет, а слово «Советы» как название для заменивших Советы парламентов пока еще осталось. Но вот уже и слово «Советы» постепенно начало изгоняться из

политического лексикона. Парламенты некоторых союзных и автономных республик уже с ним расстались, соответствующий проект подготовлен и для России. Так, Г.Х. Попов вообще занялся антиконституционной деятельностью — от лица «демократов» потребовал ликвидации Советов, их десоветизации. Так не пора ли уже и всерьез задуматься о судьбах Советской власти в нашей стране, перестать следовать известной поговорке «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится»? Гром-то уже вовсю гремит. С вопросом о власти надо разобраться основательно и твердо решить, за какую же мы в конце концов власть, какую власть нам надо строить, поддерживать, усиливать и развивать. Поймем ли наконец, что всеохватный кризис наступил у нас вовсе не по причине наличия власти Советов, а по причине ее длительного отсутствия и что для выхода из кризиса необходимо воссоздать конституционно провозглашенную Советскую власть?

Советская власть в отличие от парламентской возникла не по велению сверху, явилась на свет не в результате избирательного закона, а родилась снизу, самочинно, по инициативе самих трудящихся. Иваново-вознесенские ткачи, конечно, были менее грамотны, чем нынешние трудящиеся, но не настолько забиты, чтобы ждать улучшения своей жизни от царя или от проводимых им и его чиновниками очередных реформ на вершине государственной пирамиды. Они избрали на предприятиях своих депутатов, эти депутаты собрались вместе и образовали Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов как провозвестник будущей власти трудящихся — Советской власти. Это было в 1905 г. В течение этого года в России возникли и действовали 55 Советов, очень беспокоившие царя, «отцов народа», официальную печать. А в 1917 г. Советы стали возникать вновь и действовать повсеместно.

Как избирали в Советы? Ясно, что снизу организовать и провести выборы возможно только через трудовые коллективы. Но когда впервые избирали, о кандидатах поначалу тоже судили больше по словам, чем по делам. И среди делегатов Первого съезда Советов, собравшегося в июне 1917 г. в Петрограде, в большинстве оказались эсеры и меньшевики. А вот далее проявило себя принципиальное отличие Советов от парламентов. Парламент — от французского слова «парле» (говорить). Избрали говорунов, и уж никак

с ними не расстанешься. Попробуй кого-нибудь отозвать, собрать избирателей территориального округа. Право есть — возможности нет. Так что надо ждать новых выборов для избрания новых говорунов. Совет, если это действительно Совет, — другое дело. Он по природе своей избирается через трудовые коллективы. А коллективы трудятся постоянно и собраться для отзыва не оправдавших доверия депутатов могут практически в любой рабочий день. Единую кампанию по выборам в Советы вообще можно провести всего один раз, а потом постоянно отзывать и заменять в любое время тех, кто не отвечает интересам трудовых коллективов, постоянно совершенствовать состав Совета, и делать это не сверху, а снизу, по воле самих трудящихся. Раз в любой момент и любого депутата можно отозвать и заменить, постепенно в Совете сконцентрируются действительные защитники и проводники интересов трудящихся, а не болтуны и краснобаи. Так, собственно, и произошло в течение нескольких летних месяцев 1917 г. Уже к осени в Советах большинство получили большевики.

Тогда же одновременно с выборами и перевыборами Советов, которые проходили через коллективы по инициативе самих трудящихся, понявших, что им нечего ждать от Временного правительства, шло избрание депутатов Учредительного собрания, т.е. российского парламента, шло, разумеется, не по трудовым коллективам, а по территориальным округам. И результат был соответствующий—среди депутатов Учредительного собрания преобладали эсеры и меньшевики. Во всяком случае в 1917 г. трудящиеся не ждали, пока Учредительное собрание соберется, не требовали они и свержения Временного правительства, пока Советы не набрали силу и не стали фактически второй властью. Конечно, строить власть снизу — это гораздо труднее, чем кричать «долой!». Можно прогнать одних, других — но что взамен? Безвластие даже хуже буржуазной власти. Вот почему вопрос состоял не в том, чтобы прогнать Временное правительство, а в том, чтобы организовать и укрепиться как власти трудящихся, создав свои Советы. Позднее Советская власть была закреплена уже конституционно.

Известно, что, если власть строится снизу, она зарождается не везде и не сразу, а местами и в разное время. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов был сначала сформирован представителями лишь некоторых

фабрик и заводов, воинских частей. Но уже первым своим приказом он призвал на всех фабриках и заводах, в ротах и на судах избирать комитеты и направлять их представителей в Петроградский Совет. И когда это было сделано, Петросовет стал политической силой, способной осуществить передачу власти от Временного правительства Второму Всероссийскому съезду Советов.

Приняв декреты «О земле», «О мире», «О рабочем контроле», Советская власть привлекла на свою сторону громадное большинство трудящихся, стала их властью. Собравшееся в январе 1918 г. Учредительное собрание запоздало с решением вопроса о власти. Ему было предложено признать Советскую власть и одобрить ее основные декреты, что Учредительное собрание, буржуазное по своей политической физиономии, сделать отказалось. Тогда оно было распущено, и вроде бы утвердилась Советская власть.

Однако история преподнесла нам большой сюрприз. Советы как органы, которые «создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»⁴, как власть, ему всецело подконтрольная благодаря простоте и легкости отзыва, тем не менее оказались сильно поколебленными при первой же псевдодемократической волне, накатившейся на страну в середине 30-х годов. Трудящиеся нашли, открыли, создали свою власть, но, передоверившись верхам, не смогли ее удержать.

А ведь казалось, что Советы утвердились всерьез и надолго и что отомрут лишь вместе с отмиранием всякого государства, когда все трудящиеся пройдут школу управления, когда социальное неравенство исчезнет, а вместе с ним исчезнет и необходимость охранять это неравенство. Казалось бы, партия большевиков должна была усвоить, в чем характерные особенности и преимущества Советов перед парламентской демократией, особенно после тех дискуссий, которые вел с лидерами II Интернационала В.И. Ленин, после того как во II Программе РКП (б) было записано, что «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)»⁵. Однако желание сделать все, «как в цивилизованных странах», которое охватывает тех, кто, по-видимому, считает свою Родину страной дикарей,

оказалось даже для руководства партии выше партийной Программы. Ленинская Программа РКП (б), которая официально действовала у нас до XXII съезда КПСС (1961 г.), была по коренному вопросу — вопросу о власти — проигнорирована уже в середине 30-х годов, переход к парламентской системе выборов по территориальным округам состоялся сразу после принятия самой «демократической» Конституции СССР 1936 г.

Не потому ли нынешние демократические парламентарии особенно не ругают сталинскую Конституцию? Что только ни пишется и ни говорится о сталинизме, но при этом самым тщательным образом обходится действительно самое крупное и имевшее самые тяжелые последствия для страны отступление Сталина от ленинизма. Уж кто-кто, а Сталин, прекрасно знавший почти все ленинские произведения и программу правящей в стране партии, не мог не отдавать себе отчет в том, какое значение придавал В.И. Ленин вопросу о характере выборов в Советы. Еще в черновом наброске проекта Программы РКП (б) он писал: «Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производительными — экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования⁶. В Тезисах к докладу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коммунистического Интернационала В.И. Ленин подчеркивал: «Советская власть... построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика»⁷.

В проекте Программы РКП (б) В.И. Ленин сперва дает следующую формулировку: «Первичной избирательной единицей и основной ячейкой государственного строительства является, при Советской власти, не территориальный округ, а экономическая, производственная единица (завод, фабрика)»⁸, а затем ту, которая прямо указывает на Советскую Конституцию: «Советская Конституция сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)».

Так что в этом вопросе ревизия Сталиным и его окружением ленинского понимания Советской власти налицо, но вот тут-то наши отважные «демократы» хранят гробовое молчание.

В середине 30-х годов, когда свершился переход к избранию депутатов по территориальным округам, органы власти были отрезаны от своих корней — трудовых коллективов, перестали быть подконтрольными трудящимся, и дерево власти трудящихся стало усыхать. Прекратилось самодеятельное, инициативное формирование и переформирование законодательных органов, практически невозможным стал отзыв депутатов. Что бы теперь ни делали органы власти, поправить их снизу стало делом неосуществимым. Влияние на дела в государстве можно было оказать только через партию, ячейки которой имелись в трудовых коллективах. Но бесконтрольность правящей партии привела к тому, что ее верхи стали использовать государственную власть для борьбы с негодными коммунистами. А карьеристы пролезли в партию и стали продвигаться вверх. Нарушения и злоупотребления, от которых ни одна государственная власть не застрахована, стали нарастать.

К середине 70-х годов процесс зашел так далеко, что само слово «трудящийся» стало смущать верхушку КПСС. По Конституции СССР 1977 г. органы власти перестали называться Советами депутатов трудящихся, хотя, как отмечалось, по характеру своего избрания они перестали быть таковыми еще в середине 30-х годов. Законодательные органы были объявлены Советами народных депутатов. А кого надо прибавить к трудящимся, чтобы получился народ? Нетрудящихся, в том числе тунеядцев. И вот эти нетрудящиеся, нетрудовые элементы и стали поворачивать в свою сторону государственную власть, объявившую себя вслед за партией общенародной и тем самым замаскировав подлинных держателей власти. Это оказалось на руку новой буржуазии, спекулянтам и другим темным элементам.

«Развивая» брежневскую Конституцию, закрепившую идею общенародного государства, наши псевдодемократы добились выборов от общественных организаций на гребне новой «демократической» волны. А уж ничего более недемократичного, чем выборы от общественных организаций, казалось бы, и придумать нельзя. Третью часть членов высшего органа власти — Съезда народных депутатов СССР — воспользовалась этой привилегией на

власть. Многие из них хорошо понимают, кому обязаны своим пребыванием в высшем органе власти, и чувствуют себя в долгу перед теми, кто провел этот пункт о выборах от общественных организаций. Ожидать от них борьбы с привилегиями было бы просто смешно. И уж никак они не чувствуют себя обязанными по отношению к трудовым коллективам. Одни верой и правдой служат филателистам, другие — друзьям кино, третьи — КПСС, как будто представители народа должны служить партии, а не партия народу. Надо ли удивляться тому, что теперь через Коммунистическую партию влияют на власть не трудовые коллективы, а высшие органы власти, оторвавшиеся от трудящихся, делая эту партию заложницей противоречащих интересам трудящихся политических решений.

После XIX Всесоюзной конференции КПСС под флагом обновления все органы власти сверху донизу были перестроены по сути в духе буржуазного парламентаризма и оказались в итоге внутренне готовыми к тому, чтобы вести тот курс, в результате осуществления которого немногие обогащаются за счет громадного большинства народа. Соответствующие решения, как было показано, уже приняты — дело за проведением их в жизнь. Народ противится, поэтому некоторые депутаты хотят призвать его к порядку, наведя этот порядок железной рукой. Вот почему спешно усиливается исполнительная власть. Курсу на приватизацию мешает коммунистическая партия — ее подвергают шельмованию. Армия не желает быть дубинкой в руках приватизаторов — ее травят.

Значительная часть трудящихся еще выжидает, но наиболее сознательные уже понимают, что такое развитие событий в конце концов может привести к буржуазной диктатуре и гражданской войне. Трудящимися все больше овладевает идея воссоздания «снизу», инициативным путем, конституционно провозглашенной Советской власти, тем более что все не запрещенное законом теперь разрешено. Растет осознание того, что это единственно правильный, требуемый самой логикой развития нашего общества выход из политического кризиса и что только посредством Советской власти, коренящейся в трудовых коллективах и им подконтрольной, возможно осуществление курса на свободное развитие всех членов общества, а не только слоя избранных.

К аналогичным выводам пришли и участники российской научно-практической конференции «Рабочий контроль и самоуправление в стабилизации жизни общества», проведенной в начале 1991 г. в Ленинграде в Таврическом дворце Центральным Комитетом Коммунистической партии РСФСР, Ленинградским университетом и, Политологическим институтом и Советом секретарей партийных организаций государственных промышленных предприятий Ленинграда.

Состояние общественно-политической жизни, экономики и управления в стране диктует необходимость выработки путей выхода из кризиса. Вполне естественно, что в этом процессе основные производители — а сегодня это трудовые коллективы государственных предприятий и колхозов — хотят играть не меньшую роль, чем разного рода распорядители и управленцы. При этом трудящиеся имеют возможность реализовать свое главное преимущество — организованность, порождаемую совместным трудом, используя при этом самые различные формы. Ключевыми звеньями здесь являются рабочий контроль и самоуправление трудящихся в самом широком смысле слова.

Рабочий контроль — это контроль трудящихся, прежде всего рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции, за соответствием принимаемых решений их интересам, за их выполнением и деятельностью органов управления. Развитие рабочего контроля должно опираться на опыт его организации, накопленный профсоюзами, рабочим движением, и на соответствующие нормативные документы, включая указ Президента СССР «Об усилении рабочего контроля в целях наведения порядка в хранении, транспортировке и торговле продовольствием и товарами народного потребления» от 30 ноября 1990 г. На требуемый уровень рабочий контроль может выйти, только опираясь на трудовые коллективы и их органы самоуправления (профсоюзные комитеты, СТК, комитеты трудящихся, комитеты самоуправления, рабочие, забастовочные комитеты и т.п.) и действуя под руководством профсоюзных организаций и Советов трудящихся.

В сложившейся кризисной ситуации, когда верхние этажи власти фактически не управляют или управляют вразрез с интересами трудящихся, значение самоуправления, инициативы снизу неизмеримо возрастает. Только трудовые коллективы объединенными усилиями способны оградить общество

от краха и нормализовать положение, что подтверждает опыт первых забастовочных комитетов Кузбасса.

Трудящиеся России в условиях постоянного нарушения Советской Конституции и попыток со стороны превратившегося в парламент законодательного органа РСФСР путем изменения Конституции вообще ликвидировать в России Советскую власть вынуждены приступить к воссозданию снизу Советов как конституционных органов самоуправления. Аналогичные процессы идут и в других союзных республиках.

Самоуправление трудящихся не может быть обеспечено только в рамках фабрики или колхоза. Оно должно иметь свое продолжение в системах самоуправления более высокого уровня и не может быть осуществлено силами только рабочих и колхозников. Требуется взаимодействие органов самоуправления трудовых коллективов всех сфер жизни общества (производства, науки, культуры, медицины, обороны, охраны общественного порядка и т.д.). Такое взаимодействие может быть обеспечено при помощи Советов трудящихся, избираемых через трудовые коллективы.

Кстати, выборы в Советы по производственным округам, проведенные в порядке эксперимента в РСФСР в двух районах Москвы, в некоторых городах других союзных республик, показали свою эффективность и привели к изменению Конституции СССР — теперь в ней говорится о выборах не по территориальным, а по избирательным округам, т.е. допускается как территориальный, так и производственный принцип выборов.

Советы, опирающиеся на трудовые коллективы, в настоящее время остро необходимы для нормализации жизни общества, в том числе для поддержания дисциплины, контроля и регулирования производства и распределения, обеспечения правопорядка, выработки совместных оценок ситуации и других действий в соответствии с Конституцией СССР.

Создание и функционирование стройной системы самоуправления в виде Советов трудящихся всех уровней позволит выйти из кризиса и придаст общественному развитию устойчивый характер. Эта система самоуправления должна быть прежде всего закреплена в новой Конституции РСФСР.

3. КУРС - ЕДИНЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ДЛЯ СВОБОДНОГО РАЗВИТИЯ ВСЕХ

Зададимся таким вопросом: что возникло раньше — Советская власть или Советская Конституция? Конечно, Советская власть возникла раньше, а Советская Конституция ее юридически оформила и закрепила. И вообще, закон и народ соотносятся так, что, коль скоро громадные массы народа потребуют, изменяется закон, а не народ. Тот, кто думает и поступает вопреки этому объективному соотношению, рано или поздно прибегнет к применению силы против собственного народа. Такие люди опасны, и их к вершинам власти допускать нельзя.

Но опасно и такое положение, когда юридическая форма остается, а содержание утрачивается. Такая ситуация сложилась у нас с Советской властью. Конституционно она закреплена, а на практике с середины 30-х годов уже по сути таковой не является и даже стала давать антиконституционные метастазы. В этих условиях наилучшим способом защитить и утвердить Советскую Конституцию является воссоздание конституционно провозглашенной Советской власти.

К воссозданию Советской власти «снизу» в разных концах нашей необъятной страны трудящиеся, используя свое право на историческую инициативу, практически уже приступили. Но, очевидно, этот процесс пойдет успешно, если будут ясны его этапы, его объективная логика. Не претендуя на истину в последней инстанции, позволим себе предложить читателю свой вариант прогноза. За неимением возможности дать в этой книге развернутые обоснования каждого момента мы лишь кратко охарактеризуем логически необходимые этапы с точки зрения их основного содержания, каким оно нам представляется сегодня.

Прежде всего это касается образования на предприятиях и в организациях комитетов трудящихся как первичных ячеек Советской власти. Как они будут называться — комитеты самоуправления, советы трудовых коллективов, рабочие, забастовочные комитеты, предсказывать не станем, да это и не суть важно. Важно другое — чтобы они с самого начала создавались не только для решения внутренних проблем предприятия, но и для участия в решении государственных задач, общих для всех трудящихся. Если нынешние

СТК (там, где они еще остались) участвуют в распределении остающихся на предприятии 30% созданного дохода, то, видимо, задачей комитетов трудящихся будет взять под контроль и те 70%, которые уходят наверх. Однако вступивший в действие с 1 января 1991 г. Закон о предприятии в СССР вообще молчит об СТК, предполагая создание вместо них советов предприятий, где коллективу будет принадлежать только половина мест. Но кому не понятен такой «пустяк»: представители администрации на заседание совета придут всегда, а из представителей трудового коллектива, да еще при сменной работе, всегда кого-нибудь не будет. Так что принятием этого закона «демократические» парламентарии (теперь уже их трудно назвать народными депутатами) практически лишают трудящихся юридически закрепленных органов самоуправления коллектива.

Ссылаясь на Закон о предприятии в СССР и игнорируя Советскую Конституцию, администрация может комитеты самоуправления трудящихся не признавать, но не может их запретить. Сила этих органов самоуправления — в поддержке трудовых коллективов. А эта поддержка зависит от того, смогут ли, сумеют ли комитеты трудящихся выступить прежде всего в качестве органов их социальной защиты.

Взаимодействуя с профсоюзами, комитеты трудящихся, образованные специально или на основе советов трудовых коллективов, должны выступить преемниками того положительного, что было сделано органами самоуправления до них. Комитетам трудящихся предстоит продолжить борьбу за сокращение ночных смен и повышение доплат за ночную работу, за увеличение продолжительности отпусков и сокращение сверхурочных работ, за уменьшение запыленности и загазованности, за запрещение женского труда во вредных условиях и связанного с тяжелыми нагрузками, против волюнтаристского снижения тарифных ставок и расценок. Вероятно, они должны взять на себя также и оплату труда, чтобы самим решать, кому, за что и как платить, руководствуясь принципом распределения по труду, а не по капиталу, ввести поощрение интересной работой, дополнительным свободным временем и т.п.

С учетом складывающейся сегодня кризисной обстановки в экономике можно утверждать, что комитеты трудящихся будут противостоять попыткам

отнять предприятия у коллективов и передать их в той или иной форме владельцам накопленного за их счет капитала, не допустят эксплуатации и необоснованного увольнения работников, будут отстаивать и использовать право трудящихся на забастовку в ответ на антирабочие акции, по чьей бы инициативе они ни проводились.

При фактическом отсутствии централизованного планирования и устойчивого материально-технического снабжения комитетам трудящихся совместно с администрацией было бы целесообразно заниматься определением потребителей продукции предприятия и смежников, изучать ситуацию на рынке и вносить соответствующие изменения в производственные задания, а в случае необходимости направлять своих делегатов на смежные предприятия в целях установления и налаживания прямых производственных связей. Они могли бы также вступать в прямые контакты с сельскохозяйственными предприятиями с целью на взаимовыгодных началах обеспечить работников предприятия продовольствием, добиваясь образцовой постановки общественного питания в рабочих столовых.

Используя производственно-экономическую мощь предприятий, комитеты трудящихся, объединяясь друг с другом, могут оказать влияние на территориальную экономику, способны взять под свое крыло всех, кто лечит заводских работников, учит их детей, работает над благоустройством района. Они сумеют организовать рабочий контроль и повести борьбу со спекуляцией, ростом цен, навести порядок в торговле и выполнить другие функции.

Конечно, государственной власти, которая была бы государственной только на уровне предприятия, не бывает. Для того чтобы комитеты трудящихся стали первичными звеньями Советской власти на предприятиях и в организациях, они будут вынуждены для проведения единой политики объединяться в масштабах района, города и страны, направляя своих представителей в районные, городские, республиканские и союзные органы Советской власти — Советы трудящихся и их съезды.

Комитеты трудящихся будут избираться по инициативе снизу на фабриках, заводах, в институтах, организациях. По всей вероятности, аналогичные выборные органы будут создаваться и в вооруженных силах

страны (профессиональная часть армии уже сейчас представлена советами офицерских собраний). Эти низовые органы самоуправления трудящихся образуют фундамент, основу, корень всей системы Советской власти, без связи с которыми она как власть трудящихся существовать не может.

Решение комплекса перечисленных задач позволит приступить к образованию районных Советов трудящихся из представителей комитетов трудящихся предприятий, организаций и воинских советов или комитетов. По отношению к создаваемым инициативным путем районным Советам трудящихся нынешние районные Советы по сути дела выступят «палатой жителей», тогда как районные Советы трудящихся фактически будут палатой трудящихся в двухпалатном районном Совете. В свое время, когда Н.И. Травкин считался коммунистом, он выступал за такие двухпалатные Советы. Теперь, когда он стал членом Демократической партии России, обслуживающей нарождающихся российских буржуа и уничтожающей следы Советской власти, он этого уже не предлагает. Но возможен такой вариант, что именно трудящиеся поступят аналогично тому, как в свое время сделали большевики, взяв эсеровский земельный проект, и начнут реализовывать идею двухпалатного Совета.

Дружная работа районного Совета трудящихся с палатой жителей возможна и необходима. Во-первых, в районных Советах народных депутатов меньше всего карьеристов — те бежали мимо районных Советов выше. Во-вторых, из всех существующих органов власти они ближе всего к нуждам населения и призваны удовлетворять конкретные потребности.

Соотношение палат определяется тем, что палата трудящихся решает, сколько отчислять на нужды района по представлению палаты жителей, а палата жителей распределяет выделенные средства. Той ситуации, когда с предприятий берут средства, даже не спрашивая их согласия, будет положен конец, ибо Советы трудящихся смогут отстаивать интересы трудовых коллективов.

Возможна и даже желательна ситуация, когда действующие депутаты районных Советов смогут вновь оказаться в числе депутатов районного Совета трудящихся, если будут избраны в комитеты трудящихся предприятий и организаций района и от них делегированы в районный Совет трудящихся.

В этой связи отметим, что президентский указ «Об усилении рабочего контроля в целях наведения порядка в хранении, транспортировке и торговле продовольствием и товарами народного потребления» предполагает созыв собраний представителей трудовых коллективов, учебных заведений для избрания районных, городских, районных в городах комитетов рабочего контроля. Но ясно, что и самих рабочих контролеров нужно защищать от возможных угроз и расправ, поэтому районные собрания представителей трудовых коллективов должны собираться регулярно и решать соответствующие вопросы. Ну а тех контролеров, кто поддастся на посулы, необходимо заменять, поэтому собрания представителей трудовых коллективов и учебных заведений никак не смогут ограничиться только созданием органов рабочего контроля, а должны функционировать постоянно. Но тогда, по всей видимости, представители коллективов должны будут избираться на постоянной основе, и постоянно действующее собрание таких представителей станет фактически не чем иным, как районным Советом трудящихся.

Таким образом, логика развития Советов трудящихся подводит к проблеме формирования городских Советов трудящихся из представителей районных Советов трудящихся и воинских советов или комитетов. Поскольку трудящиеся города одновременно являются его жителями, на городском уровне надобность в двухпалатном Совете отсутствует — достаточно городского Совета трудящихся, осуществляющего всю полноту власти в городе.

И наконец, на очередь дня встанет проведение на основе представительства от городских и областных Советов трудящихся республиканских и союзных съездов Советов трудящихся, формирующих республиканские и всесоюзный исполнительные комитеты и все необходимые республиканские и союзные органы власти.

Избираемые в трудовых коллективах органы самоуправления трудящихся как первичные звенья Советской власти, организуясь на все большем числе предприятий и организаций района, области, региона, устанавливая друг с другом и с аналогичными органами в вооруженных силах (не исключая системы МВД и КГБ) постоянные и прочные связи, будут,

следовательно, вести дело к тому, чтобы из представителей комитетов и советов самоуправления, избранных самым демократическим путем в трудовых коллективах, из рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции, студенчества, военнослужащих, были созданы на поселковом, районном, городском уровнях Советы трудящихся, взаимодействующие с нынешними органами власти, берущие под свой контроль средства, отчисляемые трудовыми коллективами на содержание нынешних органов власти, и поэтому в случае необходимости (особенно в проблемной, конфликтной или кризисной ситуации) будут либо объединяться с ними для решения общих вопросов, либо решительно нейтрализовывать их, если они станут превращаться в органы теневого капитала, спекулянтов-кооператоров и мафии.

Пока же практика показывает, что, как только трудовые коллективы испекут наш общественный пирог, 2/3 его тут же забирают парламентарии и выдают по крохам тем, кого хотят заставить себе служить. Контроль трудящихся за преобладающей частью общественного пирога фактически утрачен. Когда же этот контроль будет посредством Советов трудящихся восстановлен, тогда не «низы» будут служить «верхам», а, наоборот, «верхи» «низам», а это и будет означать преодоление наемного характера труда и настоящий, действительный демократизм. Вот тогда непременно будет проведена радикальная экономическая реформа (как полная противоположность рыночной авантюре), которая приведет к улучшению положения людей труда и создаст условия для неуклонного и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Инициатива по созданию Советов трудящихся дополняется сегодня организуемым бывшими демократами движением к ликвидации существующих представительных органов власти, так что вполне может оказаться, что вырастающая снизу система Советов трудящихся окажется с самого начала вообще единственной демократической властью в стране. Поскольку все материальные и духовные блага создаются трудящимися, Советы трудящихся будут обладать экономической властью, а участие в них представителей военнослужащих, в том числе правоохранительных органов, сделает их столь могучей силой, по отношению к которой сама мысль о том, чтобы пытаться ей воспротивиться, а уж тем более начать гражданскую войну,

покажется чистейшим безумием. Воссоздание Советской власти как власти трудящихся, им подконтрольной, сможет стать надежной гарантией против нарастания анархии и попыток установления буржуазной диктатуры, к чему практически подводят страну нынешние «демократические» парламентарии.

Объективно общественное развитие разворачивается так, что каждое поколение решает свои исторические задачи. И оценивать историческое наследство надо по тому, что было сделано в конкретных исторических (внутренних и внешних) условиях, а не упрекать в том, что они чего-то не сделали. Что касается нашего поколения, то, очевидно, воссоздание конституционно провозглашенной Советской власти как власти трудящихся и есть его первейшая историческая задача. Иначе ему грозит судьба покорных наблюдателей разрушения того, что создано трудом и борьбой предыдущих поколений. И никакие ссылки на ошибки первых лиц в руководстве страны не спасут — это уже было.

Повсеместное создание Советов трудящихся позволит вновь укрепить союз и интернациональную солидарность народов нашей страны. Власть Советов трудящихся не допустит развала Союза ССР и обеспечит условия для свободного развития всех без исключения народов, ибо свободными мы можем быть только вместе, а не в отдельности. Поэтому курс на Советскую власть — это курс на единение.

Советы трудящихся станут тем полем, на котором также, видимо, будет разворачиваться политическая борьба, но в таких условиях, когда трудящиеся смогут ее выиграть. Если парламент — это поле, где трудящиеся проигрывают всегда, то Советы, не гарантируя всегда и во всех случаях им победу, позволят упорной борьбой и активным участием в политической жизни добиваться необходимых людям труда решений. Хорошая или плохая, но Советская власть для трудящихся — своя, и все ее успехи и болезни — это успехи и болезни их самих.

Конечно, воссоздать систему Советов трудящихся и возродить Советскую власть, дав ей новую жизнь, — это не совсем одно и то же. Возрождение Советской власти не может быть простым ее воспроизведением и повторением, это будет движением вперед, обогащенным как позитивным,

так и негативным опытом, накопленным более чем за 50 лет, прошедших с середины 30-х годов.

Есть и еще один аспект проблемы. Было бы в высшей степени наивно полагать, будто как только возродится конституционно провозглашенная Советская власть, так все вопросы разом решатся. Во-первых, Советская власть имеет и негативные стороны, свойственные всякой государственной власти, так что и при ней будут действовать негативные тенденции, которые надо видеть и постоянно бороться с ними. Во-вторых, Советская власть не конечная цель, а лишь средство объединения трудящихся для осуществления политического курса на свободное развитие всех членов общества. Но это такое средство, которое способствует в первую очередь политическому развитию трудового человека, будь то рабочий, колхозник, ученый или человек искусства, позволяет им стать действительными хозяевами условий своей жизни и в полной мере свободными творцами своего будущего.

Прежде всего, как только Советы трудящихся будут образованы, им необходимо будет обезопасить себя от возможных искажений и извращений, освоив на практике главное демократическое право — право отзыва. Причем отзыв должен стать не чрезвычайной мерой, а нормальным, естественным актом замены тех, кто служит своим товарищам в органах власти, причем совсем не обязательно служит плохо. Во-первых, депутаты устают, во-вторых, нуждаются в регулярном общении с коллективом, в-третьих, надо приводить состав Советов в соответствие с теми проблемами, которые ему предстоит в ближайшее время решать, наконец, в-четвертых, нужно ликвидировать монополию на управленческий труд, которая ведет к бюрократизации органов власти. Нужно, чтобы каждый на время становился «бюрократом» и чтобы поэтому никто не мог им стать в действительности. Делу управления нужно учиться, но, как для того, чтобы научиться плавать, надо лезть в воду, так для того, чтобы научиться управлять, надо участвовать в управлении. Участие в управлении благодаря осуществлению права отзыва сможет практически стать делом каждого трудящегося, трудящиеся объединятся в своих Советах, и тогда курс на свободное всестороннее развитие всех членов общества будет выдерживаться неуклонно.

Видимо, первое, с чего следует начать работу Советов трудящихся с обретением силы и полновластия, — это начать проводить в жизнь выражающую интересы трудящихся экономическую реформу, ориентированную не на стоимость, а на потребительную стоимость, на развитие главной производительной силы — рабочего, трудящегося человека. Предусмотренное такой реформой осуществление системы эффективных мер, преодолевающих отчуждение трудящихся от научно-технического прогресса и его результатов, должно привести к более или менее быстрому улучшению положения людей труда и создать необходимые предпосылки для свободного всестороннего развития всех членов общества. Советы трудящихся реализуют то, что в последнее время больше провозглашалось, чем делалось, а то даже и не провозглашалось.

Чтобы трудящийся, будучи первой производительной силой человечества, профессионально, творчески и духовно обогащался, а не изнашивался и не деградировал, Советы трудящихся должны добиваться улучшения условий труда. Это предполагает внедрение технологий безопасного и безвредного труда, исключение во всех производствах, кроме непрерывных, труда в ночную смену, обеспечение нормальной интенсивности, сокращение тяжелого и монотонного труда, переход к труду все более квалифицированному, преодоление порабощающего работника постоянного закрепления его за нетворческими видами деятельности, уменьшение рабочего и увеличение свободного времени по мере роста производительности труда и исключение на этой основе безработицы, нищеты и обездоленности.

При таких Советах, одной из задач которых станет забота об укреплении здоровья народа, возможно внедрение природоохранных технологий, уменьшение загрязнения воздуха, воды, земли и пищевых продуктов. На их плечи лягут и такие задачи, как сохранение и развитие бесплатного медицинского обслуживания, оснащение врачей первоклассным медицинским оборудованием с оплатой медиков не ниже средней по народному хозяйству, а критерием эффективности социальной политики станет наконец увеличение средней продолжительности жизни.

Каждому жителю Страны Советов должны быть обеспечены благоприятные условия труда и отдыха, рациональное питание, близость к

природе, чистота, движение, физическая культура, высокоразвитая, бесплатная, доступная для всех, обеспеченная и уважаемая медицина. Молодежи должны быть гарантированы труд, образование, творчество, перспективы содержательной жизни, возможности для проявления потенциала личности на благо Отечества.

Советы трудящихся сделают то, чего не сделали и скорее всего не сделают парламенты, — отдадут долг деревне, примут все необходимые меры для решения жилищной проблемы не только в городе, но и на селе, для обустройства жизни крестьянской семьи, строительства дорог, для обеспечения деревенской общины лучшими достижениями современной цивилизации, для создания таких условий, когда сельская интеллигенция могла бы в полной мере выполнять свою подвижническую миссию.

Советы трудящихся, включающие представителей города и деревни, позаботятся о вооруженности крестьян техникой и технологией на основе высших достижений науки и техники не хуже, чем в развитых капиталистических странах, защитят крестьянство силой Советского государства от прямых или косвенных попыток ухудшения его жизни.

Одна из главных забот Советов — спасение сельской школы, преодоление элитарности образования, доведение численности учеников в классах всех школ и профессионально-технических училищ до 10 — 15 человек, создание учителю, воспитателю условий для творческой работы. Советы должны самое пристальное внимание обратить на уровень оплаты труда учителя, установив его не ниже средней зарплаты рабочего. Они должны добиваться того, чтобы образование имело тесную связь с истоками многонациональной культуры народов России, формировало у будущих поколений чувство подлинного патриотизма и интернационализма.

Достижение вершин в творческом созидании и развитии народов невозможно без собирания, наследования и постижения богатства их культуры. Советское государство призвано, сохраняя традиционную открытость и тягу ко всему возвышающему человека, к мировой классике, оберегать самобытность национальных культур всех народов нашей страны, помогать культуре избавляться от элитарности, а людям — от невежества, насаждаемого замешанной на коммерции эрзац-культурой, воспитывать

чувство прекрасного, и не только постоянную потребность общения с ним, но и способность творить его самому. Все это невозможно без решительных мер по совершенствованию материальной базы библиотек, без обеспечения доступа к ним каждому человеку. Именно Советам трудящихся предстоит добиваться, чтобы культурные ценности были открыты для всех слоев населения, заботиться о восстановлении, реставрации и сбережении памятников истории, культуры и ратного подвига народов нашей Родины, способствовать созданию и развитию культурно-национальных центров для взаимного обогащения культур всех проживающих в стране народов при особо бережном отношении к культуре, языку, литературе малочисленных народов и народностей, обеспечивать свободу творчества, поощрение таланта, сбережение его как величайшего национального достояния, содействовать беспрепятственному соревновательному развитию различных культурных направлений, стилей, школ.

Одна из ключевых задач Советов трудящихся — призвать науку не на развал Отечества, а на службу его возрождению, чтобы все, что предпринимается в стране государством, было глубоко обдуманно с позиций не временщиков, а доброго, рачительного хозяина, в том числе способствовать возрождению университетов как научно-просветительных центров; содействовать изживанию бюрократизма и клановости в науке, особенно в ее высших, академических эшелонах, преодолению разобщенности академической, вузовской, отраслевой и заводской науки, всемерно помогать их развитию и гармонизации; поднимать гуманитарную ветвь науки и образования, создавать региональные гуманитарно-обществоведческие центры в целях стимулирования научной разработки теоретических и прикладных проблем становления и развития социалистического общества.

Только Советы трудящихся способны обеспечить такое совместное развитие народов, которое будет способствовать преодолению социально-экономического неравенства как главной причины напряженности в межнациональных отношениях, неукоснительному соблюдению законных прав представителей всех национальностей. Путь к общему счастью лежит через соединение усилий, доверие и братство трудящихся всех национальностей.

Если иметь в виду нынешнюю крайне сложную и все обостряющуюся ситуацию, можно утверждать, что борьба за эти и другие цели, вытекающие из курса на свободное всестороннее развитие всех членов общества, и в Советах трудящихся будет непростой. Но в отличие от нынешних «парламентов» Советы смогут принятые решения активно и твердо проводить в жизнь, ибо объединенные ими трудящиеся будут выполнять то, что выгодно им, что способствует улучшению их собственной жизни.

4. ИНИЦИАТИВУ — НА СОЗИДАНИЕ.

КОММУНИСТЫ — ВПЕРЕД!

Советская власть, провозглашенная нашей Конституцией, может быть воссоздана только снизу, через трудовые коллективы. Единственная политическая сила, которая сегодня имеет основу практически во всех коллективах, — КПСС. И если здоровые силы партии сумеют внести свой вклад в организацию самоуправления трудящихся, в восстановление конституционно закрепленной Советской власти, то это будет способствовать возрождению самой Коммунистической партии.

Как это ни горько, но надо признать, что уже многие десятилетия в КПСС, объявившей себя общенародной партией, шел процесс изменения ее классовой природы. Она все более превращалась из авангарда рабочего класса и всех трудящихся в конгломерат самых различных, в том числе противоположных, политических сил, теряла способность к активной, сознательной и наступательной борьбе за интересы трудового народа. Официальные партийные идеологи периода перестройки это состояние идейного, мировоззренческого разброда закрепили с помощью красивого на вид лозунга «плюрализма мнений».

Если перевести громкий лозунг «плюрализм мнений» на обычный язык, то получим всем известное выражение: «Сколько людей, столько и мнений». Но ведь задача партии не низводить знание до уровня мнения, а возвышать мнение до уровня знания, а знание — до убеждения. Хорошее русское слово «единство» тоже ведь не означает отсутствия различий. Напротив, единство может иметь место лишь как единство различного, многообразного. Но вместо того чтобы добиваться единства в партии и обществе на основе истины, знания, теории, сверяемой с жизнью, с интересами людей труда, очарованные

«плюрализмом» руководители партии стали оправдывать и уравнивать любые идейные течения, любые направления в партии: «И ты, щука, права, и ты, лебедь, прав, и ты, рак, прав».

Но по природе своей раки всегда пятятся назад, и наши «раки» потянули в противоположную от социального прогресса сторону. Под прикрытием лозунга «плюрализм мнений» они получили сначала место на равных в партийной печати, а потом создали и собственную печать. Но печать, как известно, не только коллективный воспитатель и пропагандист, но и коллективный организатор. Организовываться стали прежде всего антисоциалистические, антикоммунистические, антисоветские силы, все более захватывая средства массовой информации для пропаганды своих реакционных идей. А идеи, в том числе и реакционные, если они овладевают массами, также могут стать материальной силой. Тогда те, кто неуклонно и целенаправленно внедрял лозунг «плюрализма», вынуждены были прибегнуть к другой «материальной силе».

Вот тут-то и вскрылась (даже для непосвященных) действительная сущность лозунга «плюрализма», открывшего дорогу реакционным силам. Различие может и должно быть, но в подходах, в методах, в формах движения. Существование любой партии невозможно без единства в понимании цели движения. Как показывает история, политическая партия — это партия прежде всего единомышленников. Без мировоззренческого, политико-идеологического единства она как политическая партия умирает. Осаждаемая извне и подрываемая изнутри, повязанная новыми, перестроечными догмами, ушедшая от раскола, но находящаяся в состоянии развала, КПСС сегодня парализована, и только инициатива партийных низов, направленная на возрождение власти трудящихся, может спасти коммунистическое движение. Сегодня оно должно быть движением за возрождение провозглашенной в нашей Конституции Советской власти, за единение трудящихся во имя свободного развития всех членов общества.

Возрождение КПСС на ленинских основах идет в общем потоке пробуждения и собирания созидательных сил. Ощущая на себе утрату реальных завоеваний социализма — ухудшение условий труда, рост цен, исчезновение самых необходимых предметов потребления, нарастающую

неустойчивость жизненного положения, угрозу безработицы и социальную незащищенность, — столкнувшись впервые после нашествия германского фашизма с проблемой полумиллиона беженцев, слыша гиканье и улюлюканье вылезших из своих нор ослепленных ненавистью ко всему советскому бывших и новоиспеченных паразитов на теле трудящихся, чувствуя нависшую угрозу гражданской войны, народы нашей страны не хотят и не будут больше терпеть. Не надеясь больше ни на кого, трудящиеся уже не желают ждать инструкций и указаний, а поднимаются на защиту своих интересов. Летом 1989 г. по стране прокатилась волна забастовок. В шахтерских районах был подан пример установления справедливой рабочей власти, способной грамотно и в интересах всех слоев населения решить те вопросы, которые до нее никто не мог или не хотел решать. По сути дела это был пример возрождения провозглашенных нашей Конституцией Советов снизу.

Простым людям и их детям — наследникам славы и гордости Отечества, созреванию их самосознания, саморазвитию, работе народного духа ради подъема и возрождения Родины, пробуждению и собиранию народных сил помогли и помогают настоящие подвижники и патриоты из рядов интеллигенции — учителя, инженеры, писатели и поэты, композиторы и художники, ученые и публицисты, партийные работники и руководители предприятий, офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота. Свою подвижническую миссию они выполняют, преодолевая неблагоприятность фактических хозяев становящегося коммерческим телевидения, газет, журналов, сориентированных под знаком «плюрализма» на монополю заданную антисоветскую точку зрения.

Сегодня всем стало ясно, что калейдоскоп политических установок привел к потере управления государственным кораблем. В условиях, когда на мелкобуржуазной опаре растут и крепнут квазинародные и псевдодемократические фронты и движения и они уже начали стрелять, коммунистами все более осознается пагубность прозвучавшей сверху команды «Власть отдать!» — как будто бы могут сегодня существовать государства без правящих партий. И хотя партию усиленно пытаются сделать заложницей принимаемых без совета с нею антинародных решений, отнюдь не вся она деморализована. Множатся ряды коммунистов, выполняющих свою миссию борцов за

коренные интересы трудящихся, тех, кто помнит о своей личной ответственности за судьбу завоеваний нашего народа. Именно благодаря инициативе коммунистов и сохраняется возможность возрождения КПСС.

В народе растет понимание остроты противоречий и укрепляется намерение во что бы то ни стало добиться решения жизненных проблем не в ущерб трудящимся, а в их пользу. Углубляется сознание неразрывной связи коренных, стратегических и повседневных интересов, понимание необходимости сознательной и организованной борьбы за них, убежденность в положительном исходе этой борьбы при участии большинства трудящихся, беспартийных и коммунистов.

Совместными усилиями рабочих, крестьян и действительно народной интеллигенции сделано уже немало: прекращена война в Афганистане; сорвана не одна попытка разом понизить жизненный уровень миллионов людей путем повышения государственных розничных цен на продовольствие, ведется борьба за то, чтобы остановить ползучее повышение цен; остановлена реализация преступной политики уничтожения «неперспективных» деревень; организовано движение против антирабочих законов по замораживанию заработной платы на государственных предприятиях, за закрытие спекулятивных торгово-закупочных кооперативов; разработан отвечающий интересам трудящихся вариант действительно радикальной экономической реформы, альтернативной программе перехода к рынку; созданы общественные, общественно-политические и патриотические организации в защиту интересов человека труда, Советского Союза и социализма; по инициативе десятков тысяч первичных партийных организаций России в противовес попыткам превратить КПСС в социал-демократическую партию учреждена Коммунистическая партия РСФСР. Российские коммунисты продолжают борьбу за ее возрождение на ленинских основах, рассматривая это как вклад в возрождение КПСС в целом.

Что же значит «партия на ленинских основах»? Прежде всего это авангард рабочего класса, а потому и всех трудящихся, поскольку рабочий класс не может улучшить своего положения, не улучшив положения всех людей труда. Это партия, которая строится на основе соединения научного социализма с рабочим движением, с борьбой трудящихся за уничтожение

всякого социального неравенства, за свободное всестороннее развитие всех членов общества. Это партия, которая выступает не партией бесконечных разговоров и пустых новаций, выдаваемых за идеи, а партией действия, партией коммунистической инициативы. Это партия, которая не терпит в своих рядах ликвидаторов, оппортунистов и ревизионистов, защищающих коренные интересы не трудящихся, а тех, кто их обирает. Это партия, которая добивается власти трудящихся, организует строительство этой власти, укрепляет и развивает ее, а не заботится только о том, как бы передать власть другим партиям, представляющим нарождающийся в стране мелкобуржуазный и буржуазный класс. Это партия, которая ведет политическую и теоретическую борьбу за интересы людей труда.

Сейчас при общей растерянности, разброде и шатаниях, в период подготовки проекта новой Программы КПСС именно с борьбой теоретической дело обстоит особенно плохо. Возьмем такой принципиальный вопрос: куда нас сегодня ведут — вперед или назад? Или другой вопрос: всегда ли в политике нужно идти вперед или иногда нужно и отойти назад? Если мы считаем приватизацию отступлением и оно необходимо — давайте отступим. Но тогда давайте укажем пределы этого отступления, давайте укажем границы, а может быть, и сроки! А заодно и скажем честно и открыто, что снова будет борьба и в этой борьбе снова будет решаться вопрос «кто — кого». Однако есть люди, члены партии, которые считают, что это не отступление, а наступление. Они идут в противоположном общественному прогрессу направлении, занимая тем самым реакционные, реставраторские позиции, и тогда у них левые, т.е. революционные, социалистические, элементы оказываются «правыми и консервативными» и, наоборот, правые, т.е. буржуазные и пробуржуазные, элементы, добивающиеся реставрации частной собственности, становятся «левыми». Для прикрытия этого своего попятного движения они сполна использовали «методологию перестроек», которая теперь модифицировалась в «методологию» безудержного псевдообновления всего и вся, стремления к достижению хоть худого, но иного состояния. Эта методология внедряется в идеологические структуры КПСС под привлекательной этикеткой «новое». Распространяется своеобразная болезнь «новизны» в коммунизме.

Как правило, это «иное» и «новое» бывает бессодержательным, а зачастую при внимательном изучении обнаруживается, что никакие они не новые, вся их новизна заключается в искусной маскировке старых и изживших себя схем.

Под предлогом введения этого «иного» и «нового» с легкостью отбрасываются революционный опыт и созидательные традиции, сводятся идеологические счеты, тасуются и разгоняются кадры, идут бессмысленные организационные перестройки. В КПСС сгруппировалась чуть ли не фракция неких «новаков», протаскивающих в партийно-политическую жизнь старое под вывеской новизны, будь то название партии, содержание ее деятельности, система выборов или структура органов власти и т.п.

Под видом нового, например, подается принцип приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, как будто бы не рабочий класс в современную эпоху является выразителем всего прогрессивного в общественном развитии. В результате передовые интересы рабочего класса низводятся до того, что приемлемо и для буржуазии, классовый подход заменяется кассовым, а Коммунистическая партия из авангарда класса превращается в нечто рыхлое и беспомощное.

Партия как политическая организация становится ненужной, если она теряет классовые приоритеты и рассчитывает на одинаковое выражение всего многообразия интересов общества, всех классов и социальных слоев, всех демографических и профессиональных групп, всех общественных движений, не учитывая имеющихся объективных противоречий. В этом случае она отказывается от реализации главного принципа устройства социалистического общества — движения в сторону социальной однородности как основы для социальной справедливости, в сторону преодоления социально-классовых различий и в итоге к обществу без классов.

Отсюда важная задача — преодолеть по мере возможности раздробленность и атомарность общества, искусственное расслоение людей по мелким групповым интересам, по профессиональным и должностным признакам, порождающим групповой эгоизм. Социальное единение, консолидация общества могут происходить лишь вокруг основной оси координат структуры общества — производительных классов. Поэтому и

интеграцию интересов людей, ориентированных на социалистическое развитие, можно осуществить лишь на базе интересов рабочего класса и кооперированного крестьянства.

Партию обрекают на развал те, кто хочет лишить ее политического и социального единства, превратить в конгломерат, состоящий из людей, придерживающихся не только различных, но и прямо противоположных взглядов, зовущих и идущих к различным политическим и социальным целям. Партия становится теоретически обезоруженной, если отказывается от классового подхода в анализе социально-экономических отношений. Это тем более опасно в условиях, когда вновь закрепляется законами право на открытую эксплуатацию труда, усиленно насаждается наемный труд в его крайних формах. Коммунистическая партия должна быть готова к борьбе за освобождение труда от эксплуатации, к борьбе за интересы человека труда против возникающего класса новых эксплуататоров, маскирующих себя под арендодателей, предпринимателей-кооператоров, не говоря уже о криминальной буржуазии.

Не поддаваться на удочку «новаков», выдающих старое и отжившее за новое, вовсе не значит быть против нового. Новое, если оно действительно таково, не бывает выскочившим неизвестно откуда, а является дальнейшим развитием достигнутого, с сохранением, удержанием, а не отбрасыванием положительного. Так и новый курс не может явиться из голов тех или иных авторов, а должен учитывать путь, пройденный по направлению к нашей конечной, коммунистической цели, в том числе и те исторические зигзаги на этом пути, которые имели место в истории.

Другой важный теоретический вопрос: является ли перестройка революцией? Впрочем, «наверху» уже сказали, что является. Некоторые сразу бросились повторять и разъяснять это «теоретическое положение» в своих трудах, как разъясняли «экономную экономику», «развитой социализм» и другие «великие достижения», творцы которых и по сей день сидят в высших учреждениях государства и партии.

Но заглянем снова в историю — свою и всеобщую, в теорию революций и попытаемся ответить на вопрос, а что же такое революция? Так вот, опыт истории, зафиксированный наукой, говорит, что социальная революция — это

переход от одной общественно-экономической формации к другой, от одного общественного строя к другому с заменой класса, стоящего у власти, причем непременно реакционного на прогрессивный. Так какой же класс собирается у нас прийти к власти? «Теневики» или новоявленные «нэпманы», вознамерившиеся скупить фабрики и заводы. Это они-то прогрессивный класс?

О ком же пекутся те, кто говорит о приватизации? О рабочих, о крестьянах, об интеллигенции? А если это и в самом деле переход от одной формации к другой, то к какой именно? На пути вперед никакой иной формации не просматривается, поскольку социализм и полный коммунизм не две формации, а две стадии одной и той же формации. Переход к другой формации, к другому общественному строю просматривается лишь на пути назад, но тогда это уже не революция, а контрреволюция. Вот почему коммунисты не должны допустить реализации планов перестроя, перемены строя. Главное сейчас сохранить наш общественный строй, объединив трудящихся и тем самым упрочив независимость Родины.

Согласно теории, истина — это соответствие понятия объекту. Так что если мы хотим прийти к истине, то должны быть очень внимательны к понятиям. Но у нас путаница понятий стала сущим бедствием. Почему-то, например, те, кто вопреки интересам громадного большинства трудящихся, игнорируя требования о всенародном референдуме по вопросу о приватизации, ведет дело к повышению цен и обогащению за счет народа заправил местного теневого и иностранного транснационального капитала, называют себя демократами. А ведь «демос» означает народ, и под ним понимается прежде всего простой народ, трудящиеся. С ухудшением положения трудящихся истинный демократизм не имеет ничего общего.

Выступив за рост цен, безработицу, лишение трудящихся основных социальных завоеваний, самозванные «демократы» раскрыли наконец свое антидемократическое лицо. И вот тогда наспех стали придумываться новые словечки вроде «левого центра», однако и этот неологизм, прямо скажем, неудачен, поскольку центризм, как известно, — худший вид оппортунизма, состоящий в том, чтобы держать за руки левых и не давать им освободить народ от дурманящего воздействия правых. «Левый» центризм скрытых

социал-демократов внутри Коммунистической партии, поворачивающих по сути дела к капитализму и пытающихся вместо честной и открытой работы по созданию особой партии превратить партию коммунистов в орудие «ускорения» движения общества вспять, разложить и уничтожить ее, является самым что ни на есть правым, пробуржуазным.

Явные попытки устранить Коммунистическую партию с политической арены наметились перед XXVIII съездом КПСС. Появившиеся в период подготовки к нему «платформы» вели дело сперва к выхолащиванию коммунистической сущности партии, а затем и к смене ее названия. Усиленно пропагандировался в некоторых, в том числе и партийных, средствах массовой информации «положительный» опыт коммунистических и рабочих партий Восточной Европы. Эта реформистская волна в КПСС была коммунистами своевременно выявлена и разоблачена.

Особую роль в сохранении КПСС как политической партии сыграло движение за возрождение Российской коммунистической партии. Процесс ее организационного оформления, закрепленный Российской партийной конференцией, переросшей в Учредительный съезд коммунистической партийной организации РСФСР, объединивший больше половины всех членов КПСС, настолько изменил внутривнутрипартийную ситуацию, что по существу снял с повестки дня вопрос о переименовании. Действительно, какой уважающий себя политик выйдет с предложением о переименовании партии через две недели после того, как самый крупный ее отряд заявил об организационном оформлении в Коммунистическую партию РСФСР? Хотя нашлись на XXVIII съезде, конечно, некоторые получившие все от Коммунистической партии деятели типа печально известного Д. Волкогонова, которые пытались переименовать партию, надеясь затем вместе с формой изменить и ее содержание. Эти амбициозные требования получили однозначный отпор со стороны делегатов.

Думается, этим реформистский зуд в партии не изжит. Под разными предложениями постановка вопроса о ее переименовании, об отказе от исторических традиций коммунистов в отстаивании интересов трудового народа, навязывание Коммунистической партии несвойственных ей задач продолжают. Приемы используются весьма разнообразные, как говорится,

легальные и нелегальные. В одиночку коммунистам против этих ликвидаторских действий, конечно, не устоять.

Большие надежды возлагаются в развитии коммунистического движения на Российскую коммунистическую партию. Ее организационное оформление идет тяжело, становление как политической партии недопустимо затянулось. Не имея собственных газет и других средств массовой информации, она беззащитна перед политическими противниками и во многом беспомощна в организации трудящихся масс для защиты завоеваний социализма, поскольку именно печать является строительными лесами партии и коллективным организатором. Идет кампания дискредитации самой Компартии России, ее руководства со стороны правых, профашистских сил, ярых антикоммунистов и антисоветчиков, явных и неявных членов и сторонников других партий. Но сетовать на получаемые удары патетической партии коммунистов, вышедшей на арену борьбы за интересы трудящихся, не стоит. Борьба есть борьба.

Более насущная задача — разобраться в своей внутренней жизни, устранить и преодолеть собственные ошибки и недоработки, укрепиться теоретически и организационно. И вот здесь Компартии РСФСР надо как можно скорее излечиться от болезней и привычек, доставшихся ей от всей КПСС, приведших последнюю в столь тяжелое состояние и поставившую ее на грань распада.

Преодолеть нужно многое. Это обособленное, по существу барское положение лица, занимающего первую руководящую должность в партии. Это пренебрежительное отношение руководства партии к инициативе партийных масс. Это недооценка в партии теоретической работы, в результате чего всей партии навязываются ложные догмы. Это обломовщина, неразворотливость, отрыв слова от дела, чиновничество, формализм и многое другое. Такие внутренние беды намного опасней внешних ударов и провокаций. Они разлагают ее членов, сковывают, гасят энергию партии, уводят в сторону от коренных вопросов, пытаются сделать ее тенью, подручным инструментом государственных структур и стоящих за ними других партий.

И в Компартии РСФСР, как и в целом в КПСС, наиболее опасным явлением сейчас выступает центризм. Он своей внешне красивой, почти социалистической или полусоциалистической, терминологией сбивает людей

с толку, уводя их в некое выдуманное, несуществующее (между прогрессом и регрессом) пространство, делая их в лучшем случае консерваторами.

Для того чтобы в вопросе о прогрессе и регрессе появилась наконец полная ясность, чтобы коммунисты не говорили, что не знают общества, в котором живут, партии как воздух нужна научная концепция развития социализма. Большая группа обществоведов Ленинграда и Москвы, которая участвовала в работе Инициативного съезда коммунистов России и объединилась в Общество научного коммунизма, представила на обсуждение общественности концепцию развития социализма «Настоящее и будущее социализма в СССР».

Такая концепция нужна для того, чтобы определить будущее страны, потому что без понимания будущего общество умирает, бороться за него молодежь не пойдет. По этой концепции необходимо именно сейчас развернуть самую широкую дискуссию еще и потому, что сегодня всеми силами и средствами обществу навязывается совсем иная концепция: Октябрь 1917 г. нарушил-де естественный ход развития России, коммунисты завели страну не туда, пусть ведут назад с красным знаменем, на котором написано не «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а «Трудящиеся союзных республик, разъединяйтесь и убивайте друг друга!». И эта чудовищная концепция уже начала осуществляться на практике.

Основные положения вынесенной на обсуждение концепции развития социализма состоят в следующем.

Первое. Социализм не модель, которую можно выбрать или не выбрать, а объективно необходимый, закономерный этап в развитии человеческого общества. Это незрелый, неполный, неразвитый коммунизм, который еще только выходит из недр предшествовавшего строя и во всех отношениях — в политическом, экономическом и нравственном — несет на себе его отпечаток. Современный капитализм близок к социализму, к его классическому образцу, хотя и сохранил немало язв. Развитые страны, вырвавшись вперед в сфере экономической, застопорились на буржуазной демократии в сфере политической и продолжают деградировать с сфере духовно-нравственной.

Второе. Как позитивные, так и негативные явления при социализме имеют объективные, прежде всего экономические, причины. Противоречивая экономическая основа социализма неизбежно порождает как созидательные, так и разрушительные тенденции. Борьбой этих тенденций и определяется развитие общества. И если сами ПО Себе негативные явления возникают объективно, нарастание их связано с неверной политикой в разрешении противоречий социализма.

Третье. В основе-движения в направлении свободного всестороннего развития всех членов общества должна лежать экономика, нацеленная на человека, на потребительную стоимость, а не на стоимость. Политика, ориентирующая экономику на стоимость, приводит к преобладанию разрушительных тенденций, разлагающих общественную собственность, подрывающих народное благосостояние. Такая политика входит в противоречие с действием закона, по которому по мере развития цивилизации должна возрастать степень обобществления производства, устраняться частная собственность.

Четвертое. Научно-технический прогресс как основа развития современного общества, состоящий в экономии труда, должен иметь своим результатом при социализме превращение этой экономии в дополнительные материальные блага и время для свободного всестороннего развития всех членов общества. Благодаря этому обеспечивается последовательное сокращение социального неравенства и постепенное преодоление классовых различий, расширение участия трудящихся в управлении, углубление социалистической демократии. В то же время многочисленные попытки представителей самых разных социальных слоев и групп взять у общества побольше и получше, а дать ему поменьше и похуже порождают противоположную тенденцию — к узурпации свободного времени частью общества, обогащению одних за счет других, зарождению класса новых, «социалистических» буржуа, уже активно действующих в системе политической власти. В обществе идет борьба за свободное развитие трудящихся, которую ведет союз работников физического и умственного труда, трудящихся города и деревни против мелкобуржуазных, частнособственнических стремлений жить за чужой счет.

Пятое. Правильно понять положение о борьбе при социализме двух линий — коммунистической и антикоммунистической — можно, лишь избавившись от догматических представлений о классовой борьбе. Объективно каждый человек имеет два противоположных экономических интереса, каждый одновременно заинтересован и в том, чтобы увеличивался общий пирог, и в том, чтобы получить как можно большую его долю. И каждому приходится так или иначе разрешать это противоречие — уж такова жизнь! И вопрос состоит в том, кто с чего начинает. Коммунисты по своей жизненной позиции относятся к тем, кто сознательно разрешает это противоречие таким образом, чтобы обогащать всех трудящихся и тем самым каждого члена общества. Коммунисты — те, кто делает это сегодня, сейчас, а не просто заглядывает в коммунистическую перспективу.

Шестое. Борьба за свободное развитие всех, а не только слоя избранных может быть успешной, если на всем пути до полного преодоления классовых различий ею руководит класс, который, во-первых, объективно наиболее полно и последовательно заинтересован в движении к социальному равенству и, во-вторых, может улучшить свое положение, только улучшая положение других трудящихся слоев и классов. Советы трудящихся — открытая ими самими форма политического союза слоев и классов, классов, которая обеспечивает руководящую роль рабочего класса и благодаря этому разрешение противоречий социализма в пользу свободного всестороннего развития всех членов общества. Эта подлинно народная по содержанию своей деятельности политическая власть, более прогрессивная, чем парламентаризм, по мере сокращения социального неравенства становится все более общенародной и по форме.

Седьмое. Творческая деятельность трудящихся по социалистическому строительству может быть сознательной, планомерной, организованной и наступательной, если рабочий класс, трудящиеся действуют под руководством партии, возглавляющей их созидание и борьбу за свободное развитие всех и устранение всякого социального неравенства. Коммунистическая партия в социалистической стране — это превращающаяся по мере преодоления социального неравенства в неклассовую общественную организацию

политическая партия рабочего класса, которая организует созидательные силы общества, руководствуясь диалектико-материалистической теорией развития.

Но все это в идеале — в теории научного социализма и партийного строительства. Сегодня КПСС далеко не отвечает тем требованиям, которые к ней предъявляются самой логикой развития социализма. И это тоже объяснимо с позиций теории развития. Положение правящей партии не избавляет ее от воздействия противоречий и противоположных тенденций, которые есть в обществе. Более того, оно обострило их проявление внутри партии, поскольку к ней примыкают люди с иными убеждениями и политическими целями, в том числе лоббисты, бездельники и карьеристы, использующие членство в партии для удовлетворения эгоистических интересов и потому прямо и косвенно выступающие против подчинения их эгоистических интересов общественным. Только освобождаясь от примазавшихся и развивая критику и самокритику, партия укрепляет себя и становится способной решать стоящие перед ней задачи.

Чтобы КПСС могла успешно служить интересам трудящихся, она должна претерпеть такие внутренние изменения, которые не позволяли бы ни партии стоять над рабочим классом, трудящимися, ни партийному аппарату — над другими членами партии. Ей прежде всего нужно избавиться от идеологических догм и практики «развитого социализма», а также от новых, «перестроечных» догм, взращенных теми, кто все свои регалии получил за пропаганду прежних догм. Необходимо освободиться от консервативных и реакционных сил, от компрометирующих партию элементов.

Партии как воздух нужны люди действительно просвещенные, которые «ни слова не скажут против совести» (В.И. Ленин) и не побоятся никакой борьбы для достижения целей, выражающих коренные интересы трудящихся. Только с сомнительных высот парламентаризма кому-то может показаться, что во внутрипартийных отношениях истинными являются только идея, слово, диалог, дискуссия, а не практическое дело. Чтобы партия не страдала болезнью отрыва слова от дела, надо, чтобы рабочие и колхозники как люди дела, которые составляют большинство трудящихся, составляли также решающее большинство в руководящих органах партии, а социальный состав

партии в целом отражал социальный состав трудовой части общества в его динамике.

То обстоятельство, что партия не может быть свободной от влияния тех противоположных тенденций, которые есть в обществе, в теоретической форме проявляется в борьбе марксизма с ревизионизмом, являющимся, как известно, течением, противоположным марксизму в нем самом, а в практической — в борьбе действительных коммунистов с оппортунистами, которые коренные интересы движения приносят в жертву побочным и сиюминутным. Если КПСС не будет бороться с ревизионизмом и оппортунизмом в своих рядах, то ее неминуемо ждут распад и гибель.

Борющейся партии нужны высококвалифицированные партийные работники, способные к самостоятельной, активной и инициативной борьбе за возрождение Советской власти как власти трудящихся. Постановка всех партийных руководителей и работников партийного аппарата на учет в цеховые партийные организации крупных производственных предприятий, непосредственное и постоянное участие в их жизни помогут им, как представляется, избежать отрыва от товарищей по партии, от трудовых коллективов и позволят решать задачи организации работы по восстановлению Советской власти.

Чтобы на место партийных руководителей не пролезли благообразные корыстолюбцы и бесчестные мафиози, всякого рода дельцы, обогащающиеся за счет народа, было бы целесообразным введение подвижного партмаксимума. Установление его в размере, кратном среднему доходу в стране, позволит даже самым высокооплачиваемым коммунистам улучшать свое материальное положение лишь при одном-единственном условии — если будет улучшаться положение всех членов общества. Эта мера сблизит коммунистов как передовых борцов за социальное равенство не только друг с другом, но и с народом, позволит освободить партию от тех, кто интересы личного обогащения ставит выше интересов всех членов общества. В тех же целях нужна и ликвидация всякого рода привилегий, в том числе привилегий на власть, которой воспользовались коммунисты, получившие мандат народных депутатов СССР через общественные организации. КПСС в интересах своего собственного очищения должна добиваться для членов

правлящей партии в случае действительных проступков более строгого наказания, чем для беспартийных. В то же время она обязана защищать своих членов от необоснованных обвинений и нападок.

КПСС только тогда преодолет кризис, когда вся ее деятельность будет строиться не на ожидании манны небесной в виде очередных указаний сверху, а на самостоятельности и инициативе, поддерживаемой, развиваемой и направляемой на научной основе. Руководители партии призваны выражать и осуществлять коллективно вырабатываемую волю всей партии, подчиняясь решениям большинства. Решения, затрагивающие интересы всей партии, должны вступать в силу только после подтверждения общепартийным голосованием в первичных партийных организациях, составляющих основу КПСС.

Поскольку процесс выработки коллективной воли является процессом противоречивым и никто не застрахован от ошибок, необходимы учет мнения и охрана прав меньшинства, не согласного с решением большинства, с обязательным возвращением через определенное время к рассмотрению и оценке принятого решения на основе анализа его практического осуществления.

Коллегиальность руководства, за которую стоят коммунисты, вовсе не означает, что руководители партии могут прятаться за нее от ответственности, как за ширму. Как свидетельствует история, руководитель, оказывающий решающее влияние на судьбы больших масс людей, велик, если он понял и выражает интересы исторического прогресса. Таких руководителей коммунисты всемерно поддерживают. Но если у руководителя слово расходится с делом, если он не гнушается обманом народа и зовет к неизвестной или необъявленной цели, коммунисты отказывают ему в доверии.

Памятуя, что партия есть соединение научного социализма с рабочим движением, созиданием и борьбой трудящихся за их полное освобождение от всех форм отчуждения, за свободное развитие всех, коммунисты благодаря создаваемой в партии творческой атмосфере освоения и развития марксизма-ленинизма должны постоянно расти как выразители и активные проводники того, что народ сознает.

Правда, сегодня многие из тех, кто ранее считался теоретиком марксизма-ленинизма, советуют отказаться от этого учения и показывают пример, занимая за счет этого очередную ступеньку служебной лестницы, все предыдущие ступени которой были ими пройдены в мундире официальных марксистов-ленинцев. Встает вопрос: а были ли они таковыми на деле? Ведь нельзя же быть марксистом, не поняв К. Маркса, не освоив его главный труд — «Капитал». В.И. Ленину принадлежит такой афоризм: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»⁹ Это было написано в 1914 г. С тех пор прошло еще более полувека, но настоятельный совет В.И. Ленина, обращенный, правда, не непосредственно к партии, а к редакторам и сотрудникам журнала «Под знаменем марксизма», «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения», стать своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики»¹⁰ услышан в партии лишь немногими учеными и рабочими, которые тоже пока не могут сказать, что проштудировали и поняли всю Логике Гегеля, но во всяком случае поняли, что те, кто сегодня от марксизма отказывается, никогда марксистами не были.

Если бы курс партии на каждом этапе развития советского общества определялся на основе марксизма-ленинизма, мы бы наверняка не дошли до жизни такой, когда задача свободного всестороннего развития всех членов общества оказалась подмененной пустой перестройкой, бессмысленной и бессодержательной сменой форм всего и вся. В отличие от категории перестройки, почерпнутой, похоже, из индустрии капремонта, философская категория развития означает не просто движение, а движение от низшего к высшему, от простого к сложному. Развитие включает перестройку и отдельных частей, и элементов целого, но никак не сводится к ней. Оно предполагает и удержание и усиление того положительного, что уже достигнуто, и ослабление негативного, причем идет через борьбу нового со старым, так что без диалектики, без марксизма можно перестраивать общество, но невозможно его развивать. Вот и получается в результате не развитие, а разрушение и разорение страны и народа.

Задача развития всех членов общества означает, что никто не должен быть забыт и оставлен в стороне от столбовой дороги общественного прогресса, что неуклонно должно сокращаться социальное неравенство, но не за счет простой уравнительности, которая может дать лишь всеобщее прозябание, а за счет развития каждого члена общества, его индивидуальности, его человеческой сущности в свойственной данному человеку форме. И это развитие должно быть не однобоким, а именно всесторонним, позволяющим каждому открыть в себе таланты и гармонично себя развить и проявить свои способности на благо коллектива, общества, стать действительно счастливым. Ведь народ признает самым счастливым того, кто принес счастье наибольшему количеству людей.

Курс на свободное и всестороннее развитие всех членов общества означает именно свободное, а не произвольное развитие, поскольку свобода как осознанная необходимость несравненно выше, чем произвол. Не могут, в частности, свободными быть народы нашего Советского Союза в отдельности друг от друга. Союз, единение жизненно необходимы именно для свободного развития всех наций и народностей.

Свободное всестороннее развитие каждого индивида в качестве цели было выдвинуто еще социалистами-утопистами. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали осуществимость этой цели на основе отрицания рабочим классом частной и утверждения общественной собственности с использованием и развитием всех действительных приобретений капиталистической эры. В.И. Ленин добился того, чтобы эта цель была сформулирована в качестве программной цели нашей партии. Известно, что Г.В. Плеханов, подготовивший проект Программы РСДРП, отстаивая планомерную организацию общественного производственного процесса, полагал, что она необходима «для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». В.И. Ленин же доказывал: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет *всего* общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на на-правителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения полного благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»¹¹. В итоге в Программе РСДРП, принятой ее II съездом,

было записано: «Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественной, и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и свободного развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»¹². Эта формулировка целиком вошла и во вторую Программу партии¹³.

Однако при принятии третьей Программы партии на XXII съезде КПСС в 1961 г. эта цель за шумными фразами о коммунизме вообще пропала, и не удивительно, что после этого партия сбилась с курса на подлинно социалистическое преобразование общества. Постепенно задача всестороннего развития всех членов общества отошла на задний план. Партия перестала считать себя классовой организацией, объявив себя общенародной. Но ведь это по существу означает перестать различать социальное неравенство, перестать бороться за его ослабление и уничтожение, что в итоге, собственно говоря, и произошло.

На XXVII съезде партии при принятии новой редакции Программы КПСС была сделана попытка вроде бы выправить курс. В текст была включена часть ленинской формулировки: «Созданный в стране производственный и духовный потенциал, задачи ускорения социально-экономического развития страны делают необходимым и возможным существенное продвижение вперед к достижению «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» (В.И. Ленин)»¹⁴. Правда, из текста не ясно, что же все-таки цель, а что средство, социально-экономическое развитие страны необходимо ускорять ради достижения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, или наоборот.

Но практическая политика руководства партии быстро все прояснила. Задача ускорения социально-экономического развития страны была выброшена вовсе, несмотря на то, что сначала апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, а потом XXVII съездом КПСС была закреплена как стратегический курс партии¹⁵. В результате того, что не были теоретически проработаны

проблемы стратегии и тактики ни в начале перестройки, ни в решениях XXVIII съезда КПСС, мы снова попали в переходный период — переходим к такому «новому» строю, когда одни живут и развиваются за счет других, к частной собственности и капитализму. Теперь, чтобы в новой Программе партии, которая сейчас готовится, в качестве курса партии было поставлено движение к полному благосостоянию и свободному всестороннему развитию всех членов общества, коммунистам предстоит вести нелегкую борьбу.

Сохранение коммунистического характера нашей партии, думается, возможно лишь в том случае, если члены партии, верные курсу на единение трудящихся, на Советскую власть для свободного развития всех, будут в каждой партийной организации, не гонясь за количеством, объединяться в инициативные комитеты коммунистов, собирать созидательные, прогрессивные силы и совместно с беспартийными, комсомольцами, молодежью образовывать советы коммунистической инициативы. Включать в их работу товарищей, вышедших из партии в знак протеста против утраты ею коммунистических позиций. Советы коммунистической инициативы предприятий и организаций, колхозов и совхозов, подразделений вооруженных сил и других первичных коллективов, районов, городов, областей, округов, краев, автономных и союзных республик, объединившись, в свою очередь составляют единое Движение коммунистической инициативы.

Инициативные комитеты коммунистов и советы коммунистической инициативы налаживают работу коммунистических фракций в органах власти всех уровней и, не ожидая указаний сверху, дают отпор попыткам глумиться над традициями революционно-освободительного движения, учением и именем В.И. Ленина, классиков марксизма, извращать историю, осквернять памятники борцам революции, героям и жертвам гражданской и Великой Отечественной войн. Они берут под защиту помещения парткомов, здания райкомов, горкомов и обкомов, партийных издательств и университетов марксизма-ленинизма, уже предназначенные к захвату антикоммунистическими элементами.

Советы коммунистической инициативы поддерживают инициативу молодежи, принимают участие в разработке и реализации молодежных программ, направленных на утверждение социальной справедливости. Их

задача — возродить в партии дух инициативы, принципиальности и партийного товарищества; обеспечивать защиту членов КПСС и беспартийных, подвергающихся гонениям за свои коммунистические убеждения; разворачивать борьбу против ренегатства, ликвидаторства, оппортунизма и ревизионизма, рвачества и стяжательства.

Для проведения коммунистической политики советы коммунистической инициативы создают средства массовой информации и организуют их работу. С помощью газет, журналов, телевидения, информационных агентств и издательских центров занимают наступательную партийную позицию, ведут пропаганду коммунистических идей, патриотизма и интернационализма, выступают против тех, кто проповедует антисоветизм, антикоммунизм, национализм, бездуховность, пытается опорочить все ценное, что связывает поколения советских людей, мировое коммунистическое движение, трудящихся всего мира.

Инициативные коммунисты не могут оставаться безучастными к ущемлению прав и социальных завоеваний трудящихся, не могут мириться с их эксплуатацией. С этим они должны бороться, используя весь арсенал политических методов: митинги, забастовки, массовые выступления против закрытия предприятий, безработицы и повышения цен.

Социал-демократы в нашей партии стремятся превратить ее из передового борца за интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции в партию их социальной защиты от проводимого самой же партией чуждого трудящимся политического курса. Такое реформирование партии несовместимо с ее коммунистической природой. Движение коммунистической инициативы в КПСС будет содействовать укреплению ее коммунистического характера и противодействовать превращению ее в социал-демократическую, демократически-социалистическую или в любую иную некоммунистическую партию. Если последнее все же произойдет, Движение коммунистической инициативы вряд ли ограничится тем, что станет коммунистической фракцией в иной, социал-демократической по сути партии, как в свое время коммунистической фракцией в РСДРП вынуждены были стать большевики. Оно скорее всего преобразует себя в коммунистическую партию, возрождаемую на ленинских основах и являющуюся правопреемницей КПСС.

А новые партийные образования, откалывающиеся от КПСС под любыми некоммунистическими названиями, вольны образовывать иные партии и начинать все сначала, по образцу того, как это с успехом сделала бывшая Демократическая платформа в КПСС.

Особо следует сказать о названии партии. Коммунистической наша партия стала называться, во-первых, в связи с тем, что социал-демократы, объединенные во II Интернационале, предали рабочее движение и перешли на сторону буржуазии, и, во-вторых, на том основании, что с самого начала коммунистами назывались те, кто своей конечной целью ставил построение бесклассового, коммунистического общества, где не будет социального неравенства и свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Сегодня отказ от названия «коммунистическая» означал бы для политической партии отказ от конечной цели борьбы рабочего класса и всех трудящихся, ибо коммунисты — те, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, кто отстаивает конечные цели движения. Одновременно он означал бы согласие с тем, чтобы в партии верх взяла установка не на развитие всех и тем самым каждого, а на удовлетворение эгоистических интересов отдельных «суверенных» членов партии, не желающих служить общему делу развития всех членов общества.

Коммунистическому движению в СССР суждено окрепнуть в борьбе за воссоздание инициативным путем конституционно провозглашенной Советской власти. Настала пора коммунистам, тем, кто действительно держится стратегического курса на единение трудящихся для свободного развития всех членов общества и стремится его политически закрепить, отмежеваться от тех в партии, кто тянет нас назад, к частной собственности и эксплуатации человека человеком. Членам партии, поднявшим знамя возрождения Советской власти для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, необходимо мужественно и честно сказать, с кем в партии им не по пути, и соединиться с теми, кто готов задачу воссоздания Советской власти решать на практике, кто поставил это себе целью.

Считаем, что курс на единение трудящихся, на Советскую власть для свободного развития всех должен быть закреплен в новой Программе КПСС.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На долю нашего народа действительно выпали суровые испытания. Политике, нацеленной на ликвидацию основ эксплуатации, на развитие всех, а не на обогащение немногих, изначально противостояла не только собственно буржуазия, но и стихия частнособственнической распущенности и анархизма, мелкобуржуазных устремлений, суть которой в краткой формуле: «дать обществу поменьше и похуже, а урвать у него побольше». К тому же борьбу с мелкобуржуазными, частнособственническими тенденциями рабочий класс должен был вести и в собственной среде. Эти тенденции проникали и в ряды его партии в виде разного рода мелкобуржуазных уклонов, в форме попыток уйти от обязанности служить своему классу, поставить партию над ним. Из-за мелкобуржуазных тенденций и диктатура рабочего класса с самого начала оказалась несвободной от бюрократических извращений. Особенно тяжелые последствия повлек за собой навязанный народу в середине 30-х годов в нарушение Программы РКП (б) отказ от выборов органов власти через трудовые коллективы. По сути дела он означал ликвидацию конституционно провозглашенной Советской власти. С этого момента и началось протаскивание парламентской системы, оторванной от трудовых коллективов, позволяющей депутатам, избранным от территорий, игнорировать волю трудового народа.

Несмотря на деформирование и извращение исторически прогрессивного, закономерного хода строительства социализма, в стране тем не менее были проведены объективно необходимые индустриализация, коллективизация и культурная революция, ликвидированы безработица и обездоленность, а вместе с ними и неуверенность в завтрашнем дне, сокращена рабочая неделя, введены бесплатная медицина и образование, на основе объединения трудящихся в Союзе Советских Социалистических Республик успешно решался национальный вопрос. Страна развивалась самыми высокими в мире темпами и по важнейшим экономическим показателям передвинулась к началу 40-х годов с дореволюционного 5-го на 2-е место в мире. Планомерное оснащение промышленности передовой техникой заложило основу роста благосостояния народа и обеспечило

оборонеспособность страны. Строительство социализма в СССР способствовало усилению международного коммунистического и рабочего движения, освободительной борьбы народов колониальных стран, заставило буржуазию многое пересмотреть и изменить в своей внутренней и внешней политике, сознательно используя объективную тенденцию к обобществлению производства.

Однако наряду с созидательными никогда не прекращали своего действия и разрушительные тенденции. И дело здесь вовсе не в чьей-то злой воле, как это сегодня пытаются доказать, а в том, что при социализме действуют противоположные тенденции — позитивная, коммунистическая — к развитию каждого на основе роста общественного богатства и негативная, антикоммунистическая — к обогащению немногих за счет ограбления большинства народа. Созидательная тенденция потенциально мощнее разрушительной, и с прогрессом обобществления предпосылки победы общественных сил, ее реализующих, укрепляются. Однако этот перевес реализуется только при сознательной, активной, организованной борьбе трудящихся во главе с рабочим классом и его партией за развитие социализма. На результатах борьбы противоположных тенденций сказываются и обстоятельства внешнего характера. Огромные людские и материальные потери советского народа в Великой Отечественной войне, титаническое напряжение и перенапряжение его сил в период восстановления порушенного войной народного хозяйства, изматывающая борьба за преодоление монополии США на ядерное оружие и обеспечение военно-стратегического паритета чрезвычайно ослабили созидательные социалистические силы, способствуя тем самым активизации сил, поддерживающих антикоммунистическую тенденцию.

Восстановив разрушенное хозяйство, советский народ в послевоенный период сумел решить ряд крупных задач социалистического развития. В 50-е годы страна стала одной из самых образованных в мире, с передовыми наукой и культурой. Всего за 10 лет СССР по производительности труда в промышленности передвинулся с 5-го на 3-е место в мире, опередив Великобританию, ФРГ и Японию. Первенство нашей страны в освоении космоса также не было случайным. Народное благосостояние устойчиво

повышалось, цены снижались, зарплата росла, рабочая неделя сокращалась. Словом, условия для развития трудящихся в целом улучшались.

Эти и многие другие победы и достижения не в последнюю очередь способствовали появлению известных иллюзий о возможности непротиворечивого движения вперед, что нашло отражение в третьей Программе партии, обещавшей быстрое, без особой борьбы достижение высшей фазы — коммунизма. Программа ошибочно провозглашала общенародный характер таких сугубо классовых социальных институтов, как партия и государство. Тем самым они лишались своей, с исторической точки зрения естественной, социальной опоры на рабочий класс, создавалось достаточно привлекательное прикрытие для их мелкобуржуазного и буржуазного перерождения. В этих условиях коммунисты, все трудящиеся оказались политически демобилизованными перед растущей активностью проводников мелкобуржуазной, антикоммунистической тенденции, действие которой может прекратиться лишь с завершением первой фазы коммунизма, когда социализм перерастет в полный коммунизм.

Ошибки программного характера, утрата органами власти способности противостоять частнособственническим тенденциям подготовили почву для усилившей негативные тенденции реформы 1965 г., стимулировавшей групповой эгоизм. В созданной экономической реформой обстановке расточительности и бесконтрольности начал развиваться теневой капитал. Страна постепенно превращалась в сырьевой придаток развитых капиталистических государств. В конечном же счете попустительство частнособственническим устремлениям привело к замедлению и последующей остановке поступательного движения общества. Государственная власть под знаком перехода к рынку стала проводить политику приватизации в интересах местного теневого капитала и иностранного бизнеса. Их влиянию подверглась и внешняя политика.

Капитализация страны вызвала рост буржуазного национализма. В обстановке нарастания межнациональных конфликтов стал разрушаться и сам Советский Союз. Все это выдавалось за движение к «гуманному демократическому социализму», а на деле обернулось очередной словесной ширмой для разрушителей социалистического строя.

Кризис, охвативший ныне все сферы общества, по сути представляет собой не что иное, как конфликт между основами социализма и раковой опухолью капитализации, столкновение между массами трудящихся, отстаивающими свои кровные интересы, и новоявленной буржуазией, помогающей при поддержке международного капитала и носителей мелкобуржуазных тенденций внутри страны безраздельного господства в обществе. Этот кризис вовсе не доказывает бесперспективность социализма; он — яркое свидетельство реакционности движения страны вспять. Но кризис всегда есть неустойчивое, переходное состояние общества, поэтому коммунисты должны способствовать борьбе трудящихся за то, чтобы он завершился не только восстановлением, но и дальнейшим упрочением социализма в СССР, а не привел бы ко всеобщей гражданской войне, к наступлению реакции по всему фронту.

Сегодня, когда у народа пытаются отнять его социальные завоевания, а ничтожное меньшинство наживается за его счет, не могут считаться коммунистами те, кто этому пособничает или не противодействует. Коммунисты лишь те, кто на деле руководствуется конечной целью борьбы рабочего класса, всех трудящихся — достичь социального равенства, но не путем уравнивания в бедности, как об этом назойливо твердят «модные» ныне публицисты, а на основе роста всеобщего богатства и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Чтобы двигаться к этой цели, нужна Советская власть, за возрождение которой и идет сейчас политическая борьба.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К главе I.

1. *Горбачев М.С.* Живое творчество народа. М., 1984. С. 6.
2. См.: *Горбачев М.С.* Настойчиво двигаться вперед. Выступление на собрании актива Ленинградской партийной Организации 17 Мая 1985 г. М., 1985.
3. Там же. С. 70.
4. Там же. С. 71.
5. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 22.
6. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 44. С. 326.
7. Там же. Т. 20. С. 13.
8. Там же. С. 14.
9. См.: Выступление на заседании Верховного Совета СССР народного депутата СССР А.А. Ганичева 19 ноября 1990 года // Литературная Россия, 31 ноября 1990 г. С. 21. Выступление народного депутата СССР от КПСС С. Умалатовой на IV Съезде народных депутатов СССР и др.
10. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 44. С. 326.
11. Там же. С. 326 — 327.
12. См.: *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 31 — 34.
13. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 316 — 321.
14. Там же. С. 317.
15. Там же. Т. 12. С. 349.
16. Там же. Т. 30. С. 159.
17. Аргументы и факты. № 50. 1990. С. 2.
18. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 37. С. 459.
19. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27 — 28 января 1987 года. М., 1987. С. 24.
20. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 19. С. 268.
21. Правда. 1990. 1 дек. С. 2. Нельзя не согласиться с мнением Ю. Белова по поводу социальной базы отрицания и разрушения: «Состояние безысходности и всеобщую социальную озлобленность, ненависть к прошлому и соответственно к настоящему — вот что только и может породить интеллектуализированное мещанство, всегда претендующее быть единственно правым» (*Белов Ю.* С точки зрения классовой // Советская Россия. 16 января 1990 года. С. 2).
22. См.: *Щипанцев А.* У кого деньги — тот и прав // Советская Россия. 1991. 8 янв.
23. Об этом свидетельствует почта партийных газет. См., например, письмо коммуниста из Новосибирска Н. Михайлова // Советская Россия, 9 января 1991 г.
24. *Попов Г.* Огонек. 1990. № 50. С. 7.
25. Там же.

К главе II.

1. Материалы Пленума ЦК КПСС 27 — 28 января 1988 г. М., 1987.
2. С. 7.
3. См.: *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 40.
4. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 1. С. 134.
5. Деятельность: теория, методология, проблема. М., 1990. С. 82.
6. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 1. С. 414 — 415.
7. Там же. С. 415 — 416.
8. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 294 — 295.
9. Там же. Т. 4. С. 138.
10. *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М., 1973. С. 26.
11. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Ч. III. Философия духа. М., 1956. С. 27.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. 4.1. С. 101 — 102.
13. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 45. С. 309.
14. *Шаталине.* Дело не в нагнетании страха // ЭКО. 1990. № 7. С. 35.
15. Правда. 1990. И окт. С. 2.
16. Правда. 1990. 2 октября. С. 3.
17. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 46. С. 29.
18. Правда. 1989. 31 окт.
19. К главе III (с. 73 — 141).
20. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 34. С. 192.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч.Н. С. 207 — 208.
22. Там же. Т. 16. С. 9.
23. Там же. Т. 23. С. 598.
24. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. С. 214.
25. Там же. Т. 47. С. 368.
26. Там же. Т. 48. С. 50.
27. Подробнее о законе потребительной стоимости см.: *Долгов В.Г.* Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы. Л., 1988.
28. СССР в цифрах в 1985 году. М., 1986. С. 173.
29. СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990. С. 47, 48.
30. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 46. Ч. П. С. 213.
31. См. там же. Т. 48. С. 259.
32. Там же. Т. 47. С. 363.
33. Там же.
34. См.: *Долгов В.Г.* Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные основы. Л., 1988. С. 122— 133.
35. См.: СССР в цифрах в 1985 году. С. 5, 173.
36. См. там же. С. 171 — 172; СССР в цифрах в 1989 году. С. 35, 47.
37. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. 4.1. С. 205.
38. См.: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 24. С. 371.
39. См. там же. Т. 36. С. 185.
40. Огонек. 1990. №50 — 52.
41. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 773.

42. Там же. Т. 46. Ч. I. С. 507.
43. Там же. Т. 21. С. 192.
44. Правда. 1990. 11 окт. С. 2.
45. Там же.
46. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 448.
47. Там же. Т. 23. С. 89.
48. Там же. Т. 19. С. 18.
49. Там же. Т. 20. С. 323.
50. Там же. Т. 46. Ч. II. С. 46.
51. Там же. Т. 20. С. 206.
52. Там же. Т. 46. Ч. II. С. 457.
53. См.: *Щербаков В.* Поворот к человеку // Социальная защита. 1990. № 1. С. 5.
54. См.: Советская Россия. 1991. 5 янв.
55. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 192.
56. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т.1. С. 387.
57. См.: Известия. 1990. 9 авг. С. 1.
58. Там же.

К главе IV.

1. См.: *Сергеев А., Шулуся* Победить «теневика» // Новые кумиры и старые авторитеты. М., 1990. С. 206.
2. *Попов В.* Смерть у станка // Труд. 1990. 29 дек.
3. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 38. С. 445.
4. Там же. Т. 12. С. 317.
5. Там же. Т. 38. С. 426.
6. Там же. Т. 36. С. 72.
7. Там же. Т. 37. С. 500.
8. Там же. Т. 38. С. 92.
9. Там же. Т. 29. С. 162.
10. Там же. Т. 45. С. 30.
11. Там же. Т. 6. С. 232.
12. Программы и Уставы КПСС. М., 1969. С. 22 — 23.
13. Там же. С. 32.
14. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 152.
15. См. там же. С. 139.

Содержание

РАЗДЕЛ I.....	8
Глава 1.....	9
ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕШЛА В РАЗРУШЕНИЕ.....	9
1. НАЧИНАЛИ С ОБНОВЛЕНИЯ.....	9
2. БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ.....	17
3. БУЙСТВО РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ СИЛ.....	37
Глава 2.....	49
ЧТО ГОВОРИТ ТЕОРИЯ.....	49
1. СУБЪЕКТИВИЗМ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ.....	49
2. ПЕРВОПРИЧИНА КРИЗИСА.....	60
РАЗДЕЛ II.....	77
Глава 3.....	78
ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА.....	78
1. ОБОБЩЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ.....	78
2. НАБИРАЕТ СИЛУ ЗАКОН ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ.....	86
3. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС - В ОСНОВУ ЭКОНОМИИ ЗАТРАТ И СНИЖЕНИЯ ЦЕН.....	96
4. УТВЕРЖДАТЬ СОБСТВЕННОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ, ПРЕОДОЛЕВАТЬ НАЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ТРУДА.....	110
Глава 4.....	153
НАДЕЖДА НА ОРГАНИЗОВАННОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ. ЧТО СДЕЛАТЬ?.....	153
1. ОЗДОРОВИТЬ ЭКОНОМИКУ: СИСТЕМА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕР.....	153
2. ВОЗРОДИТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.....	167
3. КУРС - ЕДИНЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ДЛЯ СВОБОДНОГО РАЗВИТИЯ ВСЕХ.....	178
4. ИНИЦИАТИВУ — НА СОЗИДАНИЕ.....	189
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	211
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	215